

шкафъ 1
полка VI.
№ 17.

ВАСИЛІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

ПЕРОВЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ и ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

---

60 ФОТОТИПІЙ СЪ ЕГО КАРТИНЪ

БЕЗЪ РЕТУШИ.

ТЕКСТЪ Н. П. Собко.

ИЗДАНІЕ Д. А. Ровинскаго.

С.-ПЕТЕРБУГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.
1892.

ВАСИЛІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

ПЕРОВЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ и ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

---

60 ФОТОТИПІЙ СЪ ЕГО КАРТИНЪ

БЕЗЪ РЕТУШИ.

ТЕКСТЪ Н. П. Собко.

ИЗДАНІЕ Д. А. Ровинскаго.

С.-ПЕТЕРБУГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.
1892.

1893

Дозволено цензурою. Спб. 20 декабря 1891 г.

Василій Григорьевичъ Перовъ умеръ 29 мая 1882 года; въ концѣ того же года была устроена Н. П. Собко, въ залахъ Академіи Художествъ, посмертная выставка его произведеній, во время которой, по заказу наслѣдниковъ художника, были сняты фотографомъ Классеномъ контрнегативы съ 46 картинъ и 16 рисунковъ для изданія ихъ посредствомъ фототипіи. Но предположенное изданіе не могло состояться по разнымъ причинамъ; и негативныя стекла пролежали у Классена болѣе 8 лѣтъ безъ дѣла.

Только въ началѣ нынѣшняго года я узналъ о существованіи ихъ отъ Н. П. Собко.

Какъ искренній и горячій поклонникъ Василія Григорьевича Перова, я тотчасъ же испросилъ у сына его Владиміра Васильевича позволеніе воспользоваться ими и приступилъ къ изданію.

Къ счастію почти всѣ стекла у г. Классена оказались въ исправности; изъ числа ихъ взяты мною всѣ, снятые съ картинъ, числомъ 46; къ нимъ присоединены еще 16, снятые, по моему заказу, фирмою Шиндлеръ и Мей, съ 14 картинъ *), отчасти не бывшихъ на выставкѣ 1882 года. Изъ всѣхъ этихъ снимковъ составился томъ изъ 60 фототипій, снятыхъ со всѣхъ извѣстныхъ картинъ Перова **)—*безъ выбора* и *безъ исключенія*, изъ числа ихъ, *болѣе слабыхъ работъ*.

---

*) А именно: №№ 2а, 2б, 5, 9, 10, 19, 20, 26, 31, 34, 36—39, 49,—всѣ прочіе №№ выполнены г. Классеномъ; всѣ фототипіи исполнены безъ всякой ретуши.

**) Не розысканы всего три—четыре картины изъ числа упоминаемыхъ въ описи, да съ двухъ картинъ не дозволили сдѣлать снимковъ ихъ владѣльцы.

Въ такомъ составѣ томъ этотъ даетъ каждому возможность сдѣлать точную и безпристрастную оцѣнку художественной дѣятельности этого высокаго и *истинно-русскаго* художника.

Снимки съ рисунковъ Перова (16) остались покуда неизданными; этотъ отдѣлъ требуетъ еще значительныхъ розысканій и добавленій; рисунковъ найдется еще не мало въ папкахъ Московскихъ и губернскихъ любителей.

Не теряю надежды издать ихъ со временемъ особымъ томомъ, вмѣстѣ съ литературными трудами В. Г. Перова и его письмами.

Въ настоящемъ изданіи мнѣ принадлежитъ одно наблюденіе за художественной стороной дѣла.

Составленіе текста принялъ на себя, по старой пріязни къ семьѣ Перовыхъ, Н. П. Собко.

Вся чистая прибыль отъ продажи изданія поступаетъ въ пользу наслѣдниковъ В. Г. Перова.

Д. Ровинскій.

Василій Григорьевичъ Перовъ,

его жизнь и произведенія.

Какъ ни много писалось о Перовѣ, все-таки онъ не достаточно оцѣненъ у насъ. Быть можетъ, самая близость его къ намъ не даетъ возможности сказать о немъ послѣднее слово. Надо думать, въ будущемъ за нимъ признаютъ еще большее значеніе, чѣмъ теперь. Но и нынче онъ представляетъ изъ ряда вонъ выходящую личность—какъ художникъ, писатель и человѣкъ. Посмертныя выставки его произведеній въ Москвѣ и Петербургѣ много дали матеріала для его характеристики. А то, что̀ осталось недосказано ими, должны довершить теперь изданія всѣхъ его твореній, какъ художественныхъ, такъ и литературныхъ. Мы знаемъ уже, что на первомъ планѣ у него всегда и вездѣ стояли правда и искренность—эти-то качества и придаютъ особенно притягательную силу его созданіямъ. Какъ въ обыденной жизни онъ представлялъ собою замѣчательный обращикъ рѣдкой простоты и доброты, готовности помочь всякому и въ то же время деликатности, въ соединеніи съ самолюбіемъ и гордостью, наконецъ, опрятности во внѣшности и одновременно съ этимъ нелюбви къ щегольству, такъ и произведенія его отличались полной безъискусственностью и въ самомъ дѣлѣ теплымъ чувствомъ къ человѣчеству, необычайно тонкимъ письмомъ относительно исполненія, но тѣмъ не менѣе безъ всякой лишней изысканности. Онъ былъ истинный реформаторъ русскаго ис-

кусства и поэтому есть чему у него поучиться послѣдующимъ поколѣніямъ нашихъ художниковъ. Онъ, какъ настоящій свѣточъ, указывалъ имъ путь, по которому они должны идти, и не его вина, если онъ часто оставался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. У него же самого, собственно, не было настоящихъ предшественниковъ, потому что въ произведеніяхъ такъ-называемаго родоначальника русской бытовой живописи Венеціанова и всей его школы было еще много условнаго и они дальше внѣшности не шли, а у Ѳедотова и даже у Шмелькова было еще не мало каррикатурнаго и неестественнаго, не говоря уже о недостаткахъ въ исполненіи. Другое дѣло Перовъ — онъ воплощенная истина; все, что̀ ни создавалъ онъ, заставляетъ мыслить и чувствовать; о̀бразы его глубоко врѣзываются въ памяти и отъ нихъ не хочется оторваться; рисунокъ его безупреченъ и во многихъ случаяхъ у него замѣтны проблески колоритности. Такова сила настоящаго таланта, которому все дается природою, а техника помогаетъ только осуществить любимыя идеи. Онъ долженъ занять такое же мѣсто въ нашемъ искусствѣ, какое занимаютъ въ литературѣ величайшіе наши писатели. Слава его никогда не померкнетъ, и интересъ къ нему никогда не ослабнетъ, пока художества будутъ жить на землѣ, потому что значеніе его выше значенія мелкихъ злобъ дня.

Мнѣ приходится четвертымъ разомъ писать о Перовѣ, и всякій разъ оказываются новые матеріалы объ этой замѣчательной личности. Когда я впервые написалъ небольшую статью о немъ для «Голоса», по просьбѣ В. В. Стасова, напечатанную тамъ (1882 г., № 147) съ нѣкоторыми дополненіями отъ имени послѣдняго, я могъ пользоваться одними печатными источниками, чтобы только показать всю несправедливость обвиненій Перова нѣкоторою частью нашей печати въ излишней тенденціозности. Послѣ того, мнѣ удалось собрать не мало цѣнныхъ матеріаловъ для его біографіи въ видѣ письменныхъ и устныхъ воспоминаній его родныхъ и друзей (напр., его брата — со словъ матери, затѣмъ И. М. Прянишникова и др.), а также сохранившихся въ разныхъ мѣстахъ писемъ его, которыя онъ, вообще говоря, не очень-то любилъ посылать кому бы то ни

было. На основаніи всего этого, я написалъ большую монографію о немъ для «Вѣстника Изящныхъ Искусствъ», съ подробнымъ перечнемъ всѣхъ его работъ, снимковъ съ его произведеній и печатныхъ источниковъ о немъ (1883 г., вып. 1 и 2), переведенную почти цѣликомъ на нѣмецкій языкъ въ изданіи «St. Petersburger Kalender» (на 1884). Затѣмъ, по поводу устроенной мною въ Императорской Академіи Художествъ посмертной выставки произведеній Перова, а также по случаю бывшей въ Москвѣ подобной же выставки, въ печати появилось нѣсколько характеристикъ какъ его самого, такъ и его дѣятельности, которыми я могъ воспользоваться лишь для третьей своей статьи, написанной мною по порученію редактора англійскаго художественнаго журнала «Magazine of Art» (1886, june). Наконецъ, приготовляясь въ послѣднее время, по предложенію Д. А. Ровинскаго, къ писанію новой монографіи о Перовѣ для изданія фототипическихъ снимковъ съ его картинъ, я постарался добыть, черезъ посредство его родственниковъ, еще новые источники для его біографіи въ видѣ написанныхъ его другомъ Безсоновымъ воспоминаній о немъ, отчасти съ его словъ, а также его собственныхъ набросковъ карандашемъ, предназначавшихся, повидимому, для будущихъ разсказовъ автобіографическаго характера. Кромѣ того, П. М. Третьяковъ, такъ близко знавшій Перова въ теченіе многихъ лѣтъ и столько помогшій мнѣ прежде, вмѣстѣ съ его вдовой и братомъ, при составленіи списка его работъ, далъ себѣ трудъ пройти со мною прежнюю мою монографію и указать мнѣ на нѣкоторыя вкравшіяся въ нее неточности. Въ добавокъ ко всему, познакомившись лично со всѣми произведеніями Перова, даже и съ такими, которыя до того никогда не появлялись передъ глазами публики, и изучая въ продолженіи многихъ лѣтъ эту въ высшей степени своеобразную личность, я составилъ себѣ во многихъ отношеніяхъ совсѣмъ иное мнѣніе о немъ противъ прежняго, и потому нынѣшняя статья моя объ этомъ создателѣ настоящаго русскаго жанра является во многомъ значительно отличающеюся отъ всѣхъ предыдущихъ.

I.

Василій Григорьевичъ Перовъ происходилъ изъ старинной фамиліи бароновъ Криденеровъ, но, рожденный внѣ брака, не

могъ пользоваться всѣми преимуществами своего древняго рода. Не смотря на то, что родители его вскорѣ повѣнчались между собою, имъ все-таки не удалось усыновить своего первенца, благодаря строгости законовъ того времени, и онъ долго назывался въ бумагахъ по крестному отцу—Васильевымъ. Родился Василій Григорьевичъ 23 декабря 1833 г. въ Тобольскѣ, гдѣ отецъ его былъ губернскимъ прокуроромъ, еще съ 1825 года.

Григорій Карловичъ Криденеръ былъ человѣкъ очень добрый, просвѣщенный и гуманный, и въ домѣ у него постоянно находили пріютъ и гостепріимство многіе декабристы, сосланные въ Сибирь, что́ немогло не отозваться на его служебной карьерѣ. Послѣ многолѣтней службы въ Тобольскѣ, онъ просилъ перевести его въ одну изъ болѣе умѣренныхъ губерній Россіи, такъ какъ суровыя зимы Сибири вредно дѣйствовали на его здоровье; его дѣйствительно перевели на должность прокурора въ Архангельскъ, когда старшему сыну Василію не было и года.

6 Декабря 1834 г. въ 4 часа утра, при жестокомъ морозѣ (какъ сообщаетъ мнѣ братъ Перова, Леонидъ Григорьевичъ Криденеръ, со словъ ихъ матери), семейство Криденеровъ тронулось изъ Тобольска въ далекій путь. Маленькій Василій только-что сталъ оправляться тогда послѣ какой-то дѣтской болѣзни. Много невзгодъ вынесъ онъ на пути, но, не смотря на нихъ, онъ дорогою видимо окрѣпъ и сильно поправился. Путешествіе, благодаря перерывамъ и остановкамъ, длилось почти шесть недѣль.

Недолго однако прослужилъ Г. К. Криденеръ въ Архангельскѣ—всего около двухъ лѣтъ, какъ долженъ былъ выдти въ отставку, и вотъ по какой причинѣ. Онъ написалъ французскіе стихи на всю губернскую администрацію, представивъ ее въ каррикатурномъ видѣ. Стихи повлекли за собой много непріятностей и даже доносы, поэтому ихъ автору нельзя было долѣе оставаться на службѣ. По полученіи отставки, Г. К. Криденеръ переселился съ семействомъ сперва въ Петербургъ, а потомъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ окрестности Дерпта, въ родовое имѣніе Суслепъ, которымъ владѣлъ въ то время его старшій братъ Морицъ (1836).

Въ Суслепѣ, когда сыну Василію не было и 5 лѣтъ, мать сама стала учить его грамотѣ. Мальчикъ оказалъ чрезвычайно хорошія способности и въ годъ уже порядочно читалъ и за-

учивалъ наизусть стихи. Проживя въ Суслепѣ всего одинъ годъ, Г. К. Криденеръ переѣхалъ съ семействомъ на житье въ Самарскую губернію и поселился тамъ сначала въ деревнѣ Кротовкѣ, у своего зятя Д. В. Панова, женатаго на родной дочери его отъ первой жены, а затѣмъ, черезъ полгода, въ деревнѣ Кольцовкѣ, у другаго зятя П. И. Степанова (1838).

Первое время пребыванія въ Кольцовкѣ мать сама продолжала учить сына Василія. Не много спустя, его отдали въ ученье къ приходскому священнику, который однако, будучи боленъ, скоро уѣхалъ лѣчиться, и тогда маленькаго Василія поручили учить заштатному дьячку. Этотъ дьячекъ былъ человѣкъ умный и начитанный, отличался веселымъ и шутливымъ характеромъ, былъ большой юмористъ и любилъ разсказывать забавные анекдоты. Маленькаго Василія онъ училъ славянскому языку, чистописанію, ариѳметикѣ и закону Божію. Изъ всѣхъ предметовъ юный ученикъ оказывалъ особые успѣхи въ каллиграфіи. Вмѣстѣ съ нимъ у дьячка учился еще сынъ одного крестьянина, большой шалунъ, крайне безобразный по наружности и тупой въ наукахъ. Этотъ мальчикъ былъ, напротивъ, очень плохъ въ чистописаніи и все только болталъ ногами за уроками. Однажды дьячекъ, выведенный изъ терпѣнія его каллиграфическимъ незнаніемъ, вскричалъ въ сердцахъ: «Куда тебѣ писать, тебѣ только ногами болтать, и будешь ты у меня Иванъ Болтовъ, а вотъ онъ (указывая на маленькаго Василія) будетъ у меня Василій Перовъ». Съ тѣхъ поръ дьячекъ и не называлъ мальчиковъ иначе, какъ одного Иванъ Болтовъ, а другого Василій Перовъ. Эти прозвища остались за ними на всю жизнь ихъ, вмѣсто фамилій. Въ то время маленькому Перову было 7 лѣтъ. Когда ему было 9 лѣтъ, отецъ его получилъ мѣсто управляющаго у г. Языкова въ имѣніи Саблуково, Нижегородской губерніи, Арзамасскаго уѣзда, и все семейство тогда же переѣхало туда (1842).

По пріѣздѣ въ Саблуково, маленькій Василій, отличавшійся всегда болѣзненно-нервнымъ организмомъ, захворалъ жестокой натуральной оспой и чуть было не ослѣпъ — слѣды болѣзни остались отчасти на его зрѣніи на всю жизнь. Только заботливости хорошаго врача и особенно уходу матери онъ былъ обязанъ тѣмъ, что остался вообще въ живыхъ. Долго ему запрещено было выходить изъ комнаты, и онъ своими шалостями съ меньшимъ братомъ Григоріемъ сильно надо-

ѣдалъ матери. Но скоро все перемѣнилось, какъ только отецъ ихъ пригласилъ живописца изъ Арзамаса написать на своемъ большомъ портретѣ, вмѣсто прежней собаки, — новую, бывшую на-лицо въ то время. Маленькій Василій внимательно слѣдилъ за всей работой: видѣлъ, какъ живописецъ растиралъ краски, какъ писалъ ими, какъ, вмѣсто одной собаки, на картинѣ явилась другая, и съ его отъѣздомъ, по окончаніи работы, самъ взялъ карандашъ, началъ чертить на бумагѣ, пытался нарисовать человѣческую фигурку съ кого-нибудь. Черта замѣчательная для ребенка, потому что обыкновенно дѣти стараются прежде всего копировать съ готовыхъ оригиналовъ, а потомъ уже съ натуры. Бумаги онъ перевелъ, правда, не мало, но дѣло все не клеилось. Разъ какъ-то мать, заглянувъ на его работу, замѣтила ему: «Ты бы, Вася, писалъ лучше съ картинъ, а то ты все пишешь человѣчковъ какихъ-то — ихъ тебѣ не написать, съ картинъ же, можетъ быть, и напишешь что-либо». Такъ какъ картинъ въ домѣ было не мало, то маленькій Василій принялся немедленно копировать съ нихъ. Къ этому занятію онъ вскорѣ до того пристрастился, что сталъ рисовать, гдѣ и чѣмъ ни попало: на заборахъ, стѣнахъ, столахъ — углемъ, карандашемъ, мѣломъ. За это ему часто доставалось отъ матери, но отецъ смотрѣлъ снисходительно на его царапанье: онъ страстно любилъ дѣтей и никогда не наказывалъ ихъ, даже за крупныя шалости. Самъ онъ занимался музыкой, превосходно игралъ на скрипкѣ и на фортепіано, разсказывалъ дѣтямъ о великихъ музыкантахъ и художникахъ—онъ владѣлъ почти всѣми европейскими языками и даже писалъ что-то по-польски,—поощрялъ старшаго сына въ занятіяхъ художествомъ и вообще имѣлъ на него большое вліяніе. Въ своихъ запискахъ, Василій Григорьевичъ съ особенной любовью вспоминаетъ объ отцѣ и его музыкѣ, которая производила на него сильное впечатлѣніе; работая въ деревнѣ подъ музыку отца, онъ не разъ, по его собственнымъ словамъ, возносился своими мечтами въ заоблачныя страны.

Маленькому Василію не исполнилось и 10 лѣтъ, какъ его отдали, когда онъ вполнѣ оправился отъ болѣзни, въ Арзамасское уѣздное училище. и онъ сталъ жить у тамошняго учителя Фаворскаго. Неприглядность закопченныхъ стѣнъ, непривычная для глаза форма учебныхъ столовъ, черная, ис-

пещренная мѣломъ доска, напоминающая трауръ съ плерезами, словомъ вся обстановка класса внушала далеко не отрадныя мысли беззаботно рѣзвому мальчику и, не будь тамъ маленькихъ товарищей, пожалуй, было бы еще тошнѣе, чѣмъ въ сельскомъ домикѣ священника. Но дѣлать было нечего: волей-неволей надо было оказывать прилежаніе и вести себя скромно, хотя бы для того уже, чтобы избѣжать суровыхъ мѣръ, принимавшихся заботливыми наставниками противъ признаковъ лѣни и излишней развязности. До того времени у него былъ учитель въ деревнѣ, но училъ его всего два или три мѣсяца. Деликатная и впечатлительная натура мальчика не могла мириться съ принятыми въ то время способами преподаванія началъ премудрости, гдѣ слова «наставленіе» и «наказаніе» считались чуть ни синонимами, и, постоянно заявляя протесты то въ видѣ лѣни, то въ видѣ шалостей, искала выхода изъ непріятнаго положенія. Въ училищѣ, маленькій Василій обратилъ на себя вниманіе учителей своею необыкновенною способностью къ рисованію и чистописанію; хотя онъ не отставалъ и въ другихъ предметахъ, но рисованіе онъ любилъ болѣе всего и занимался имъ почти исключительно. Онъ кончилъ курсъ въ училищѣ, когда ему не было еще полныхъ 13 лѣтъ. Все, что̀ давало заведеніе, по возможности было усвоено, по крайней мѣрѣ яснѣе опредѣлились настоящія стремленія и положены были зачатки любознательности, которая впослѣдствіи еще болѣе развилась и породила страстную охоту къ чтенію. Изъ всѣхъ занятій, ни однимъ однако такъ не увлекался маленькій Василій, какъ рисованіемъ. Уже въ то время въ программу каждаго учебнаго заведенія рисованіе входило какъ предметъ необходимый, развивающій эстетически; конечно, оно не шло далѣе копированія съ оригиналовъ головъ, иногда пейзажей, но все-таки для того, въ комъ была хоть малѣйшая искра природнаго дарованія, и этого было достаточно, чтобы дать дальнѣйшій толчекъ.

II.

За время трехлѣтняго пребыванія юнаго Перова въ уѣздномъ училищѣ (1843—46), отецъ его познакомился съ арзамаскимъ купцомъ М. Г. Безобразовымъ. Это былъ человѣкъ,

выходившій изъ-ряда вонъ среди тогдашняго купечества: онъ былъ уменъ, хорошо образованъ, зналъ иностранные языки, имѣлъ порядочную библіотеку и почти не водилъ знакомства съ прочими арзамасскими купцами. Г. К. Криденеръ очень сошелся съ нимъ, ѣздилъ къ нему часто за книгами, да и Безобразовъ часто бывалъ у Криденеровъ и особенно полюбилъ маленькаго Василія.

Онъ всегда поощрялъ своего любимца въ занятіяхъ рисованіемъ, хвалилъ его за успѣхи и совѣтовалъ ему, по окончаніи курса въ уѣздномъ училищѣ, продолжать ученіе въ художественной школѣ Ступина, въ Арзамасѣ, обращавшей на себя постоянное вниманіе Академіи Художествъ хорошими произведеніями своихъ учениковъ. На домашнемъ совѣтѣ рѣшено было однако отдать юнаго Василія въ Нижегородскую гимназію, но мальчикъ самъ сильно противился этому и настойчиво просилъ помѣстить его къ Ступину Сперва мать и слышать не хотѣла о художественной школѣ — она сильно опасалась за нравственность сына, такъ какъ ученики Ступина были извѣстны въ Арзамасѣ за самый безпутный народъ. И дѣйствительно, Александръ Васильевичъ Ступинъ, чрезвычайно строгій въ школѣ, внѣ ея не обращалъ рѣшительно никакого вниманія даже на крупныя продѣлки своихъ учениковъ, хотя многіе изъ нихъ жили въ самой школѣ [1]). Тѣмъ не менѣе, благодаря настойчивости Василія Григорьевича и увѣщаніямъ Безобразова, рѣшились наконецъ отдать его въ художественную школу. Отецъ отправился къ Ступину и условился со старикомъ, что сынъ будетъ ѣздить въ школу два раза въ недѣлю. Однако черезъ три мѣсяца уроки эти все-таки прекратились, и вотъ по какому обстоятельству. Товарищи завели разъ В. Г. на именины къ одной модисткѣ и напоили его тамъ наливкой, такъ что, когда онъ вернулся домой, отъ него сильно пахло виномъ, а этого запаха мать просто не могла выносить. По прекращеніи уроковъ въ Арзамасѣ, мать нарочно ѣздила въ Москву, чтобъ отыскать какое-либо заведеніе, гдѣ бы сынъ могъ учиться рисованію. Но на этотъ разъ поѣздка ея не увѣнчалась успѣхомъ, и она вернулась изъ столицы ни съ чѣмъ. Вскорѣ послѣ того Г. К. Криде-

---

[1]) Подробности объ этой школѣ можно найти въ статьѣ: А. В. Ступинъ. Выдержки изъ собственноручныхъ его записокъ, съ примѣчаніями Н. Е. Рачкова («Иллюстрація» 1862, №№ 220 и 221, стр. 315 и 343).

неру отказали отъ мѣста; тогда онъ переселился со всей семьей въ Арзамасъ и нанялъ тамъ квартиру какъ разъ напротивъ школы Ступина.

Прерванные уроки юнаго Перова возобновились, и на нынѣшній разъ происходили ежедневно. Обыкновенно занятія въ школѣ продолжались отъ 9 часовъ утра до 3 часовъ дня, и только въ 12 часовъ ученики ходили обѣдать; тѣмъ временемъ Ступинъ осматривалъ ихъ работы. Онъ часто бывалъ въ гостяхъ у Криденеровъ и, на сомнѣнія матери В. Г. на счетъ дальнѣйшей дѣятельности сына, говаривалъ ей въ утѣшеніе: «Ты, матушка, не безпокойся, Васенька не пропадетъ — у него талантъ, изъ него выйдетъ художникъ; это я тебѣ вѣрно говорю» (старикъ Ступинъ всѣмъ говорилъ «ты»). Хотя юному Василію страстно хотѣлось писать масляными красками, но на всѣ его просьбы Ступинъ отвѣчалъ одно: «Нѣтъ, батюшка, рисуй-ка карандашемъ, будь потверже въ карандашѣ, а тамъ начнешь и красками». Между тѣмъ рисунками его Ступинъ былъ очень доволенъ. Поэтому одинъ изъ учениковъ, нѣкто Ивановскій, сталъ уговаривать В. Г. писать красками потихоньку отъ Ступина и совѣтовалъ ему написать копію съ картины Брюлова «Старикъ», бывшей въ ихъ школѣ. Сказано — сдѣлано. Натянули холстъ на подрамокъ, и началась работа тайкомъ. Въ обѣденные часы копію обыкновенно убирали, чтобы Ступинъ не увидалъ ее; но разъ какъ-то забыли ее вынести изъ комнаты и Ступинъ все-таки увидѣлъ. Въ то время, когда онъ разсматривалъ ее, въ комнату вошелъ Ивановскій. «Это ты, мой батюшка, копируешь Брюлова-то», спросилъ Ступинъ. — «Нѣтъ, А. В., это Перовъ пишетъ», отвѣчалъ Ивановскій.—«Не можетъ быть», возразилъ старикъ. Юноша сталъ увѣрять его въ истинѣ своихъ словъ. — «А пошли-ка ты мнѣ его сюда», приказалъ наставникъ. В. Г. въ великомъ смущеніи явился на судъ и ожидалъ строгаго выговора, но на дѣлѣ вышло иное. «Это ты пишешь копію-то», обратился къ нему съ вопросомъ Ступинъ.—«Я-съ, А. В.», отвѣчалъ ученикъ.— «Хорошо, братъ, хорошо! Ты теперь пиши красками — пора уже». В. Г. прибѣжалъ домой, не помня себя отъ радости, что похвалили его первую работу масляными красками. Ему шелъ тогда 15-й годъ. Такимъ образомъ, какъ прежде въ рисованіи, такъ теперь въ живописи, онъ доходилъ до всего самъ, почти безъ всякой посторонней помощи, если не счи-

тать помощью — указаній другихъ лицъ, матери и товарищей, на предметы для занятій.

Черезъ годъ (1849) Г. К. Криденеръ снова получилъ мѣсто управляющаго имѣніемъ — у директора Московскаго Опекунскаго Совѣта Михайлова, и все семейство переѣхало въ сельцо Піяишное, а В. Г. остался въ Арзамасѣ одинъ и перебрался на житье къ Ступину. Только мать взяла съ него слово, что онъ не будетъ бражничать и вообще водить близкое знакомство съ прочими учениками. Онъ сдержалъ свое слово, но тѣмъ самымъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе нѣкоторыхъ изъ учениковъ, и разладъ кончился полной ссорой. Это произошло за обѣдомъ: старшій ученикъ, нѣкто Гусевъ, назвалъ В. Г. скотиной, тотъ пустилъ ему въ лицо тарелкой съ горячей кашей; обожженный Гусевъ пожаловался Ступину, а Ступинъ, не терпѣвшій неуваженія къ старшимъ и не вникнувшій хорошенько въ дѣло, обвинилъ во всемъ Перова. Тогда В. Г. заявилъ ему, что его самого готовъ слушаться во всемъ, но сносить дерзости и обиды отъ учениковъ не намѣренъ и предпочитаетъ лучше уѣхать домой, — до такой степени онъ былъ самолюбивъ и независимъ, не смотря на свой юный возрастъ. Онъ тутъ же захватилъ съ собою кой-какія пожитки и къ вечеру былъ уже въ Піяишномъ, продѣлавъ пѣшкомъ 35 верстъ. Домашніе, узнавъ всю эту исторію, вполнѣ одобрили его поведеніе, а мать была даже очень рада, что ея Вася избавился наконецъ отъ такого омута.

Слѣдующую за тѣмъ осень и зиму В. Г. провелъ дома, не переставая работать. Нѣкоторые изъ бывшихъ товарищей по школѣ доставляли ему, тихонько отъ Ступина, разные оригиналы, съ которыхъ онъ и дѣлалъ копіи, какъ напр.: св. Іеронимъ, Цыганка, Гречанка, Головка Моисея и проч. Въ деревнѣ онъ выбралъ себѣ помощникомъ и товарищемъ одного крестьянина, по имени Ивана, однихъ съ нимъ лѣтъ и очень красиваго лицомъ; выучилъ его тереть краски, натягивать и грунтовать холстъ. Этотъ Иванъ былъ скорѣе другомъ В. Г., чѣмъ слугой, и готовъ былъ всюду слѣдовать за нимъ. Прошла наконецъ масляница и наступила первая недѣля великаго поста. Подъ впечатлѣніемъ великопостной службы, В. Г. задумалъ писать «Распятіе». Все уже было готово для работы: и холстъ натянутъ и загрунтованъ, и краски натерты, но В. Г. все еще не рѣшался приняться за картину. Его тревожила

мысль, какъ онъ будетъ писать мертвое человѣческое тѣло на крестѣ, никогда не видавъ его въ такомъ положенiи. Жажда правды и добросовѣстное отношенiе къ дѣлу тогда уже были замѣтны въ немъ. На выручку явился тотъ же Иванъ. Совокупными силами сладили большой деревянный крестъ и ввернули въ него кольца въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должны были приходиться по разсчету руки и ноги. Затѣмъ крестъ этотъ былъ поставленъ въ темномъ углу гостинной; раздѣтый до нога Иванъ продѣвалъ руки и ноги въ кольца и привязывался кромѣ того широкими ремнями къ кресту. Началась работа съ натуры и продолжалась цѣлыхъ шесть недѣль. Всѣ жалѣли Ивана, терпѣвшаго добровольно такiя мученiя; многiе крестьяне думали даже, что В. Г. въ самомъ дѣлѣ прибиваетъ Ивана къ кресту гвоздями. Наконецъ, къ страстной недѣлѣ картина была готова, и В. Г. рѣшилъ пожертвовать ее въ сельскую церковь. Все было написано тутъ съ натуры, и только лицо Ивана было нѣсколько измѣнено.

Въ самую распутицу, свернувъ картину, В. Г. самъ повезъ ее въ сельцо Каваксу, въ полуторахъ верстахъ отъ Пiяишнаго. Священникъ одобрилъ работу вполнѣ; но прихожане, которые были почти сплошь старовѣры, отказались принять образъ въ такомъ видѣ, хотя онъ и понравился имъ, — на томъ основанiи, что крестъ былъ представленъ здѣсь не тотъ, и руки были сдѣланы не такъ, какъ было принято у нихъ, и просили В. Г. переписать то и другое. Однако В. Г. на отрѣзъ отказался отъ этого — черты самостоятельности проявлялись у него съ самыхъ юныхъ лѣтъ — и взялъ картину обратно. Онъ вернулся домой сердитый, измученный и весь мокрый; онъ даже чуть было не утонулъ въ разлившейся рѣчкѣ, и весь тотъ день былъ не въ духѣ. Но на другой день снова отправился съ картиной въ другое село — Никольское, въ 5 верстахъ отъ Пiяишнаго. Тамъ и священникъ, и причтъ, и прихожане, всѣ одобрили картину, приняли ее въ свою церковь съ удовольствiемъ и поставили за престоломъ, гдѣ она находится и по сейчасъ. Перовъ вернулся домой восторженный; всѣ домашнiе также были довольны его успѣхомъ. Это была первая его работа съ натуры, ему шелъ въ то время 17-й годъ Разумѣется, въ этомъ первомъ произведенiи было еще много наивнаго въ отношенiи прiемовъ и техники, но въ немъ были очевидно и несомнѣнные признаки дарованiя, если отецъ В. Г.,

вообще поощрявшій эстетическія наклонности сына, рѣшилъ теперь окончательно предоставить его художественной карьерѣ. За этой работой вскорѣ слѣдовала вторая: В. Г. написалъ съ себя портретъ, глядя въ зеркало. Портретъ вышелъ очень похожъ и хорошъ, долго сохранялся въ семействѣ, но потомъ пропалъ куда-то. Затѣмъ онъ написалъ еще портретъ отца и наконецъ перебралъ всѣхъ домашнихъ себѣ въ натурщики.

Кромѣ живописи, Перовъ, живя въ деревнѣ, занимался чтеніемъ, охотою и бесѣдами съ крестьянами. Читалъ онъ преимущественно романы Марлинскаго, которые доставалъ изъ мѣстной библіотеки для чтенія; на охоту ходилъ во всѣ времена года безъ устали, а въ бесѣдахъ съ крестьянами былъ ихъ другомъ и пріятелемъ, какъ и отецъ его. Съѣздивъ однажды съ матерью на Нижегородскую ярмарку и увидавъ тамъ фокусника А. Раппо, онъ, по возвращеніи домой, сталъ продѣлывать тѣ же штуки у себя въ деревнѣ. Онъ уже въ то время отличался замѣчательной наблюдательностью. Все это имѣло большое вліяніе на дальнѣйшую судьбу Перова, но рѣшительный переворотъ въ его жизни произвелъ пріѣздъ въ деревню племянника отца, П. П. Мюнцендорфа, только-что окончившаго тогда курсъ въ Дерптскомъ университетѣ. По его совѣту, мать, видя быстрые успѣхи сына въ искусствѣ, снова рѣшилась ѣхать въ маѣ 1852 г. въ Москву, и на этотъ разъ уже не одна, а вмѣстѣ съ Василіемъ Григорьевичемъ.

III.

Въ Москвѣ, мать съ сыномъ остановились у смотрительницы одного женскаго пріюта, М. Л. Штрейтеръ, родственницы доктора Оберлинга, тоже совѣтовавшаго барону Криденеру, въ качествѣ друга, отправить сына въ древнюю столицу для окончанія художественнаго образованія. У этой почтенной дамы былъ племянникъ, молодой человѣкъ лѣтъ 19-ти, съ которымъ Перовъ скоро очень сошелся. Какъ-то въ разговорѣ о поступленіи В. Г. въ какую-либо художественную школу, этотъ юноша предложилъ напередъ познакомить его съ однимъ художникомъ, чтобы узнать, куда лучше поступить. Перовъ съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе и вернулся отъ художника въ такомъ восторгѣ, что мать ду-

мала сперва, не помѣшался ли онъ: онъ просто плясалъ на мѣстѣ, бросался всѣхъ цѣловать и вообще былъ самъ не свой. Когда первые восторги нѣсколько утихли, дѣло объяснилось просто: художникъ сказалъ В. Г., что онъ смѣло можетъ поступить въ Училище Живописи и Ваянія. Рѣшено было завтра же идти къ инспектору, не смотря на царскій день и на передѣлки въ Училищѣ, хотя смотрительница пріюта и совѣтовала отложить это до послѣ-завтра, говоря, что молодого человѣка не допустятъ до инспектора. Но ничто не помогло, и В. Г. твердо рѣшилъ идти.

На другой день, взявъ съ собою свои работы (между прочимъ головку Моисея) и двугривенный для задабриванія швейцара, онъ отправился въ Училище. Дѣйствительно, швейцаръ сначала не хотѣлъ даже докладывать скульптору Рамазанову, но, получивъ 20 копѣекъ на чай, тотчасъ же доложилъ. Рамазановъ принялъ Перова немедленно. Онъ былъ въ мундирѣ съ орденами, по случаю царскаго дня, и потому В. Г. нѣсколько сконфузился съ непривычки. Рамазановъ долго разспрашивалъ его, гдѣ онъ учился, имѣетъ ли желаніе быть художникомъ, есть ли у него какія работы, съ нимъ ли онѣ. Когда Перовъ показалъ ему свои рисунки, Рамазановъ долго разсматривалъ ихъ, наконецъ улыбнулся и сказалъ, потрепавъ В. Г. по плечу: «Вы можете поступить въ Училище и, если только вамъ никто этого не поправлялъ, то трудитесь, работайте, — изъ васъ будетъ художникъ, у васъ есть талантъ; въ сентябрѣ я жду васъ». Понятно, Перовъ былъ внѣ себя отъ восторга послѣ такого пріема.

Вскорѣ затѣмъ мать уѣхала домой, оставивъ сына у смотрительницы пріюта. — Новыя впечатлѣнія, новыя условія молодой жизни и ея увлеченія, свобода съ обильнымъ запасомъ надеждъ на будущее, отвлекали Перова отъ прямой цѣли, мѣшали сосредоточиться на главномъ предметѣ и исключительно посвятить ему свою дѣятельность, — говорится въ воспоминаніяхъ Безсонова. Но и среди разсѣяній онъ находилъ довольно времени для занятій и не мало работалъ, отсылая къ отцу все, что̀ выходило изъ-подъ его кисти и карандаша, а взамѣнъ того получая отъ него настойчиво выражаемыя пожеланія, чтобы сынъ серьезнѣе, дѣльнѣе относился къ искусству, которое впослѣдствіи долженствовало дать ему имя и обезпечить средства къ безбѣдной жизни. Конечно, самъ Перовъ

хорошо чувствовалъ и ясно понималъ справедливость такихъ настояній, но молодость брала свое; однакожъ, послѣдовавшія затѣмъ перемѣны не замедлили отразиться и на внутреннемъ строѣ, и на внѣшней сторонѣ жизни В. Г. Впечатлѣнія древней столицы изгладились, пылъ увлеченій потерялъ свой острый характеръ, къ свѣтлымъ надеждамъ примѣшалась доля сомнѣнія, и юношеское легкомысліе со всего свѣяла суровая дѣйствительность. Все какъ-то преобразилось отъ мечтаній до кошелька, словно похудѣло, отощало и разладилось; вообще наступила та пора, когда человѣкъ начинаеть чувствовать себя весьма не складно. А главное, что́ заставило его крѣпко призадуматься и поникнуть головою,—это искреннее сознаніе, что многаго, болѣе чѣмъ многаго не достаетъ ему для полноты художественнаго образованія; что одного дарованія, какъ бы оно само по себѣ сильно ни было, далеко не достаточно для того, чтобъ сдѣлать что-нибудь особенное, необыденное. Необходимость учиться систематически, потребность глубокаго изученія законовъ искусства и техники сказались тотчасъ же, лишь только Перовъ задумалъ строже отнестись къ дѣлу, и привели его наконецъ къ дверямъ художественнаго класса, что́ нынѣ Училище Живописи, Ваянія и Зодчества. Въ концѣ 1853 года Перовъ поступилъ въ число учениковъ этого заведенія и сталъ прилежно посѣщать классы, утренніе и вечерніе, оставаясь все на той же квартирѣ, у Марьи Любимовны Штрейтеръ. Престарѣлая весталка, неизлечимо больная чахоткою, она служила надзирательницею дѣтскаго пріюта, и была для своего квартиранта не только заботливымъ и добрымъ другомъ, но и истинною благодѣтельницею, не перестававшею до самой смерти принимать теплое, родственное участіе въ судьбѣ его. В. Г. постоянно встрѣчалъ въ ней полнѣйшее сочувствіе ко всѣмъ своимъ стремленіямъ, надеждамъ, удачамъ и невзгодамъ, и навсегда сохранилъ о ней благодарное воспоминаніе.

Живя постоянно въ мірѣ художественныхъ образовъ, Перовъ вообще мало обращалъ вниманія на реальную сторону своего существованія, а между тѣмъ рессурсы его замѣтно истощались; устарѣвшій отецъ, обремененный большимъ семействомъ и самъ крайне нуждавшійся, давно уже пересталъ помогать ему и прекратилъ даже присылку денегъ за его содержаніе Марьѣ Любимовнѣ. Врожденная деликатность и безграничная доброта не допустили ее измѣнить своихъ отноше-

ній къ несчастливому молодому человѣку, и она по прежнему продолжала объ немъ заботиться; но сама бѣдная, постоянно больная, жившая скромнымъ жалованьемъ, могла ли она улучшить его положеніе, которое со дня на день становилось по истинѣ невыносимымъ? Осень 1855 года застала его при крайней степени лишеній и нравственнаго страданія,—томительная тоска овладѣла имъ совершенно; въ такомъ состояніи духа, натурально, работать онъ не могъ ни въ классѣ, ни дома, — все не ладилось, все валилось изъ рукъ, надоѣло, опротивѣло смертельно; платить за право ученія было нечѣмъ: безъ платья, безъ обуви и вскорѣ, можетъ быть, безъ крова! Болѣзнь Маріи Любимовны близилась къ концу, она одной ногой стояла ужъ въ могилѣ и такимъ образомъ изсякалъ послѣдній источникъ его печальнаго существованія. Черныя думы гнали его отъ людей подальше и часто по цѣлымъ днямъ бродилъ онъ за заставою по полямъ и кладбищу, машинально зачерчивая въ свой альбомъ все, что̀ попадало на пути; на просторѣ хоть дышалось нѣсколько свободнѣе, но и тамъ грозными призраками неотразимо стояли передъ нимъ вопросы: Какъ быть? На что рѣшиться? — А рѣшиться на что-нибудь было необходимо; въ такомъ отчаянномъ положеніи, не потерявъ совсѣмъ разсудка, оставаться долѣе было невозможно. Единственный выходъ представлялся въ томъ, чтобы покончить на всегда свои отношенія къ Училищу, получить аттестатъ на званіе учителя рисованія и гдѣ-нибудь въ глуши уѣзднаго городка влачить жалкое существованіе, обучая юношество искусству. Изнемогая подъ гнетомъ обстоятельствъ, Перовъ мирился уже съ этою скорбною мыслью, и погибъ бы такимъ образомъ замѣчательный талантъ неразвитымъ, будучи на вѣкъ подавленъ мелочными заботами о снисканіи черствой корки хлѣба, а подъ часъ, пожалуй, доброй чарки той живительной влаги, которая притупляетъ иногда нестерпимыя страданія искалѣченнаго ума и разбитаго сердца. Явленіе на нашей широкой Руси не рѣдкое! Но судьба сберегла Перова для лучшихъ цѣлей. Въ самый разгаръ всѣхъ бѣдъ и напастей, съ нимъ случилось нѣчто такое, что̀ не всегда и не со всякимъ случается.

Прежде чѣмъ поступить въ Училище (1852), Перовъ получилъ увольненіе отъ Арзамасской Городской Думы и сдѣлался свободнымъ. Но такъ какъ пріютъ, гдѣ онъ жилъ, былъ женскій, а ему было тогда почти 19 лѣтъ, то его надо было

прятать подъ кровать, когда начальство дѣлало обходъ. Благодаря подобнымъ мѣрамъ предосторожности, ему удалось прожить въ пріютѣ незамѣченнымъ цѣлыхъ три года; но дольше держать его тамъ не было никакой возможности, и вотъ онъ окончательно принужденъ былъ искать себѣ другого помѣщенія. Не зная, куда дѣваться, онъ совсѣмъ хотѣлъ уже бросить Училище; мысль эта сильно тревожила его, и онъ ходилъ послѣднее время совершенно разстроенный. На его счастье, одинъ изъ преподавателей въ Училищѣ, Егоръ Яковлевичъ Васильевъ, узнавъ случайно объ его горькомъ положеніи, близко принялъ къ сердцу его судьбу и пригласилъ переселиться къ себѣ. Съ этого времени начинается совершенно новая жизнь для Перова.

Вотъ что писалъ въ то время самъ В. Г. одному изъ своихъ пріятелей, такому же несчастливцу, какъ и онъ:

...«Благодѣтельницы моей, Маріи Любимовны, нѣтъ уже въ живыхъ! До самой смерти тяготила ее забота о моей участи: Какъ я останусь? Что̀ мнѣ дѣлать? Какъ мнѣ быть?—Однакожъ, всѣ эти вопросы разрѣшились за нѣсколько дней до ея кончины и она не унесла съ собой въ могилу скорбнаго чувства о моемъ сиротствѣ. Да, я понесъ въ лицѣ ея тяжелую утрату, но не осиротѣлъ совершенно. До сихъ поръ не могу хорошенько уяснить себѣ всего, что̀ со мной случилось, и какъ могло случиться все то, что̀ случилось? Постараюсь, насколько могу, связно и по порядку разсказать тебѣ, какъ я устроился,— вѣрнѣе, какъ меня устроила сама судьба моя.

Ты знаешь уже, что я думалъ ѣхать въ провинцію учителемъ рисованія; откладывая со дня на день, я не рѣшался просить Училище о выдачѣ диплома: какой-то внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что спѣшить этимъ не къ чему, при томъ же инстинктивно чувствовалось, что совершить нравственное самоубійство не долго, но и сознавать въ 22 года свою безполезность даже самому себѣ — невыносимо горько! Я медлилъ... На что̀ надѣялся, чего ждалъ?.. право не знаю.— Въ одинъ, особенно прекрасный день я отправился по обыкновенію въ классъ; на душѣ было сумрачно и гадко, — я безпрестанно ожидалъ, что предо мною затворятъ двери Училища за невнесеніе платы. Робко поднявшись по лѣстницѣ, я вошелъ въ швейцарскую и, между тѣмъ какъ снималъ галоши и вѣшалъ картузъ, старикъ швейцаръ нашъ, подойдя, объ-

явилъ мнѣ, что Егоръ Яковлевичъ меня спрашивалъ и приказалъ послать къ себѣ. У меня такъ и опустились руки; ну, думаю, значитъ конецъ; вѣроятно запретятъ посѣщать классы... и я, печальный, пошелъ въ античную залу. Проходя къ мѣсту, я увидѣлъ Е. Я., поправлявшаго кому-то рисунокъ; я раскланялся, но не рѣшился тотчасъ подойти къ нему, — мнѣ казалось неловкимъ объясняться съ нимъ при другихъ, да и боялся помѣшать ему, а потому, разложивъ портфель, принялся за работу, по временамъ поглядывая на Е. Я.,—онъ на сей разъ показался мнѣ очень серьезнымъ. Ты, думаю, догадываешься безъ объясненій, что Егоръ Яковлевичъ Васильевъ — никто другой, какъ учитель рисованія въ гипсовыхъ классахъ, куда я переведенъ недавно. До сихъ поръ я зналъ его очень мало, зналъ только, что онъ искательно со всѣми раскланивается, всѣмъ жметъ руку, и очень любитъ разговаривать съ учениками, поправляя ихъ рисунки. На видъ, Е. Я. маленькій, кругленькій, съ порядочной лысиной, коротко стриженными сѣрыми волосами на головѣ и такими же бакенбардами кругомъ всего лица; добрые черные глаза боязливо посматриваютъ во всѣ стороны, красивыя и рѣзко очерченныя губы всѣмъ привѣтно улыбаются. Сюртукъ онъ постоянно застегиваетъ на всѣ пуговицы, точно военный; широкій галстухъ хомутомъ опутываетъ его шею, а подъ нимъ вокругъ шеи виднѣется бѣлый воротничекъ всегда чистой, хотя довольно толстой рубашки; широкіе черные штаны и неуклюжіе выростковые сапоги дополняютъ костюмъ его. Одни считаютъ его очень добрымъ, другіе называютъ подхалимой. Вотъ все, что̀ зналъ я о Е. Я., и какимъ его видывалъ.

Итакъ я сидѣлъ, и тревожно на него поглядывалъ, а онъ рисовалъ, казалось, съ большимъ вниманіемъ, безпрестанно вскидывая глаза на антикъ и опуская ихъ къ рисунку. Такъ прошло не мало времени; я больше наблюдалъ, чѣмъ работалъ: голова занята была предстоящимъ объясненіемъ, а потому работа, какъ и слѣдовало ожидать, не клеилась, — ужъ хоть бы поскорѣе, думалъ я, рѣшили чѣмъ-нибудь; все равно одинъ конецъ, а томительное ожиданіе нестерпимо. Въ это время вошелъ въ залу одинъ изъ учениковъ старшаго класса; мнѣ нужно было поговорить съ нимъ по поводу рисунковъ, которые я бралъ у него домой на квартиру. Торопливо сложивъ портфель, я вышелъ къ нему на

середину, къ намъ подошли другіе ученики, и такимъ образомъ составился кружокъ, которому вошедшій разсказывалъ о счастливой находкѣ модели — старика богадѣльника. Вдругъ я почувствовалъ, что кто-то дернулъ меня за полу; оборотясь, я увидѣлъ прошедшаго мимо Е. Я.; неужели это онъ дернулъ меня? — подумалъ я, глядя ему въ слѣдъ недоумѣлыми глазами. Между тѣмъ Е. Я., пройдя почти всю залу, какъ-то странно, неуклюже манилъ меня къ себѣ рукою; по мѣрѣ моего приближенія, онъ все болѣе и болѣе улыбался, и когда я уже совсѣмъ близко подошелъ къ нему, — нерѣшительно и робко, точно не учитель ученику, а ученикъ учителю, совалъ мнѣ свою руку и говорилъ скороговоркою:

— «Если вамъ можно-съ, зайдите, пожалуйста, ко мнѣ-съ, въ мою квартиру; вы знаете, гдѣ я живу-съ?» — Какъ же, знаю, - отвѣчалъ я. — «Ну, такъ зайдите черезъ полчасика, мнѣ нужно съ вами поговорить-съ».

Противной показалась мнѣ эта излишняя вѣжливость: хотятъ человѣка выгнать, гнали бы ужъ просто, —такъ нѣтъ, съ соблюденіемъ утонченной деликатности и возможныхъ приличій, словно издѣваются. — Хорошо, приду, отвѣчалъ я грубо. Е. Я. удивленно посмотрѣлъ на меня, улыбаясь, раскланялся, повторилъ: «пожалуйста, зайдите» и — ушелъ.

Чрезъ полчаса я позвонилъ у двери въ его квартиру, но мнѣ долго не отпирали; я понялъ, что позвонилъ ужъ слишкомъ осторожно и сильнѣе дернулъ ручку звонка. Въ квартирѣ хрипло залаяла собака, потомъ послышались шаги и наконецъ ключъ завертѣлся въ замкѣ; дверь отворила мнѣ горничная, уже не первой молодости, маленькая, курносоватая и довольно не расторопная.

— Дома Егоръ Яковлевичъ?—спросилъ я.—«Дома; идите вонъ туда», — отвѣчала она не ласково и показала рукою лѣстницу на право.

Прямо противъ двери со входа стояла на полу большая неоконченная картина и изъ-за нее раздавался голосъ напѣвающаго Е. Я.—Услышавъ шорохъ, онъ выглянулъ изъ-за картины и засуетился. Я забылъ тебѣ сказать, что отъ самаго порога квартиры по всѣмъ комнатамъ меня сопровождалъ противный, толстый мопсъ; рыча и скаля зубы, онъ, казалось, выбиралъ удобный моментъ какъ бы половчѣе схватить меня за ногу.

— «Пошелъ вонъ, каналья»,—закричалъ на него Е. Я., смѣясь и топая ногой, — «извините-съ»,—продолжалъ онъ, обращаясь уже ко мнѣ, — «этотъ Домейка-съ ужасная бестія, такъ и наровитъ поймать кого-нибудь за ногу-съ, но онъ не кусается, развѣ только напугаетъ; я очень радъ, что вы пришли», —добавилъ онъ скороговоркою и опять началъ нерѣшительно совать мнѣ свою руку.

— «Пожалуйте вотъ сюда-съ; трубочки покурить не желаете ли? — Вы курите?»

— Курю, отвѣчалъ я сурово.

— «Ну такъ, пожалуйста, набейте вотъ эту-съ, она почище, закурите и садитесь вотъ здѣсь, мы потолкуемъ-съ. А мнѣ можно будетъ работать при васъ? Вы позволите-съ?»

— Помилуйте,—сказалъ я, и мнѣ очень странною показалась такая подготовка къ ожидаемому объясненію, да и самъ Е. Я. казался какимъ-то чудакомъ.

Не безъ труда закуривъ поданную трубку съ длиннѣйшимъ чубукомъ, я усѣлся на стулѣ сбоку, а онъ нестолько работалъ, сколько возился на своемъ табуретѣ, безпрестанно ко мнѣ поворачиваясь,—въ одной рукѣ его была палитра, въ другой кисти; наконецъ, усѣвшись плотно, онъ повелъ слѣдующую рѣчь:

— «Я васъ вотъ зачѣмъ пригласилъ-съ, вы извините, пожалуйста, вы, какъ я вижу, человѣкъ не богатый-съ...»

И онъ глядѣлъ на меня, какъ будто просилъ прощенія за такое обидное открытіе.—Ну, подумалъ я, кончай скорѣе, и во мнѣ шевельнулось не доброе чувство.

— «Я это замѣтилъ-съ, продолжалъ, запинаясь, Е. Я.,— и потому хочу предложить вамъ...»—Онъ опять взглянулъ на меня какъ-то просительно,— «не хотите ли вы у меня жить-съ?..»

Я выпустилъ изо рта чубукъ и вытаращилъ на него глаза.

— «У меня-съ квартира казенная и вы мнѣ никакого убытку не принесете, напротивъ-съ, доставите большое удовольствіе своимъ товариществомъ... я теперь одинъ-съ; вотъ у меня маменька-съ...—и онъ на минуту задумался и опустилъ глаза— вотъ съ ней вамъ трудно будетъ поладить,... ну да вы ужъ какъ-нибудь поладьте-съ,... такъ вотъ-съ, у меня уже и жили два ученика, да одинъ уѣхалъ на мѣсто-съ, а другой получилъ званіе художника и работаетъ здѣсь, въ Москвѣ, и я теперь одинъ, а привыкъ, чтобъ кто-нибудь у меня жилъ-съ,

а васъ-то я приглашаю потому-съ, что видѣлъ ваши эскизы; мнѣ кажется, у васъ хорошія способности и Богъ дастъ, со временемъ, изъ васъ выйдетъ художникъ-съ, а вотъ изъ тѣхъ-то двоихъ, по совѣсти сказать, ничего не вышло-съ, — что̀ дѣлать? не всякому Богъ даетъ дарованіе...—и Е. Я. вздохнулъ въ раздумьѣ... — Такъ какъ же-съ, что̀ вы на это скажете?» — спросилъ онъ и, не дождавшись отвѣта, продолжалъ: «ѣдимъ мы не важно-съ, а сыты будемъ, спать вы будете вотъ здѣсь, — и онъ показалъ на дверь въ коридоръ изъ комнаты, въ которой мы находились, — такъ вотъ-съ; что̀ вы скажете? Подумайте хорошенько-съ?»

Я сидѣлъ какъ остолбенѣлый, смутно понимая, что̀ говорилъ мнѣ Е. Я.—Напоръ мыслей и чувствъ до такой степени ошеломилъ меня, что я, кажется, во все это время не моргнулъ ни разу: глядѣлъ и ничего не видѣлъ; сердце сильно билось и во всемъ чувствовалась какая-то нервная дрожь. Что̀ я могъ сказать ему? Я вполнѣ сознавалъ безграничную доброту этого великодушнаго человѣка; понималъ его горячее участіе къ моему безотрадному положенію; глубоко чувствовалъ всю великость его благодѣянія и не могъ принудить себя сказать хоть бы слово благодарности, — языкъ оказался не состоятельнымъ, я задыхался и молчалъ. Егоръ Яковлевичъ, казалось, догадался о моемъ душевномъ состояніи; онъ суетливо всталъ, зажегъ спичку и предложилъ закурить давно погасшую мою трубку.

— Егоръ Яковлевичъ!—наконецъ проговорилъ я, и хотѣлъ броситься къ его ногамъ, цѣловать руки, но онъ поспѣшно скользнулъ въ другую ко̀мнату.

— «Извините-съ, я сейчасъ, - говорилъ онъ, кланяясь съ порога, — я вотъ только дѣвушку кликну-съ». Оставшись одинъ, насилу смогъ я хоть нѣсколько овладѣть собой.

— «Вотъ-съ моя дѣвушка; они вамъ будутъ и бѣлье стирать, я ужъ говорилъ имъ-съ».

— Е. Я., я не знаю какъ мнѣ благодарить и васъ, и Бога, —хотѣлъ я сказать, но онъ перебилъ меня...

— «Такъ вы подумайте-съ, поговорите съ той дамой, гдѣ вы живете (онъ зналъ о ней изъ моихъ же разсказовъ при поправкѣ рисунковъ) и, если она ничего не будетъ имѣть противъ этого, переѣзжайте-съ хоть завтра, хоть сегодня же, когда хотите; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше-съ; а теперь подите-

ка, поговорите съ ней, да и сами подумайте и скажите мнѣ-съ, я буду ждать вашего отвѣта, прощайте-съ...»

И онъ съ обыкновенною своею манерою протянулъ мнѣ свою руку; я хотѣлъ поцѣловать ее, но Е. Я. быстро ее отдернулъ и, кланяясь, повторялъ: «до свиданья-съ, до свиданья».

— «Ахъ, позвольте, я провожу васъ,—сказалъ онъ, когда я вышелъ уже изъ комнаты,—этотъ каналья Домейка, пожалуй, схватитъ васъ за ногу-съ...» Онъ проводилъ меня до лѣстницы, подождалъ, пока я сходилъ съ нея, и заперъ дверь, повторивъ еще разъ: «до свиданья».

Какъ я сошелъ внизъ, какъ надѣлъ въ швейцарской галоши и фуражку, какъ очутился на улицѣ,—право не помню: словно вѣтромъ несло меня вдоль Мѣщанской, гдѣ я жилъ; я никого не видѣлъ, ничего не замѣчалъ,—будто ничего и не существовало кругомъ меня,—и только, войдя уже въ комнату, гдѣ въ креслѣ у окна сидѣла Марья Любимовна, опомнился и пришелъ въ себя.

— «Что съ вами?»—спросила она, взглянувъ мнѣ въ лицо съ недоумѣніемъ. Я безсвязно и безтолково началъ разсказывать, что́ случилось со мной въ это утро, и когда кончилъ, глаза ея наполнились слезами.

— «Неужели моя грѣшная молитва дошла до Тебя, Царица Небесная! — шептала она, набожно крестясь и умиленно смотря на висѣвшій передъ ней образъ. — Ну, мой другъ, большей радости и утѣшенія ты не могъ принести мнѣ», — прибавила она, задыхаясь, и вдругъ закашлялась. Долгій припадокъ мучительнаго кашля такъ утомилъ ее, что она всѣмъ тѣломъ откинулась на спинку кресла и въ изнеможеніи закрыла глаза; впалая грудь ея высоко поднималась, она тяжко дышала и судорожно перебирала исхудалыми пальцами, которые дрожали на ея колѣнахъ, какъ высохшіе листья.

Черезъ нѣсколько дней ея не стало и я переѣхалъ къ Е. Я.»

Такимъ образомъ, продолжаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Безсоновъ, 1856 годъ Перовъ встрѣтилъ при новыхъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Суровая нужда уже не смущала его дѣятельности и, обезпеченный на время въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ жизни, онъ неутомимо работалъ не только въ Училищѣ, но и дома.

Иногда далеко за полночь онъ просиживалъ съ каранда-

шемъ въ рукѣ, воспроизводя въ рисункѣ всякую мысль, даже случайно запавшую въ голову, и такимъ упражненіемъ вырабатывалъ въ рукѣ своей вѣрную союзницу для головы. Композиція сдѣлалась любимымъ его занятіемъ и множество прекрасныхъ эскизовъ были результатомъ непрерывнаго энергическаго труда; въ нихъ уже замѣтно опредѣлялось будущее направленіе художника, и преобладали то самобытное воззрѣніе и художественно-жизненная правда, которыя потомъ составляли характерныя черты произведеній Перова. Все это не могло не обратить серьезнаго вниманія профессоровъ на даровитаго ученика, но едва ли всѣми одинаково одобрительно былъ встрѣченъ избираемый имъ родъ живописи. Въ то время у насъ, не смотря на славу такого крупнаго представителя жанра, какъ покойный Ѳедотовъ, многіе высоко стоявшіе художники, заматорѣвшіе въ строго классическихъ формахъ и водимые отжившими традиціями, во всей чистотѣ сохраняли еще шаткое убѣжденіе, что внѣ этихъ формъ и традицій искусство не можетъ существовать, не теряя своего высокаго достоинства. Что́ же послѣ того удивительнаго, что нѣкоторые тогдашніе жрецы, одержимые близорукимъ педантизмомъ, на всякую попытку отрѣшиться отъ традиціонныхъ идей и усвоить иныя формы для выраженія живой мысли—смотрѣли какъ на отступничество отъ служенія высшимъ цѣлямъ искусства; а нѣкоторые видѣли въ этомъ даже посягательство новаторовъ на одряхлѣвшій авторитетъ свой, тщательно ими оберегаемый. Невольно припоминается при этомъ, знаменательное событіе, совершившееся въ стѣнахъ Академіи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда всѣ талантливые ученики ея не изъявили готовности исполнять программу изъ скандинавской миѳологіи, заданную на золотую медаль, и сочли за лучшее совсѣмъ оставить Академію и удовольствоваться скромными дипломами на званіе художниковъ, не добиваясь высшихъ наградъ за насиліе надъ своими дарованіями.

Васильевъ былъ добрый и привѣтливый старикъ, державшій себя съ учащеюся молодежью какъ другъ, а не какъ наставникъ, и имѣвшій громадное вліяніе на своихъ учениковъ, для которыхъ двери его квартиры были всегда открыты. Не смотря на свое личное горе и на матеріальную нужду, онъ былъ всегда веселъ и заботился еще о бѣднякахъ. У него, какъ мы видѣли, постоянно жило въ домѣ нѣсколько человѣкъ, и онъ помогалъ

нимъ, чѣмъ могъ. Конечно, онъ не въ состояніи былъ оказывать имъ большую матеріальную помощь, сверхъ безвозмезднаго предоставленія имъ своей квартиры въ Училищѣ. Такъ было и съ Перовымъ. Васильевъ далъ ему пріютъ у себя, но одѣвать его не могъ на свои скудныя средства, и Перовъ ходилъ постоянно въ одномъ пальто, въ родѣ пальмерстона, оставаясь сидѣть дома въ сильные морозы. Когда поступилъ въ Училищѣ И. М. Прянишниковъ и поселился тоже у Васильева, онъ скоро сдружился съ Перовымъ и сталъ дѣлиться съ нимъ своей шубой.

Живя у Васильева, Перовъ имѣлъ особую книжку, куда зачерчивалъ видѣнныя сцены. Разъ какъ-то эта книжка попалась въ руки одному изъ старшихъ преподавателей—М. И. Скотти; онъ пересмотрѣлъ ее и написалъ сверху: «хорошо». Перовъ очень гордился этимъ и долго берегъ этотъ альбомъ.

Въ то время, т. е. въ началѣ 50-хъ годовъ, старшими преподавателями или руководителями натурнаго класса въ Училищѣ были академики: М. И. Скотти (по исторической живописи), А. Н. Макрицкій (по портретной) и Н. А. Рамазановъ (по скульптурѣ); изъ нихъ первый и послѣдній сдѣлались потомъ профессорами. Впослѣдствіи, на мѣсто уѣхавшаго въ Италію Скотти, былъ приглашенъ профессоръ С. К. Зарянко. Всѣ эти люди были совершенно различныхъ привычекъ и направленій, а потому ученики часто не знали, чего имъ держаться. Къ тому же между преподавателями шла постоянная распря, главнымъ образомъ изъ-за учениковъ. Не смотря на надменность Скотти, который рѣдко кого удостаивалъ отрывочной похвалой или замѣчаніемъ, большинство учениковъ стремилось къ нему, а Макрицкаго, хотя и любили за разсказы о великихъ мастерахъ и живописныхъ мѣстностяхъ, но избѣгали, потому что онъ всѣмъ навязывалъ собственные рисунки и передѣлывалъ этюды по своему, прокладывая тѣни одной муміей. Распря между преподавателями дошла до того, что когда Скотти говорилъ ученикамъ въ свое дежурство: что надо изучать натуру, что это лучшій учитель, Макрицкій нарочно проповѣдывалъ въ слѣдующій мѣсяцъ совершенно другое: что натура-дура, что надо изучать только великихъ мастеровъ. Съ пріѣздомъ Зарянко, преподаваніе портретной живописи отошло къ нему, а Макрицкаго сдѣлали преподавателемъ исторической живописи; но и тотъ, и другой вторгались

часто не въ свою область. Рамазановъ же преслѣдовалъ то одного, то другого, а иногда и обоихъ вмѣстѣ, когда дѣло дошло до открытой борьбы между ними.

Если, по свидѣтельству Перова, Скотти никого ничему не научилъ, то Зарянко имѣлъ пагубное вліяніе на учениковъ. Онъ признавалъ только математически точное копированіе натуры, къ чему сводилъ и все искусство; онъ отрицалъ творчество и вдохновеніе въ картинахъ, не допускалъ возможности изображать чувства и движенія, считалъ композицію вздоромъ, заставлялъ учениковъ писать картины прямо съ готовыхъ натурщиковъ, не говоря даже напередъ, что̀ должны изображать изъ себя эти произведенія искусства. Однимъ словомъ, онъ всячески старался убить въ ученикахъ самостоятельность, проповѣдуя, что художникъ долженъ быть рабомъ натуры и больше ничего. Въ концѣ концовъ вышло то, что ученики не умѣли ни рисовать, ни писать, какъ слѣдуетъ, даже послѣ полученія медалей отъ Академіи Художествъ [1]).

IV.

Съ половины 50-хъ годовъ судьба вообще начала улыбаться Перову. За «Головку мальчика», написанную имъ съ 12-ти лѣтняго брата Николая, оставленнаго матерью тоже въ женскомъ пріютѣ и жившаго теперь на частной квартирѣ, онъ получилъ 2-ю серебряную медаль отъ Академіи Художествъ, куда этюдъ этотъ былъ посланъ при рапортѣ преподавателей Училища въ декабрѣ 1856 г. [2]). Это сильно ободрило Перова, и онъ сталъ подумывать о программѣ на 1-ю серебряную медаль.

Вѣроятно, изъ запаса его прежнихъ наблюденій надъ крестьянскою жизнью, у него сохранилось воспоминаніе о производствѣ слѣдствій становыми. И вотъ онъ задумалъ написать картину съ такимъ содержаніемъ. Натурщиками ему служили все знакомыя лица, въ томъ числѣ И. М. Прянишниковъ — для типа молодаго лѣснаго вора, приведеннаго на судъ къ становому. Наконецъ «Пріѣздъ становаго на слѣдствіе» былъ готовъ въ концѣ 1857 года и выставленъ въ началѣ 1858 г. —

[1]) Подробности о системѣ преподаванія въ Училищѣ — см. въ разсказѣ Перова: «Наши учителя» («Художеств. Журналъ» 1881 г., №№ 8, 9, 10 и 12).

[2]) Этюдъ этотъ былъ купленъ потомъ Моск. Училищемъ Живописи и Ваянія за 25 руб. и розыгранъ въ лоттереѣ.

сперва въ Училищѣ, а потомъ въ Академіи Художествъ, которая и присудила ему 1-ю серебряную медаль въ апрѣлѣ того же года [1]).

И публика, и художественная критика обратили особенное вниманіе на эту картину — всѣ видѣли въ ея авторѣ продолжателя реальнаго направленія въ нашемъ искусствѣ, основаніе которому положилъ Ѳедотовъ. Нѣкоторые видѣли въ Перовѣ даже послѣдователя Ѳедотова, но только совершенно неосновательно: Перовъ, какъ и его предшественникъ по части реализма въ искусствѣ, Шмельковъ, воспитывавшійся тоже въ Московскомъ Училищѣ, ничего ни у кого не заимствовалъ, писалъ все съ натуры, и лишь то, что̀ самъ видѣлъ. Во всѣхъ отчетахъ, которые появлялись въ разныхъ журналахъ о выставкахъ 1858 года, бывшихъ въ Училищѣ Живописи и Ваянія и въ Академіи Художествъ, какъ напр.: въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (январь, кн. 2, соврем. лѣтоп., стр. 129—130), «Школѣ Рисованія» (№ 4, стр. 14) и «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (литер. отд., № 15, стр. 63), въ «Сынѣ Отечества» (№ 21, стр. 609), «Отечественныхъ Запискахъ» (№ 5, соврем. хрон., стр. 27 — 28), «Современникѣ» (№ 5, отд. II, стр. 87) и «Свѣтописи» (№ 5, стр. 133), — вездѣ произведенію Перова было отведено первое мѣсто между всѣми бытовыми картинами того времени.

Съ большими похвалами отзывались всѣ критики, особенно изъ числа художниковъ, какъ Рамазановъ и Толбинъ, — о художественномъ исполненіи картины вообще, о выразительности каждой фигуры въ ней, о необыкновенной наблюдательности и самостоятельности автора, о художественномъ воспроизведеніи имъ натуры, вмѣсто рабскаго копированія ея. Нападали только на нѣкоторую идеализацію фигуры лѣснаго вора, съ слишкомъ благороднымъ лицомъ и въ черезчуръ тонкой рубашкѣ, — фигуры, наруша̀вшей будто бы общность впечатлѣнія. Одинъ Сѣровъ, выступившій тогда въ роли художественнаго критика, высказывался вообще противъ реальнаго направленія, обнаружившагося съ такой силой въ молодомъ художникѣ («Музык. и Театр. Вѣстникъ», № 17).

Вскорѣ послѣ «Суда становаго», Перовъ принялся за сочиненіе эскизовъ для картины на 2-ю золотую медаль. Прежде

[1]) Картина эта находится теперь у наслѣдниковъ Г. И. Хлудова, въ Москвѣ.

всего онъ сталъ писать «Сцену на могилѣ», на слова русской пѣсни: «Мать плачетъ, какъ рѣка льется; сестра плачетъ, какъ ручей течетъ; жена плачетъ, какъ роса падетъ, — взойдетъ солнышко, росу высушитъ». Въ этомъ прошла осень 1858 и начало зимы 1859 года. Наконецъ, картина была кончена и на всѣхъ производила сильное впечатлѣніе, въ особенности экспрессіею лицъ. Недоволенъ ею остался только авторъ. Какъ ни увѣряли его другіе, что картина очень замѣчательна во многихъ отношеніяхъ и вполнѣ заслуживаетъ 2-й золотой медали, онъ въ томъ году такъ и не послалъ ее въ Академію, а рѣшился пожертвовать еще годомъ для новой работы. Во время исполненія названной картины онъ убѣдился въ необходимости болѣе основательнаго изученія рисунка, на что̀ прежде, увлекаясь творческой стороной дѣла, не обращалъ особеннаго вниманія. Поэтому онъ снова сталъ посѣщать классъ рисованія съ гипсовыхъ головъ, послѣ двухгодоваго антракта. Какъ ни непріятно было конкурренту на золотую медаль заниматься вмѣстѣ съ меньшими учениками, которые къ тому же иногда побѣждали его на экзаменахъ, онъ усердно рисовалъ въ вечернихъ классахъ 3 — 4 мѣсяца. Но идея творчества не давала ему покоя, и вотъ, перейдя опять въ фигурный классъ, онъ снова взялся за композицію.

Онъ давно подумывалъ, для какой-бы картины воспользоваться ему типами дьячка сосѣдней съ Училищемъ церкви, по прозванію Филипыча, который часто ходилъ къ нимъ, и портнаго, который обшивалъ ихъ, а также своего пріятеля Каллистова, и наконецъ придумалъ написать картину: «Сынъ дьячка, произведенный въ коллежскіе регистраторы». Когда эскизъ былъ готовъ, онъ послалъ его въ Академію, вмѣстѣ съ картиною «Сцена на могилѣ», для того, чтобы ему отвели мастерскую и назначили содержаніе, наравнѣ съ прочими конкуррентами, — въ то время это допускалось въ Академіи. Въ февралѣ 1860 г., Академическій Совѣтъ утвердилъ эскизъ, а въ сентябрѣ наградилъ Перова 2-й золотой медалью. Изъ помянутыхъ картинъ «Сцена на могилѣ» была выставлена въ Московскомъ Училищѣ еще весной 1860 г. и затѣмъ осенью въ Академіи Художествъ, вмѣстѣ съ новымъ произведеніемъ «Сынъ дьячка» [1]).

Эта новая картина оказалась еще замѣчательнѣе первыхъ

[1]) Изъ этихъ картинъ первая была подарена Г. И. Хлудовымъ племяннику еще при жизни, а вторая досталась его наслѣдникамъ въ Москвѣ, послѣ его смерти.

двухъ. На выставкѣ 1860 года она привлекала еще большее вниманіе, какъ публики, такъ и критики, чѣмъ предыдущая. Отзывовъ объ этихъ двухъ картинахъ появилось въ печати еще болѣе, нежели о «Судѣ становаго». Не было журнала, который не высказалъ бы своего мнѣнія объ этихъ произведеніяхъ или не разсказалъ бы содержанія ихъ. Приэтомъ почти всѣ были *за*, какъ напр.: «Наше Время» (№ 18, стр. 288), «Московскія Вѣдомости» (№ 205, стр. 1625), «С.-Петербургскія Вѣдомости» (№ 202, стр. 1058), «Сѣверная Пчела» (№ 212, стр. 867—868), «Русскій Міръ» (№ 75, стр. 172), «Семейный Кругъ» (№ 39, стр. 312), «Свѣточъ» (кн. VIII, отд. II, стр. 23—32), «Искусство» (№ 1, стр. 27—28), «Сынъ Отечества» (№ 43, стр. 1325), «Современникъ» (№ 10, отд. III, стр. 372—373), «Русское Слово» (№ 11, смѣсь, стр. 68—69), «Русскій Художественный Листокъ» (№ 36, стр. 153), и только немногіе *противъ* первой изъ этихъ картинъ, какъ напр.: «Московскія Вѣдомости» (№ 110, стр. 868). На этотъ разъ, подобно художникамъ въ роли критиковъ, Перову воздавали должное и нѣкоторые извѣстнѣйшіе литераторы, какъ: А. Милюковъ, П. Ковалевскій, Я. Полонскій и проч., дѣлая сопоставленія между Ѳедотовымъ и Перовымъ, сравнивая ихъ то съ Гоголемъ и Островскимъ, то съ Гоголемъ и Писемскимъ, считая Перова кто подражателемъ, кто лишь послѣдователемъ Ѳедотова, указывая на проглядываніе у нихъ обоихъ, какъ и у названныхъ писателей, «сквозь видимый міру смѣхъ» — невидимыхъ слезъ русской жизни, вмѣстѣ съ возведеніемъ въ перлъ созданія самыхъ обыденныхъ явленій ея и вложеніемъ глубокихъ мыслей во всѣ ихъ произведенія, извиняя и даже вовсе не признавая нѣкоторую сухость въ письмѣ Перова (на что̀ обращалъ особенное вниманіе одинъ изъ критиковъ «Моск. Вѣдом.»), хваля воспитавшую его школу, но въ то же время относя его успѣхъ скорѣе къ его замѣчательному таланту,—на томъ простомъ основаніи, что, «конечно, училище или академія много значатъ для художника, но не болѣе, чѣмъ гимназія или университетъ для даровитаго писателя».

Награжденный 2-ю золотою медалью, Перовъ переселился въ Петербургъ и получилъ мастерскую въ Академіи для исполненія программы на 1-ю золотую медаль. Сюжетъ для картины былъ избранъ *самимъ* художникомъ и долженъ былъ изображать «Проповѣдь въ селѣ», на текстъ: «Нѣсть бо власть, аще

не отъ Бога». Въ ноябрѣ 1860 г. эскизъ былъ готовъ и представленъ на утвержденіе Академическаго Совѣта. Совѣтъ объявилъ конкурренту, что эскизъ его утверждается, «только слѣдуетъ изобразить священника не въ ризѣ, а въ рясѣ», и Перовъ долженъ былъ исполнить это требованіе. Вскорѣ затѣмъ онъ захворалъ, пролежалъ довольно долго въ больницѣ и потомъ вернулся въ Москву, чтобы кончать начатую программу. Въ Петербургѣ онъ жилъ одно время у бывшаго военнаго министра Сухозанета, у котораго написалъ между прочимъ портретъ съ одного генерала. Въ Москвѣ онъ поселился на одной квартирѣ съ И. М. Прянишниковымъ въ Яузской части и усердно принялся за работу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ хлопотать объ увольненіи его изъ мѣщанства. Недоимокъ за нимъ не было, а потому Арзамасская Городская Дума уволила его безъ затрудненія въ апрѣлѣ 1861 года, съ тѣмъ однако, что бы, до исключенія его изъ общества, онъ платилъ за себя всѣ государственныя подати, повинности и общественные сборы, и одновременно предоставила ему право ходатайствовать объ окончательномъ исключеніи его изъ общества.

Въ августѣ того же года картина была уже готова, а въ сентябрѣ Перову присуждена 1-я золотая медаль, съ правомъ посылки за границу въ качествѣ пенсіонера. Выставленная осенью въ Академіи, картина эта, странное дѣло, обратила на себя меньшее вниманіе художественной критики, чѣмъ прежнія произведенія того же художника: о ней появилось весьма немного отзывовъ, хотя, правда, вполнѣ сочувственныхъ. Изъ нихъ можно указать на два — въ журналахъ «Русское Слово» (№ 10) и «Время» (№ 10), отмѣчавшихъ простодушный юморъ и очаровательную наивность въ соединеніи съ художественной правдой и истиннымъ талантомъ, какъ отличительныя черты произведенія Перова. Повсему видно было, однако, что литература, какъ и публика, была занята совершенно другимъ въ ту минуту, и что имъ обѣимъ было не до искусства въ то время.

Почти одновременно съ «Проповѣдью въ селѣ» [1]), Перовъ написалъ еще другія двѣ картины въ томъ же духѣ — «Сельскій крестный ходъ на Пасхѣ» (1861) и «Отдохновеніе или чаепитіе въ Мытищахъ» (1862) [2]). Мотивами для этихъ кар-

[1]) Картина эта наход. теперь у К. Т. Солдатенкова, въ Москвѣ.

[2]) Изъ этихъ картинъ первая наход. у П. М. Третьякова, а вторая — у К. Т. Солдатенкова, въ Москвѣ.

тинъ служили дѣйствительныя происшествія, которыя художнику привелось наблюдать, во время путешествій по окрестностямъ Москвы. Такъ «Чаепитіе» происходило у него на глазахъ, когда онъ ходилъ къ Троицѣ, вмѣстѣ съ И. М. Прянишниковымъ. Онъ собственными глазами видѣлъ и этого монаха, и того послушника, которыхъ изобразилъ потомъ на своей картинѣ, и единственно, что̀ онъ присочинилъ тутъ, это — фигуру стараго воина-нищаго, котораго прогоняетъ отъ монаховъ молодая прислужница. Художественная критика по прежнему привѣтствовала новыя произведенія даровитаго художника за ихъ жизненную правду, хотя слышались голоса и противъ нихъ; но въ нѣкоторыхъ сферахъ они рѣшительно уже не могли найти себѣ одобренія, по совершенно особымъ причинамъ, и преслѣдованія противъ «Крестнаго хода» продолжались даже до 1868 г., какъ видно изъ документовъ Академическаго Архива.

На сколько извѣстный писатель Ковалевскій въ журналѣ «Время» (1862 г., № 10) хвалилъ «Крестный ходъ» Перова—за вѣрность съ дѣйствительностью и за превосходное техническое исполненіе, на столько же не менѣе извѣстный художникъ Микѣшинъ, полемизируя въ «Современной Лѣтописи» (1862, №№ 44 и 49) съ художественнымъ критикомъ Стасовымъ по поводу его статьи объ Академической выставкѣ, нападалъ на Перова и на автора картины «Поломойка» [1]) именно за «выхваченность подобныхъ произведеній со всѣмъ жаромъ изъ живой дѣйствительности», видя въ этомъ одну грязь.

Послѣднимъ произведеніемъ первой эпохи художнической дѣятельности Перова можетъ считаться небольшая его картинка «Дилетантъ, или Художникъ-любитель», появившаяся на Академической выставкѣ осенью 1862 года и не имѣвшая большого успѣха у публики [2]), не смотря на сочувственные отзывы о ней художественной критики, правда, немногочиленные (напр., въ «Соврем. Словѣ», № 102), признававшіе ее замѣчательною по тонкому и наивному юмору, по новости и мѣткости схваченнаго художникомъ типа, достойнаго Гоголя, по наблюдательности и свѣжести, обнаруженныхъ авторомъ. Дѣйствительно,

[1]) Существуетъ предположеніе, что послѣнюю картину, находившуюся потомъ въ собраніи г. Щепочкина, если не прошелъ всю отъ начала до конца, то по крйней мѣрѣ помогалъ писать автору ея, Ивану Грицаенкѣ, — тотъ же Перовъ.

[2]) Картинка эта находится теперь у П. М. Третьякова, въ Москвѣ.

эта картинка отличалась особенной колоритностью въ сравненіи съ прежними произведеніями Перова.

Живя лѣтомъ 1862 года, вмѣстѣ съ И. М. Прянишниковымъ, въ Троицкой лаврѣ, Перовъ часто ѣздилъ въ Москву къ своей невѣстѣ, Еленѣ Эдмундовнѣ Шейнсъ; осенью того же года онъ женился и только зимой уѣхалъ съ молодою женою въ Парижъ, хотя разрѣшеніе министра Двора объ отправленіи его пенсіонеромъ за границу послѣдовало еще 17 января 1862 г., и паспортъ былъ выданъ ему вмѣстѣ съ третнымъ содержаніемъ еще въ апрѣлѣ.

V.

«Остановившись въ Парижѣ, — писалъ Перовъ тогдашнему конференцъ-секретарю Академіи, Ѳ. Ѳ. Львову, 17 (29) марта 1863 года, - я думаю прожить здѣсь около года, а потомъ отправиться ненадолго въ Италію, и оттуда буду просить позволенія возвратиться въ Россію. Осмотрѣвши галлереи въ Берлинѣ, въ Дрезденѣ и въ Парижѣ, я съ нетерпѣніемъ ожидаю выставку, которая откроется 1-го мая. Кромѣ того я имѣлъ случай быть въ мастерскихъ обоихъ Ахенбаховъ, Іордана и Вотье, чѣмъ обязанъ г-ну Лашу, который въ прошедшемъ году изъ нашей Академіи получилъ званіе академика; онъ просилъ меня передать вамъ его искреннюю благодарность за вниманіе къ нему, причемъ просилъ сказать, чтобы русскіе, отъѣзжающіе за границу, адресовались къ нему, а онъ очень будетъ радъ показать все замѣчательное въ Дюссельдорфѣ. Я нанялъ въ Парижѣ мастерскую, работать же начну только съ 15 апрѣля, потому что ранѣе не освободится ни одной мастерской. Не знаю, удастся ли мнѣ до здѣшней выставки съѣздить въ Лондонъ, потому что тамъ тоже будетъ выставка, и мнѣ бы очень хотѣлось побывать тамъ. Вчера мы съ И. И. Соколовымъ были на вновь открывшейся постоянной выставкѣ, - тамъ много картинъ, но мало хорошаго, кромѣ 2-хъ или 3-хъ, и то не знаменитыхъ. Въ отношеніи художественномъ, Парижъ представляетъ много интереснаго: сцены на каждомъ шагу и занимательны по разнообразію; я сдѣлалъ нѣсколько эскизовъ, но на которомъ остановлюсь — не знаю, и потому не могу вамъ написать, какой сюжетъ буду исполнять. Хочу попробовать

писать на доскѣ, изучая Мейссонье,—не знаю, какъ пойдетъ. Болѣе сообщить ничего не имѣю, а когда начну писать, то пришлю чертежъ своего сюжета».

Нѣсколько позднѣе, 2 (14) мая, онъ сообщалъ Правленію Академіи, что, послѣ трехмѣсячнаго путешествія по Германіи, онъ принялся наконецъ за работу въ Парижѣ и, сдѣлавъ нѣсколько эскизовъ съ изображеніемъ тамошнихъ народныхъ сценъ, началъ картонъ для картины «Продавецъ пѣсенъ». Съ этихъ поръ начинаются любопытныя донесенія его въ Совѣтъ Академіи, особенно характеризующія личность Перова, какъ художника, и его взгляды на требованія отъ искусства.

«Осмотрѣвши все замѣчательное,—пишетъ онъ 15 (27) августа того же года,— а также Парижскую выставку, я нанялъ мастерскую съ желаніемъ немедленно приняться работать и, сдѣлавши эскизъ «Продавецъ пѣсенниковъ», состоящій слишкомъ изъ 20 фигуръ, приступилъ къ его исполненію; но нашелъ, что написать картину совершенно невозможно, потому что, *не зная ни народа, ни его образа жизни, ни характера, не зная типовъ народныхъ — что̀ составляетъ основу жанра,— я не могъ обработать даже одной фигуры въ картинѣ*, и потому оставилъ предпринятую работу и занялся эскизами, чтобы имѣть возможность изъ нѣсколькихъ выбрать лучшій и въ то же время ознакомиться со страной, почему прошедшіе 4 мѣсяца употребилъ на посѣщеніе гуляній, баловъ, рынковъ, площадей съ даровыми спектаклями, гдѣ постоянно большія толпы зѣвакъ, и загородныя ярмарки, которыя продолжаются цѣлое лѣто, переѣзжая изъ одного округа въ другой. Это мнѣ принесло большую пользу: я ознакомился съ народомъ и даже немного съ его образомъ жизни и характеромъ, и изъ видѣнныхъ мною сценъ сдѣлалъ слѣдующіе эскизы: «Внутренность балагана на гуляньи во время представленія» — эскизъ, величиною болѣе аршина и очень сложный, «Похороны въ бѣдномъ кварталѣ», «Мелкій торгашъ» и «Нищіе на Итальянскомъ бульварѣ»; изъ воспоминаній—«Учитель рисованія» и «Лгунъ»; кромѣ того, написалъ маленькую картинку изъ одной фигуры — «Итальянецъ, продающій статуи». Въ настоящее время обработываю эскизъ «Балагана» и надѣюсь съ меньшимъ затрудненіемъ, чѣмъ прежде, приступить къ исполненію этой картины».

Безъ малаго черезъ девять мѣсяцевъ послѣ того, 9 (21) мая 1864 г., Перовъ пишетъ снова:

«Имѣю честь донести, что я въ настоящее время нахожусь въ Парижѣ и пишу двѣ картины: 1-я, «Праздникъ въ окрестностяхъ Парижа» — картина величиною въ 2 аршина и очень сложная, 2-я, «Продавецъ пѣсенниковъ» — картина тоже сложная, но менѣе первой. Къ половинѣ октября надѣюсь ихъ кончить и прислать въ Академію. Въ настоящее время посѣщаю открывшуюся выставку, гдѣ находится много прекрасныхъ произведеній, преимущественно французской школы; особенно обращаютъ вниманіе двѣ картины Мейссонье: «Наполеонъ III при Сольферино» и «Возвращеніе Наполеона I изъ Россіи». Кромѣ того есть много хорошихъ картинъ, исключая рода историческаго. Черезъ полтора мѣсяца надѣюсь прислать фотографическіе снимки съ моихъ картинъ».

Менѣе чѣмъ два мѣсяца спустя, 4 (16) іюля, онъ присылаетъ уже бумагу въ Академію объ отозваніи его изъ-за границы:

«Осмѣливаюсь покорнѣйше просить Совѣтъ, пишетъ онъ, о позволеніи возвратиться мнѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1864 года въ Россію. Причины, побуждающія меня просить объ этомъ, я постараюсь здѣсь представить: живя за границею почти два года и не смотря на все мое желаніе, я не могъ исполнить ни одной картины, которая бы была удовлетворительна,—*незнаніе характера и нравственной жизни народа дѣлаютъ невозможнымъ довести до конца ни одной изъ моихъ работъ*; я увѣдомлялъ Совѣтъ Академіи о начатыхъ мною работахъ, которыми я занимаюсь и въ настоящее время, и буду имѣть честь ихъ представить въ Академію въ октябрѣ мѣсяцѣ этого года, но не какъ конченныя картины, а какъ труды для разработки технической стороны искусства [1]); *посвятить же себя на изученіе страны чужой нѣсколько лѣтъ я нахожу менѣе полезнымъ, чѣмъ по возможности изучить и разработать безчисленное богатство сюжетовъ какъ городской, такъ и сельской жизни нашего отечества*. Имѣю въ виду нѣсколько сюжетовъ изъ русской жизни, которые я бы исполнилъ съ любовію и сочувствіемъ и, надѣюсь, болѣе успѣшно, чѣмъ изъ жизни народа мнѣ мало знакомаго; при этомъ желаніе сдѣлать что-нибудь положительное и тѣмъ оправдать милостивое вниманіе ко мнѣ Совѣта —

[1]) Названныя картины дѣйствительно никогда не были кончены, но у вдовы художника сохранилось, помимо многихъ набросковъ и рисунковъ, сдѣланныхъ въ Парижѣ, еще нѣсколько эскизовъ «Внутренности балагана» и «Праздника въ окрестностяхъ Парижа».

даетъ мнѣ смѣлость надѣяться на снисхожденіе къ моей покорнѣйшей просьбѣ. При всемилостивѣйшемъ разрѣшеніи Совѣта Академіи о моемъ возвращеніи въ Россію, я прошу прислать мнѣ подъемныя деньги на обратный путь. Получивши разрѣшеніе и деньги, поѣду на два мѣсяца по Италіи, откуда возвращусь прямо въ Россію, гдѣ надѣюсь написать зимою картину, а лѣто 1865 года посвятить на этюды и путешествія».

Вслѣдствіе послѣдняго письма Перова, въ іюлѣ же, былъ представленъ министру Двора отъ имени вице-президента Академіи докладъ такого содержанія:

«Находящійся за границею пенсіонеръ Академіи по живописи народныхъ сценъ (genre), Перовъ, проситъ о дозволеніи ему возвратиться въ Россію, не ожидая окончанія 3-хъ-лѣтняго срока, назначеннаго по § 132-му устава Академіи 30-го августа 1859 года для занятій за границею, объясняя, что въ теченіе 2-хъ-лѣтняго пребыванія его въ чужихъ краяхъ онъ постояннымъ изученіемъ успѣлъ уже разработать техническую сторону живописи, на сколько ему силы позволили, и теперь желалъ бы исключительно заняться сюжетами изъ городской и сельской жизни въ Россіи, какъ болѣе для него близкой. Академія, принимая во вниманіе доказанный пенсіонеромъ Перовымъ талантъ и любовь его къ изученію русскаго народнаго быта, находитъ, что возвращеніе его въ Россію послѣ двухъ-лѣтнихъ занятій за границею, съ прибавкою остающагося невыданнымъ ему за границею пенсіона на одинъ годъ къ 3-хъ-лѣтнему содержанію для путешествія по Россіи, было бы весьма для него полезно,—имѣетъ честь покорнѣйше просить ваше сіятельство объ испрошеніи на то Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія».

Высочайшее соизволеніе послѣдовало 29 іюля, а 10 (22) августа Перовъ благодарилъ уже Ѳ. Ѳ. Львова за его содѣйствіе въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Не нахожу словъ и не достаетъ умѣнья высказать вамъ мою искреннюю благодарность и той радости, съ которою я получилъ письмо ваше; отъ души благодарю васъ за столь поспѣшное исполненіе моего желанія возвратиться мнѣ въ Россію; съ нетерпѣніемъ буду ожидать то пріятное время, когда лично вамъ засвидѣтельствую почтеніе и принесу мою благодарность. На дняхъ вышлю двѣ картины (простите моей безсовѣстности пользоваться добротой вашей) и буду просить

васъ поставить ихъ на постоянную выставку и показать въ Совѣтѣ, если вы ихъ найдете стоющими того; одна изображаетъ «Нищихъ на одномъ изъ бульваровъ Парижа», другая — «Парижскихъ шифонье» [1]), а большія картины я оставилъ писать: нѣтъ силъ и недостаетъ терпѣнія кончить вещи, начатыя по неопытности».

VI.

По возвращеніи въ Россію, осенью 1864 года, Перовъ поселился въ Москвѣ, въ домѣ Ѳ. Ѳ. Рѣзанова, дяди своей жены, и снова принялся за картины изъ русскаго быта, а лѣтомъ предпринималъ поѣздки для писанія этюдовъ и пріисканія сюжетовъ. Отъ 1865 и 1866 гг. сохранилось два донесенія его въ Совѣтъ Академіи. Въ одномъ, отъ 8-го августа 1865 года, онъ пишетъ:

«Первое время по возвращеніи изъ-за границы я занимался сочиненіемъ разныхъ эскизовъ, потомъ написалъ маленькую картину «Дворникъ» (отдающій квартиру барынѣ) [2]). Въ настоящее же время пишу очень сложную картину «Монастырская трапеза», которую въ продолженіе зимы надѣюсь окончить и буду имѣть честь представить въ Совѣтъ Академіи; кромѣ того, приготовляю двѣ картины для Петербургскаго и Московскаго конкурса. Нынѣшнимъ лѣтомъ, большаго путешествія не предпринималъ, исключая немногихъ поѣздокъ по окрестнымъ деревнямъ Московской губерніи. Теперь ѣду на Нижегородскую ярмарку, гдѣ надѣюсь встрѣтить много интереснаго».

Въ другомъ донесеніи, отъ 28-го мая 1866 года, онъ сообщаетъ:

«Прошлаго года я писалъ сложную картину «Трапеза», которая до сего времени не кончена, - надѣюсь кончить нынѣшней зимой и буду имѣть честь представить ее въ Совѣтъ Академіи [3]). Еще написалъ для двухъ конкурсовъ двѣ кар-

---

[1]) Картинки эти, вмѣстѣ съ тремя другими, писанными въ Парижѣ, какъ-то: «Уличная сцена въ Парижѣ — музыканты и зѣваки» (наход. у Л. С. Медвѣдева, въ Москвѣ), «Савояръ» и «Шарманщикъ» (наход. въ Моск. Публ. и Румянц. музеѣ), были на выставкахъ въ Обществѣ Поощренія Художниковъ въ 1864 и 1867 гг.

[2]) Картинку эту Перовъ повторилъ въ 1878 г.; гдѣ оригиналъ теперь — неизвѣстно (онъ принадлежалъ прежде г. Рахманинову), повтореніе же находится у Г. И. фонъ-Дервизъ, въ Москвѣ.

[3]) Наход. теперь у Н. П. Ланина, въ Москвѣ.

тины, за которыя получилъ первыя преміи какъ въ Москвѣ [1]), такъ и въ Петербургѣ [2]); для Петербургскаго конкурса была написана картина «Проводы покойника», а для Московскаго — «Очередная у бассейна» [3]); кромѣ того, написалъ маленькую картину «Гитаристъ» [4]) и для Общества Любителей Художествъ небольшую картинку «Мальчикъ-мастеровой» (засмотрѣвшійся на попугая). Въ настоящее время пишу двѣ картины: «Ученики-мастеровые» (иначе «Тройка») [5]) и «Пріѣздъ гувернантки въ купеческій домъ» [6]), а потому прошу покорнѣйше увѣдомить меня, къ которому времени я долженъ буду прислать мои картины для Академической выставки, — отъ этого будетъ зависѣть ихъ окончаніе. Со всѣхъ моихъ картинъ, какъ прежде написанныхъ, такъ и тѣхъ, которыя пишу въ настоящее время, я предпринялъ снять фотографіи и составить альбомъ; первая тетрадь уже готова, и потому имѣю честь предложить Совѣту принять ее и слѣдующія тетради въ видѣ полнаго отчета о моихъ занятіяхъ прошедшаго и будущаго времени» [7]).

Изъ упомянутыхъ въ этихъ донесеніяхъ картинъ, только одна, «Проводы покойника», — можно сказать лучшее произведеніе Перова изъ перваго періода его дѣятельности — появилась на выставкѣ, послѣ Петербурга, въ Московскомъ Обществѣ Любителей Художествъ весною 1866 года, вмѣстѣ съ непоименованной здѣсь «Сценой на почтовой станціи» (генералъ кричитъ на почтмейстера) и съ двумя другими картинками: «Парижскій ветошникъ» и «Парижская шарманщица», писанными еще за границей въ 1863 году [8]). Затѣмъ, тѣже «Про-

---

[1]) Отъ Общества Любителей Художествъ.

[2]) Отъ Общества Поощренія Художниковъ.

[3]) Изъ нихъ первая наход. у К. Т. Солдатенкова, а вторая—у наслѣдниковъ Г. И. Хлудова, въ Москвѣ.

[4]) Наход. у П. М. Третьякова, въ Москвѣ.

[5]) Нѣкоторыя подробности объ этой картинѣ находятся въ разсказѣ Перова; «Тетушка Марья» («Пчела» 1875, № 11).

[6]) Обѣ эти картины наход. теперь у П. М. Третьякова, въ Москвѣ.

[7]) Вышедшая въ свѣтъ 1-я тетрадь этого изданія заключала въ себѣ 6 фотографій въ листъ, снятыхъ Русской фотографіей въ Москвѣ со слѣдующихъ картинъ Перова: 1) «Судъ становаго», 2) «Сынъ дьячка, получившій первый чинъ», 3) «Проповѣдь въ селѣ», 4) «Отдохновеніе въ Мытищахъ», 5) «Проводы покойника», 6) «Очередная у бассейна», и стоила въ продажѣ 10 рублей. Той же фотографіей былъ сдѣланъ снимокъ и съ картины: «Ученики-мастеровые» («Тройка»), очевидно для одного изъ послѣдующихъ выпусковъ того же изданія.

[8]) Изъ нихъ первая неизвѣстно гдѣ находится, а вторая — у С. И. Четверикова, въ Москвѣ.

воды покойника», вмѣстѣ съ двумя новыми произведеніями Перова: «Гитаристъ» и «Тройка» (т.-е. «Ученики-мастеровые») и двумя прежними работами его: «Сынъ дьячка» и «Дилетантъ», посылались на Парижскую всемірную выставку 1867 года и обратили тамъ особенное вниманіе на себя какъ публики, такъ и критики. Наконецъ, за картины: «Ученики мастеровые» и «Пріѣздъ гувернантки въ купеческій домъ» Перовъ получилъ званіе академика въ 1866 году; «Трапеза» же, гдѣ художникъ изобразилъ видѣнное имъ въ натурѣ угощеніе монаховъ въ праздничный день, не была тогда выставлена и появилась только на посмертной выставкѣ произведеній Перова, отчасти въ переписанномъ видѣ. Подъ пару «Трапезѣ», Перовъ нарисовалъ въ 1868 г. — «Дѣлежъ наслѣдства въ монастырѣ», вѣроятно тоже для картины.

Уже со времени пребыванія въ Парижѣ, у Перова, рядомъ съ сюжетами, полными юмора или комизма, являются сцены чисто трагическаго или драматическаго характера, какъ напр.: «Савояръ» или «Шарманщикъ». Но если и въ прежнихъ его произведеніяхъ замѣтны были симпатіи къ «низшей братіи», то въ позднѣйшихъ — любовь и состраданіе къ «угнетеннымъ и оскорбленнымъ» обнаруживаются все съ большею и большею силою. Стóитъ только вспомнить его «Проводы покойника» или «Гитариста», его «Очередную у бассейна» или «Учениковъ-мастеровыхъ», чтобы слова эти не казались голословными. Между тѣмъ тутъ-то именно наша печать и начинаетъ меньше всего обращать вниманія на Перова. Изъ той эпохи можно, наприм., привести всего одинъ отзывъ, очень сочувственный (въ «Голосѣ» 1865 г., № 332), о «Проводахъ покойника», но и тотъ принадлежалъ не какому-нибудь присяжному художественному критику, а цѣлой экспертной коммиссіи Общества Поощренія Художниковъ, присуждавшей преміи на годичномъ конкурсѣ. Равнодушіе печати къ художественнымъ дѣламъ должно, впрочемъ, относиться не къ одному Перову, а вообще ко всѣмъ русскимъ художникамъ, такъ какъ съ 1860-хъ годовъ у насъ появляется все меньше и меньше художественныхъ критиковъ и только съ 1870-хъ годовъ, со времени путешествій «передвижныхъ выставокъ» по Россіи, центръ тяжести въ этомъ отношеніи передвигается изъ столицъ въ провинцію. Признавъ, что названная картина Перова «даже въ ряду лучшихъ произведеній того же рода русскихъ

художниковъ — достойна всегда занять видное мѣсто», какъ по драматичности ея сюжета, безъ всякой, однако, театральности, по выраженію въ ней общечеловѣческаго чувства, по поэтичности обстановки, наконецъ по простотѣ колорита, такъ и по тонкости письма и вѣрности рисунка, экспертная коммиссія заявляла въ своемъ опредѣленіи, какъ его формулировалъ тогдашній секретарь Общества Д. В. Григоровичъ, что «въ цѣломъ, произведеніе это показываетъ художника, одареннаго истиннымъ, живымъ и совершенно самобытнымъ талантомъ, художника, обдумывающаго свои произведенія, творящаго безъ спѣха, съ тою любовью и вниманіемъ, какія можетъ дать человѣкъ, смотрящій серьезно на искусство, которому служитъ». Какъ все это было далеко отъ обвиненія Перова въ излишней тенденціозности, какія мы видимъ впослѣдствіи со стороны псевдо-художественныхъ критиковъ съ легкой руки скульптора Рамазанова (см. «Соврем. Лѣтоп.» 1866 г., №№ 6 и 38), прежде, однако, тоже восхищавшагося начинающимъ художникомъ.

Послѣ пятилѣтняго антракта, на Академическую выставку, бывшую осенью 1867 года, Перовымъ были присланы четыре картины: «Чистый понедѣльникъ», «Учитель рисованія», «Утопленница» и «Божія Матерь и Христосъ у житейскаго моря» [1]. Первыя три изъ этихъ картинъ были написаны имъ въ прежнемъ духѣ и, по обыкновенію, въ небольшихъ размѣрахъ, четвертая же, напротивъ, совершенно въ новомъ духѣ (религіозномъ) и съ фигурами въ натуральную величину, — и то, и другое было полной неожиданностью для всѣхъ. Особенно нападалъ на Перова за послѣднюю, якобы «историческую» картину, представлявшую на самомъ дѣлѣ аллегорическій сонъ, видѣнный художникомъ, — одинъ изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ художественныхъ критиковъ, В. В. Стасовъ, въ своей статьѣ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1867 г., № 322), находя неудачною, какъ главную мысль этого произведенія — воздержаніе отъ страстей, такъ и самую технику съ изображеніемъ «цыганскихъ лицъ», вмѣсто «идеальныхъ чертъ», въ академическихъ одеждахъ и драпировкахъ. Болѣе подходящею къ

---

[1] Изъ нихъ первая поступила отъ К. Е. Ценкеръ въ галлерею П. М. Третьякова, въ Москвѣ, вторая наход. у наслѣдниковъ Д. П. Боткина, третья принадлежала прежде г. Пушкевичу и попала впослѣдствіи къ П. М. Третьякову, а четвертая наход. въ церкви Св. Козьмы и Даміана, что̀ въ Шубинѣ, въ Москвѣ.

характеру Перова онъ считалъ «Утопленницу», хотя и въ послѣдней ему нравилось не столько само главное лицо, сколько безстрастное выраженіе городового среди всей безотрадной обстановки. На первый же планъ онъ ставилъ именно двѣ маленькихъ картинки: «Учителя рисованія» и «Чистый понедѣльникъ».—«Утопленница» и «Учитель рисованія» опять представляли глубоко-драматическіе моменты. Обѣ эти картины были написаны подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ дѣйствительности: первая — подъ вліяніемъ того обстоятельства, что художнику пришлось случайно напасть на трупъ одного милаго, но погибшаго созданія, отказавшагося какъ-то разъ при жизни служить моделью для священнаго изображенія изъ-за сознанія своего ничтожества [1]), а вторая — по воспоминаніямъ о несчастномъ Шмельковѣ, принужденномъ, при всемъ своемъ талантѣ, существовать исключительно уроками.

На той же Академической выставкѣ находилась еще одна картина, въ исполненіи которой Перовъ принималъ сильное участіе. Это - «Читальщикъ» г. Брызгалова. Объ этой картинѣ сохранились слѣдующія свѣдѣнія: однажды Брызгаловъ, ученикъ Московскаго Училища Живописи и Ваянія, прибѣгаетъ къ Перову и проситъ его: «Спасите, спасите отъ солдатчины—я тамъ окончательно погибну». Перовъ, который былъ всегда сама доброта и вѣчный благодѣтель, до самопожертвованія, говоритъ ему: «Ладно! Принимайтесь что-нибудь писать—авось оттянемъ солдатчину». Позвали натурщика изъ богадѣльни и Перовъ велѣлъ Брызгалову писать съ него въ натуральную величину «Читальщика». Тотъ написалъ неудачно. Тогда Перовъ взялъ да и прошелъ весь этюдъ съ начала до конца. Вся публика, видѣвшая потомъ это произведеніе на выставкѣ, не знала, конечно, объ участіи въ немъ Перова и восхищалась картиной, какъ самостоятельной работой молодого художника. Академія дала ученику Брызгалову званіе художника и за экспрессію—золотую медаль, которой не имѣлъ самъ Перовъ. В. Г., удивленный такимъ неожиданнымъ успѣхомъ и писавшій до тѣхъ поръ все небольшія вещи, рѣшился теперь перейти къ картинамъ крупныхъ размѣровъ и приняться за портреты въ натуральную величину: хотя онъ и раньше того писалъ пор-

---

[1]) Этому происшествію посвященъ самый поэтичный изъ всѣхъ разсказовъ Перова, подъ заглавіемъ: «На натурѣ, Фанни подъ № 30» («Худож. Журн.» 1881 г., № 1 и 2).

треты—со своего брата Николая и съ одного генерала у министра Сухозанета, но не въ такихъ значительныхъ размѣрахъ.

За картины, представленныя Перовымъ на Академическую выставку 1867 года, Совѣтъ положилъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, ходатайствовать о продленіи ему пенсіонерскаго содержанія еще на два года, для доставленія средствъ къ его дальнѣйшему усовершенствованію. Вслѣдствіе этого, въ январѣ 1868 года, былъ составленъ отъ имени вице-президента Академіи и въ апрѣлѣ посланъ министру Двора рапортъ такого содержанія:

«Академикъ живописи народныхъ сценъ Перовъ, обнаружившій отличный талантъ свой еще до отправленія его въ 1862 г. за границу пенсіонеромъ отъ правительства, возвращенъ оттуда по особому Высочайшему разрѣшенію, объявленному мнѣ вашимъ сіятельствомъ 29 іюля 1864 г., для изученія русскаго народнаго быта, къ которому онъ по врожденнымъ своимъ наклонностямъ, проживая въ центрѣ Россіи, Москвѣ, имѣетъ призваніе. Трудясь постоянно и неутомимо, онъ произведеніями своими доказываетъ постепенное развитіе своего таланта при строгомъ изученіи природы. Изъ произведеній его одно, бывшее на Парижской всемірной выставкѣ: «Дѣти, находящіяся въ ученьи у мастерового, тащатъ въ гору чанъ съ водою въ зимній бурный день», заслужило всеобщее вниманіе иностранцевъ, всегда болѣе строгихъ, что́ весьма естественно, къ художникамъ чужеземнымъ. Кромѣ того, и на прошлогодней выставкѣ въ Академіи было также нѣсколько картинъ этого художника, по всей справедливости заслуживающаго право на особенное поощреніе, чтобы дать ему возможность трудиться еще нѣкоторое время безъ заботы о насущномъ содержаніи, особенно въ настоящее тяжелое для художниковъ время, когда нѣтъ никакого сбыта ихъ произведеніямъ. Во вниманіе къ такой полезной дѣятельности отечественнаго таланта, Совѣтъ Академіи признавалъ справедливымъ, по случаю истекающаго въ семъ году срока пенсіона, ходатайствовать о продолженіи Перову, въ видѣ особой Монаршей милости, пенсіонерскаго содержанія еще на два года. О таковомъ опредѣленіи Совѣта Академіи, утвержденномъ и общимъ собраніемъ Академіи 10 сентября прошлаго года, считаю долгомъ представить вашему сіятельству и покорнѣйше просить, не изволите ли признать возможнымъ ходатайствовать предъ Всемилостивѣйшимъ Государемъ Императоромъ о по-

жалованіи академику Перову, во вниманіе къ его отличнымъ трудамъ и таланту, содержанія еще на два года».

На всеподданнѣйшій докладъ этого представленія послѣдовало Высочайшее повелѣніе о продолженіи пенсіона Перову еще на два года, по 300 червонцевъ въ годъ, о чемъ министръ Двора и увѣдомилъ вице-президента Академіи 2 мая 1868 года.

На Академической выставкѣ 1868 года опять появляются четыре произведенія Перова: «Послѣдній кабакъ у заставы», «Сцена у желѣзной дороги» (доставившая художнику 1-ю премію отъ Московскаго Общества Любителей Художествъ), этюдъ для типа — «Ѳомушка Сычъ» (который можетъ быть отнесенъ къ его лучшимъ созданіямъ) [1]) и портретъ Ѳ. Ѳ. Рѣзанова — послѣдніе два уже въ натуральную величину. Къ тому же времени относятся еще: не бывшіе на выставкахъ, но упоминаемые въ отчетѣ Академіи Художествъ за 1867 — 1868 г. портреты Н. Ѳ. Рѣзанова (въ дубленкѣ), Л. С. Медвѣдева, Г. И. Хлудова и друг.; маленькая картинка, выставленная тогда же въ Московскомъ Обществѣ Любителей Художествъ «Дворникъ самоучка» (сидитъ дворникъ и читаетъ азбуку, а рядомъ съ нимъ молодая дѣвушка слушаетъ его въ задумчивости) [2]) и рисунокъ для сложной картины «Толкучій рынокъ», гдѣ предполагалось представить болѣе 60 различныхъ типовъ [3]).

О картинахъ, бывшихъ на Академической выставкѣ того года, художественная критика отзывалась съ большою похвалою, какъ и о прежнихъ произведеніяхъ Перова, отводя имъ первое мѣсто между всѣми жанрами.

Но отзывы эти были опять весьма не многочисленны. Изъ нихъ можно указать лишь на одинъ—художника И. Иванова въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 265), гдѣ критикъ, описывая сюжеты двухъ произведеній Перова: «Сцена у желѣзной дороги» и «Послѣдній кабакъ у заставы» и хваля автора особенно за экспрессію лицъ въ первой картинѣ и изображеніе лошадей во второй, признавалъ, въ заключеніе, что «вообще первая картина дышетъ реальной правдой и выполнена до малѣйшихъ деталей со свойственнымъ Перову стараніемъ», а вторая «отличается немножко *обличительнымъ* сюжетомъ» и «носитъ на себѣ слѣды небрежнаго исполненія». Между тѣмъ по-

[1]) Всѣ эти три картины находятся теперь у П. М. Третьякова, въ Москвѣ.

[2]) Гдѣ находится теперь эта картинка — неизвѣстно.

[3]) См. Отчетъ Императорской Академіи Художествъ за 1867—68 г., стр. 55.

слѣдняя картинка, не смотря на все ея незамысловатое исполненіе, принадлежала опять къ числу полныхъ трагизма произведеній Перова, подобно тому, какъ первая принадлежала къ числу полныхъ юмора.

На Академическую выставку 1869 года Перовъ представилъ лишь три портрета—В. В. Безсонова, А. Ѳ. Писемскаго и А. А. Борисовскаго, но за то вполнѣ превосходныхъ [1]), и этюдъ старика (тоже очень хорошій) [2]). Первые два были исполнены весной того года, и за портретъ Безсонова Перовъ получилъ 1-ю премію отъ Московскаго Общества Любителей Художествъ; третій писанъ нѣсколько позже, и вотъ при какихъ обстоятельствахъ. Борисовскій предложилъ В. Г. назначить какую-угодно цѣну за портретъ, чтобы только тотъ выходилъ изъ ряду вонъ. — Перовъ отнесся настолько серьезно къ этому дѣлу, что съѣздилъ нарочно въ Петербургъ, съ цѣлію скопировать напередъ нѣсколько головъ со старыхъ мастеровъ въ Эрмитажѣ, каковы: Ванъ-Дейкъ, Веласкецъ, Криспи, и лишь послѣ этого принялся за портретъ Борисовскаго. Портретъ дѣйствительно вышелъ на славу, только въ немъ нимало не замѣтно вліянія иностранныхъ мастеровъ: напротивъ, онъ написанъ также самостоятельно, какъ и другія работы того же художника. По справедливости считая портретъ Борисовскаго лучшимъ на всей выставкѣ того года, А. И. Сомовъ, писавшій подъ псевдонимомъ Кистина въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 278), справедливо указывалъ на то, что для успѣха въ портретной живописи Перовъ имѣетъ «несомнѣнныя данныя—въ тонкой наблюдательности, въ обдуманности сочиненія и въ умѣньѣ пользоваться мельчайшими подробностями человѣческой обстановки, для произведенія впечатлѣнія» и что «сильная и сочная живопись, правда движенія въ изображенной по поясъ фигурѣ, большое сходство съ оригиналомъ, а главное естественность картины составляютъ достоинства этого мастерскаго портрета», который критикъ ставилъ выше другихъ двухъ портретовъ того же художника, а именно съ Писемскаго и Безсонова, хотя послѣдній онъ призналъ, по экспрессіи, весьма замѣчательнымъ.

Не считая многихъ этюдовъ, Перовымъ были начаты въ томъ же 1869 году еще слѣдующія картины: «Осень» (дорога

[1]) Изъ нихъ два первые находятся теперь у П. М. Третьякова, въ Москвѣ.

[2]) Проданъ былъ въ эстампномъ магазинѣ Беггрова, въ Петербургѣ.

въ распутицу), «Шарманщикъ», «Подслушивающая у двери», но потомъ такъ и оставлены неоконченными [1]).

На Академической выставкѣ слѣдующаго 1870 года было пять оконченныхъ произведеній Перова: два портрета братьевъ А. Г. и Н. Г. Рубинштейновъ и три картины—«Спящія дѣти», «Странникъ» (прекрасный этюдъ старика богомольца) и «Птицеловъ» (заслужившій 1-ю премію отъ Общества Поощренія Художниковъ) [2]). За послѣднія двѣ картины Перовъ былъ признанъ профессоромъ Академіей Художествъ въ ноябрѣ того же года. Кромѣ названныхъ произведеній, имъ написаны около того же времени: не бывшіе на выставкахъ, но упоминаемые въ отчетѣ Академіи Художествъ 1869 — 1870 г. портреты Н. П. Ланина, А. А. Кузнецовой, его собственный [3]); начатъ портретъ покойнаго губернскаго предводителя дворянства, князя Гагарина, для Московскаго Депутатскаго Собранія; затѣяна картина «Поѣздка къ заутрени на Пасху» — сцена изъ провинціальнаго быта старыхъ временъ [4]), гдѣ предполагалось изобразить помѣщичье семейство, сидящее на длинной линейкѣ, на задкѣ которой помѣщается зубоскалъ казачекъ, держащій въ рукахъ пасхи и пересмѣивающійся съ крестьянскими дѣвушками,—посреди дороги, занятой мужиками и бабами [5]); набросана другая картина—«Пріѣздъ институтки къ слѣпому отцу» [6]); написана третья — «Наканунѣ дѣвишника» (возвращеніе невѣсты изъ бани) [7]). Нѣсколько позднѣе (въ 1871 г.) имъ сдѣланъ эскизъ еще для одной картины — «Бесѣда двухъ студентовъ съ монахомъ у часовни» [8]).

Изъ отчетовъ, появившихся въ печати о бывшихъ въ 1870 г. на Академической выставкѣ произведеніяхъ Перова, можно отмѣтить отзывъ В. В. Стасова въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 300), гдѣ нашъ извѣстный художественный кри-

---

[1]) Изъ нихъ первая наход. у наслѣдниковъ П. П. Демидова, въ Петербургѣ, вторая у г. Беренштама, а третья у г. Сергѣева, въ Москвѣ.

[2]) Изъ этихъ картинъ первая—неизвѣстно гдѣ находится (она была разыграна въ лотереѣ Моск. Общ. Любит. Худож.), а вторая и третья—у П. М. Третьякова, въ Москвѣ.

[3]) Послѣдній наход. у П. М. Третьякова, въ Москвѣ.

[4]) См. Отчетъ Императорской Академіи Художествъ за 1869—70 г., стр. 63.

[5]) Отъ этой картины сохранились только эскизы у наслѣдниковъ художника.

[6]) Наход. у Е. И. Рѣзановой, въ Москвѣ.

[7]) Наход. у Ѳ. А. Терещенко, въ Кіевѣ.

[8]) Наход. у Е. Е. Перовой, въ Москвѣ.—Сюжетъ этотъ, видимо, очень занималъ художника, потому что онъ опять возвратился къ нему впослѣдствіи (черезъ 10 лѣтъ почти), но хотѣлъ исполнить его уже совсѣмъ въ иномъ родѣ—въ видѣ «Сцены въ вагонѣ», какъ мы узнаемъ изъ сохранившагося рисунка.

тикъ, указывая на несомнѣнное право Перова быть профессоромъ, писалъ между прочимъ о «Птицеловѣ» слѣдующее: «Вѣдь это точь въ точь будто отрывокъ изъ лучшаго и талантливѣйшаго, что́ есть въ охотничьихъ очеркахъ Тургенева. Ни одинъ изъ двухъ этихъ талантовъ не уступитъ другому по силѣ душевной характеристики, по натурѣ, по естественности и простотѣ. Правда, г. Перовъ небольшой колористъ, и подчасъ пишетъ сѣро и жестковато; но на этотъ разъ его меньше обыкновеннаго можно упрекнуть даже и въ этомъ, и самая фигура растянувшагося на землѣ птицелова-фанатика, котораго вся душа сидитъ въ эту минуту въ устремленномъ впередъ взглядѣ, для котораго нѣтъ ничего болѣе на свѣтѣ, кромѣ птички, которую онъ сейчасъ схватитъ и засадитъ въ клѣточку, — это такой chef-d'œuvre, съ которымъ любопытно было бы сравнить цѣлый музей прежнихъ нашихъ историческихъ, оффиціальныхъ и на всѣ лады важныхъ картинъ»...

VII.

Но «Птицеловъ» имѣлъ еще и другое значеніе въ ряду произведеній Перова, не только по своей необычайной экспрессивности и замѣчательной техникѣ: онъ открывалъ собою, подобно тому, какъ съ «Ѳомушки-Сыча» начинался портретный родъ живописи у нашего художника, совсѣмъ новое направленіе въ дѣятельности Перова, если можно такъ выразиться, — элегическое. За нимъ-то и слѣдовали другія изображенія мирныхъ страстей или, лучше сказать, пристрастій человѣческихъ къ разнымъ окружающимъ предметамъ, гдѣ не могло быть болѣе рѣчи о юморѣ или драматизмѣ въ положеніи, а было лишь одно представленіе самаго блаженнаго состоянія человѣческой души, при этомъ въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, сравнительно съ прежними картинами художника. Если появленіе изъ-подъ кисти Перова «Ѳомушки-Сыча», повлекшаго за собою цѣлый рядъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ портретовъ, объясняется рѣшеніемъ художника попробовать свои силы и въ крупныхъ вещахъ, послѣ необыкновенно удачнаго исполненія имъ для ученика Брызгалова — «Читальщика» въ натуральную величину, то элегическое направленіе въ его дѣятельности не можетъ уже быть объяснено какими-либо внѣш-

ними условіями. Собственно говоря, оно совпадало даже съ очень прискорбнымъ событіемъ въ семьѣ художника, а именно со смертью его первой жены (въ 1869 г.) — смертью, которая произвела вообще сильное впечатлѣніе на всѣхъ домашнихъ.

Съ тѣхъ поръ мать Елены Эдмундовны стала особенно заботиться о В. Г. и его малолѣтнихъ дѣтяхъ, чтобы они не простудились какъ-нибудь; однако, не смотря на всѣ заботы, двое старшихъ дѣтей Перова — сынъ Анатолій и дочь Надежда — все-таки умерли въ скоромъ времени отъ простуды, и въ живыхъ остался только одинъ меньшой сынъ, Владиміръ; у самого же Перова, отличавшагося до того времени необыкновеннымъ здоровьемъ, начала развиваться чахотка вслѣдствіе простуды на охотѣ. Первые признаки этой болѣзни появились впрочемъ уже въ 1874 году.

Итакъ, «Птицеловъ» былъ началомъ новаго направленія въ дѣятельности Перова, но въ то же время однимъ изъ послѣднихъ произведеній его, появившихся на выставкѣ Академіи Художествъ. Уже въ 1869 г. у него замѣтно было нѣкоторое раздраженіе противъ академическихъ порядковъ, совпадавшее какъ разъ съ моментомъ образованія «Товарищества передвижныхъ выставокъ». — 29 декабря 1869 г. онъ писалъ, напр., въ Академію по случаю нѣкоторой задержки въ отсылкѣ представленныхъ имъ на выставку картинъ и вновь назначенной ему пенсіи:

«Прошу покорнѣйше Правленіе увѣдомить, когда я наконецъ получу слѣдуемую мнѣ треть, которую я долженъ бы былъ получить въ сентябрѣ мѣсяцѣ; вотъ уже прошелъ октябрь, ноябрь и декабрь, но я не имѣю никакого свѣдѣнія, не смотря на мою убѣдительную просьбу. Кромѣ того, я взялъ на срокъ для Академической выставки портреты Писемскаго и Борисовскаго и долгое время не получаю ихъ обратно. Подобная неакуратность доведетъ до того, что никто не будетъ давать вещей для выставки, а потому прошу покорнѣйше Правленіе увѣдомить меня, чтобы я могъ дать положительный отвѣтъ владѣльцамъ портретовъ, когда они ихъ получатъ, а также кстати написать, когда я получу сентябрскую треть. Если же Правленіе не можетъ выслать мнѣ третныя деньги въ скоромъ времени, то я прошу извиненія въ томъ, что обращусь къ министру Двора, потому что въ настоящее время, по моимъ занятіямъ, нахожу это необходимымъ».

По той ли причинѣ или по другой, но только Перовъ первый примкнулъ къ Г. Г. Мясоѣдову, затѣявшему устройство самостоятельныхъ передвижныхъ выставокъ еще въ бытность свою академическимъ пенсіонеромъ въ Испаніи въ концѣ 60-хъ годовъ и искавшему, по возвращеніи въ отечество, адептовъ для осуществленія этой идеи на практикѣ. Соединившись вмѣстѣ и пригласивъ себѣ въ компанію нѣкоторыхъ другихъ московскихъ художниковъ, Мясоѣдовъ съ Перовымъ обратились прежде всего (23 ноября 1869 г.) за содѣйствіемъ къ С.-Петербургской Артели Художниковъ, основанной еще въ 60-хъ годахъ группой бывшихъ конкуррентовъ Академіи, съ И. Н. Крамскимъ во главѣ, отказавшихся отъ исполненія не свойственныхъ съ ихъ понятіями программъ на 1-ю золотую медаль и слѣдовательно, быть можетъ, отъ пенсіонерства заграницу. Сойдясь на мысли «о пользѣ выставки, гдѣ распорядителями были бы авторы выставленныхъ картинъ, на свой страхъ и на свою выгоду», московскіе художники полагали, что «раздѣлъ дохода между членами есть справедливое средство удовлетворить людей, внесшихъ свой трудъ въ общее предпріятіе, потому что покупка картинъ и назначеніе премій, говорили они, падутъ всегда на долю сильнѣйшихъ», и что, «кромѣ вѣроятности распродажи картинъ и альбомовъ, *возможность высвободить искусство отъ посторонняго распорядка и расширеніе круга почитателей*, а слѣдовательно и покупателей, — послужатъ достаточнымъ поводомъ къ образованію Товарищества». Иначе, однако, взглянули на предпріятіе — ихъ петербургскіе товарищи, по мнѣнію которыхъ «устройство передвижныхъ выставокъ въ Россіи представлялось дѣломъ до того новымъ, что невозможно заранѣе опредѣлить всѣхъ его обстоятельствъ, а потому было бы неудобно заранѣе постановить какія-либо правила для сихъ выставокъ и ходатайствовать объ ихъ утвержденіи установленнымъ порядкомъ», предлагая, вмѣсто того, воспользоваться правомъ Артели устраивать выставки повсемѣстно. Въ такомъ именно духѣ былъ составленъ отвѣтъ послѣдней (30 января 1870 г.), но москвичи настаивали на своемъ, что «нужно хлопотать объ утвержденіи устава подвижныхъ выставокъ по городамъ Имперіи, — это главное» и что «главная идея устава, помимо матеріальной цѣли, есть распространеніе искусства, но отнюдь не желаніе идти въ разрѣзъ съ какимъ-либо другимъ художественнымъ учреж-

деніемъ», чего, очевидно, опасалась Артель. Наконецъ, Москва взяла верхъ надъ Петербургомъ и уставъ «Товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ», подписанный 15-ю художниками (Перовымъ, Мясоѣдовымъ, Л. Каменевымъ, Саврасовымъ, Прянишниковымъ, Крамскимъ, М. К. и М. П. Клодтами, Шишкинымъ, К. Е. и Н. Е. Маковскими, Якоби, Корзухинымъ и Лемохомъ), былъ утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ 2 ноября 1870 г., а черезъ годъ, въ декабрѣ 1871 г., открылась въ Петербургѣ и 1-я передвижная выставка картинъ.

VIII.

Перовъ становится однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ новаго Товарищества, долгое время несетъ обязанности члена правленія въ Москвѣ и не пропускаетъ ни одной передвижной выставки, чтобы не выставить тамъ чего-либо. Такъ, на 1-й же выставкѣ 1871—72 года, появляются двѣ превосходныя картины его: «Рыболовъ» и «Охотники на привалѣ» [1]), и три отличныхъ портрета: художника Степанова, А. Н. Островскаго и Е. П. Тимашевой; на 2-й выставкѣ 1872—73 г. — одна картина: «Выгрузка извести на Днѣпрѣ» [2]), въ общемъ довольно слабая, и цѣлый рядъ болѣе или менѣе совершенныхъ портретовъ, какъ-то: купца П. С. Камынина, М. П. Погодина, Ѳ. М. Достоевскаго, В. И. Даля, А. Н. Майкова, И. С. Тургенева [3]); на 3-й выставкѣ 1874 года — одинъ портретъ г. Бородаевскаго, очень хорошій, и двѣ картины: «Киргизъ-каторжникъ» и «Охотники въ засадѣ» (собственно «Пластуны подъ Севастополемъ»), менѣе удачныя [4]); на 4-й выставкѣ 1875 года — четыре картины: «Божьи дѣти» (нищая дѣвушка съ ребенкомъ), «Голубятникъ», «Ботаникъ» [5]), «Возвращеніе крестьянокъ съ жатвы» (въ Рязанской губ.) и два

---

[1]) Находятся у П. М. Третьякова, въ Москвѣ, которому принадлежитъ и портретъ Островскаго.

[2]) Находится у г. Семенова, въ Петербургѣ.

[3]) Всѣ шесть находятся у П. М. Третьякова, въ Москвѣ.

[4]) Изъ нихъ первая находится у А. И. Тимашева, въ Москвѣ, а вторая у Ѳ. А. Терещенко, въ Кіевѣ.

[5]) Послѣднія двѣ картины, вмѣстѣ съ «Птицеловомъ», «Рыболовомъ» и «Охотниками», составляютъ какъ-бы особую серію изображеній разныхъ человѣческихъ страстей.

этюда: «Крестьянка Рязанской губ.» (у калитки, на солнцѣ) и «Яблоня въ цвѣту» [1]).

Благодаря передвижнымъ выставкамъ, съ художественными произведеніями Перова и его товарищей знакомятся въ оригиналахъ не однѣ только столицы, но и провинція; тоже обстоятельство вліяетъ въ извѣстной степени и на развитіе мѣстной художественной критики. Отзывовъ о выставкахъ «Товарищества» и бывшихъ на нихъ картинахъ Перова является такая масса, что изъ одного списка ихъ за нѣсколько лѣтъ составляется цѣлая тетрадь въ нѣсколько печатныхъ листовъ [2]). Различно было отношеніе нашихъ критиковъ къ Перову, какъ различны были и самыя произведенія его.—В. В. Стасовъ признавалъ, напр., въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1871 г., № 338), что «Привалъ охотниковъ — высшая изъ всѣхъ картинъ, до сихъ поръ Перовымъ написанныхъ, какъ и по размѣрамъ своимъ это самая большая между ними», и что въ ней «все до того вѣрно и правдиво, что картина перестаетъ быть картиной и, будто изъ окна, видишь этихъ трехъ человѣкъ, эту осеннюю поляну и проч.»; что «другая картина (Рыболовъ) наврядъ ли много уступитъ великолѣпной первой и стои́тъ на одной степени съ Птицеловомъ»; что «у насъ въ литературѣ одинъ есть chef-d'œuvre, совершенно равняющійся этимъ двумъ картинамъ,—«Разсказъ о соловьяхъ» Тургенева» [3]). — А. И. Сомовъ, помѣтившій свою статью въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1872 г., № 23) буквой N, считалъ «лучшимъ, безукоризненно хорошимъ изъ всѣхъ присланныхъ Перовымъ портретовъ — портретъ Достоевскаго», гдѣ «свободная посадка фигуры, удачно схваченное выраженіе и мастерская лѣпка лица соединились, по его замѣчанію, съ естественностью и свѣжестью колорита, — съ этимъ важнымъ условіемъ всякой, а тѣмъ болѣе портретной живописи», и ставилъ уже на второй планъ портреты Погодина и Камынина [4]) и на третій — изображенія

---

[1]) Изъ этихъ картинъ, первая и третья неизвѣстно гдѣ находятся, вторая—у А. И. Тимашева, четвертая — у наслѣдниковъ Г. И. Хлудова, пятая — у г. Сытенко, шестая — у Е. Е. Перовой, въ Москвѣ.

[2]) См. приложеніе къ моему «Иллюстрир. каталогу XVIII-й передв. выставки» 1890 г.

[3]) Иначе думалъ про «Охотниковъ» критикъ «Отеч. Записокъ» (1871 г., т. 199), обозначившій свои статьи буквами М. М. (Щедринъ-Салтыковъ ?); онъ находилъ, что «при показаніи картины присутствуетъ актеръ (въ видѣ ямщика), которому роль предписываетъ говорить: вотъ это лгунъ (т.-е. охотникъ), а это легковѣрный» (т.-е. новичекъ).

[4]) Критикъ «Голоса» (1874 г., № 12), напротивъ, отводилъ первое мѣсто именно этимъ двумъ портретамъ.

Даля, Майкова и Тургенева, не лишенныя, по его словамъ, обычнаго недостатка Перова — рыжеватости колорита; про небольшую же картинку его: «Выгрузка извести на Днѣпрѣ» онъ замѣчалъ, что ее «нельзя принимать въ разсчетъ», такъ какъ «она лишена художественнаго интереса и пуста по содержанію» и прибавлялъ въ заключеніе: «художнику, наблюдавшему въ натурѣ, какъ пыль нагружаемой извести покрываетъ бѣлою окраской носильщиковъ и ихъ дорогу по крутому берегу Днѣпра, показался эффектнымъ и оригинальнымъ этотъ мотивъ, и онъ попробовалъ передать его на полотнѣ, но не успѣлъ въ этомъ: не зная названія, трудно догадаться, отчего это и земля, и люди побѣлѣли». По опредѣленію критика «Голоса» (1874 г., № 75), находившаго, что Перовъ и вообще московскіе художники страдаютъ чернотой, картина его: «Пластуны» была «даже не черная, а какая-то ваксенная» и въ ней не было «той силы живописи и эффекта, которые мы привыкли встрѣчать въ прежнихъ произведеніяхъ Перова, — «Пластуны», видимо, не удались». Точно также и А. В. Праховъ, писавшій въ «Пчелѣ» подъ псевдонимомъ «Профана» (1875 г., № 10), считалъ, что «новыя картины московскаго художника (какъ «Божьи дѣти», «Голубятникъ» или «Ботаникъ») рѣшительно ничѣмъ не напоминаютъ его прежнихъ произведеній»; что «въ нихъ видѣнъ какъ бы другой художникъ, уступающій прежнему Перову и въ оригинальности замысловъ, и въ композиціи, и въ письмѣ»; что «во всемъ можно замѣтить нѣкоторую небрежность, апатію художественнаго творчества, въ краскахъ холодность и безжизненность». Въ концѣ концовъ онъ задавалъ вопросъ: «куда дѣвался прежній талантъ художника, или новыя его картины не суть ли мимолетное затмѣніе, которое пройдетъ, и вы опять увидите художника—такимъ, какимъ знали его въ прежнихъ произведеніяхъ?» Изъ послѣднихъ картинъ критику нравился только «небольшой, продолговатый холстикъ, представлявшій жатву въ лѣтнія сумерки и въ сѣроватомъ освѣщеніи – вереницу бабъ, тянущихся по межѣ».

Изъ произведеній Перова, бывавшихъ на академическихъ и передвижныхъ выставкахъ въ 70-хъ годахъ, главнѣйшія посылались на большія европейскія выставки, какъ напр.: «Птицеловъ» — на Лондонскую международную выставку 1872 г., «Рыболовъ» и «Охотники на привалѣ» — на Вѣнскую всемір-

ную выставку 1873 г., тѣже картины, а также портреты Безсонова и Достоевскаго, — на Парижскую всемірную выставку 1878 г., и вездѣ они привлекали общее вниманіе какъ публики, такъ и критики [1]).

IX.

Не смотря на различное направленіе какъ названныхъ выше, такъ и прочихъ критиковъ, всѣ они сходились, однако, въ томъ, что въ Перовѣ произошла какая то перемѣна. Перемѣна, дѣйствительно, была, и въ этомъ играло извѣстную роль поступленіе Перова въ преподаватели Московскаго Училища Живописи и Ваянія въ 1871 г. Сдѣлавшись профессоромъ не только по названію, но и на дѣлѣ, онъ первые годы продолжалъ еще писать картины и портреты въ прежнемъ духѣ. Но вскорѣ ему кажутся недостаточными для профессора прежнія его произведенія и онъ задается мыслью исполнять какіе-нибудь особенные сюжеты. Правда, онъ не покидаетъ и прежній обыкновенный жанръ, но въ тоже время онъ старается придать своимъ новымъ произведеніямъ какой-нибудь особый смыслъ. Послѣдствіемъ этого у него являются, однако, менѣе задушевные сюжеты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и менѣе выдающіяся по исполненію картины. Но онъ продолжаетъ также добросовѣстно относиться къ своимъ задачамъ, какъ и прежде, разнообразя свою дѣятельность выполненіемъ этюдовъ и эскизовъ во время своихъ частыхъ путешествій.

Такъ, въ 1870 г., вскорѣ послѣ смерти первой жены, онъ ѣздилъ въ Нижній-Новгородъ и въ Арзамасъ; въ 1872 году, послѣ женитьбы во второй разъ,—въ Петербургъ, писать портреты, и въ Кіевъ, откуда привезъ этюды для картины «Выгрузка извести на Днѣпрѣ»; въ 1873 г. — въ Вѣну, на всемірную выставку, и въ Оренбургъ, дѣлать этюды для картины «Пугачевцы». Отправляясь въ послѣднее путешествіе, онъ прислалъ бывшему конференцъ-секретарю Академіи, П. Ѳ. Исѣеву, письмо, отъ 12 мая, такого содержанія:

«Позвольте обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою, которая заключается въ слѣдующемъ: въ первыхъ числахъ будущаго мѣсяца я ѣду съ художественною цѣлью на

[1]) Нѣкоторые изъ отзывовъ иностранной печати были приведены, въ извлеченіяхъ, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1872 г. (№№ 201 и 231) и 1873 г. (№ 233).

Волгу и на Уралъ; мнѣ нужно сдѣлать нѣсколько этюдовъ въ мѣстностяхъ жительства Черемисовъ, Башкирцевъ и Татаръ, но такъ какъ путешествіе у насъ по Россіи большею частію сопряжено съ разнаго рода непріятными приключеніями, то я покорнѣйше прошу васъ дать мнѣ какой-нибудь открытый листъ за подписью, если не Великаго Князя, то какого-либо вліятельнаго лица, потому что пускаться въ путешествіе въ такія глухія мѣста, а тѣмъ болѣе писать тамъ этюды, — это сопряжено съ большимъ рискомъ, потому и прошу васъ убѣдительно сдѣлать что-либо для меня въ этомъ случаѣ».

Вслѣдствіе этого письма, Перовъ тогда же получилъ свидѣтельство, за подписью Августѣйшаго Президента Академіи, о безпрепятственномъ путешествіи съ художественною цѣлію по разнымъ губерніямъ Россіи въ теченіе всего 1873 года.

Въ 1875 году Перовъ купилъ себѣ имѣньице по Николаевской желѣзной дорогѣ, около станціи Клинъ (сельцо Стрѣлково), и съ тѣхъ поръ сталъ проводить тамъ каждое лѣто, дѣлая постоянно этюды и эскизы для будущихъ картинъ.

Къ этой эпохѣ относятся: портреты—сенатора А. И. Казначеева [1]), г. Кузнецова (1873), Т. Д. Зотовой, московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукаго (1874), гг. Сергѣевыхъ, предсѣдателя Земской Управы во Владимірѣ П. И. Николаева (1875), и картины — «Отпѣтый» или «Арестантъ» (1873) [2]), «Пугачевскій бунтъ» (1873—75) [3]), «Блаженный» (1875) [4]); наконецъ — «Возвращеніе дѣвушки съ купанья», «Пріемъ странника-семинариста», «Посѣщеніе стариками-родителями сыновней могилы» (1874), эскизъ «Быть или не быть» (1875), «У ссудной кассы» (1876) [5]) и проч.

Кромѣ поступленія въ профессора, не могло пройдти безслѣдно для Перова и появленіе въ Москвѣ надѣлавшей много шуму громадной коллекціи картинъ, этюдовъ и рисунковъ

[1]) Находятся въ Московскомъ Училищѣ Живописи и Ваянія.

[2]) Находится у К. Т. Солдатенкова, въ Москвѣ.—За картину эту, хотя и довольно слабую, художнику была присуждена 2-я премія отъ Общества Поощренія Художниковъ (см. «Голосъ», 1874 г., № 107: отчетъ Общества).

[3]) Находится у Ѳ. А. Терещенко, въ Кіевѣ. Еще раньше этой картины, Перовымъ былъ сдѣланъ рисунокъ «Юродивая» (окруженная странницами).

[4]) См. отчеты, которые подавалъ Перовъ о своей дѣятельности въ Училище Живописи и Ваянія.

[5]) Послѣдняя картина наход. у К. А. Фишера, въ Москвѣ. — Еще ранѣе того, а именно въ 1867 г., Перовъ сдѣлалъ рисунокъ другой подобной же сцены, но только не съ одной, а съ нѣсколькими фигурами.

В. В. Верещагина изъ Туркестанской жизни и войны въ 1874 г., въ томъ числѣ нѣкоторыхъ произведенiй просто колоссальныхъ размѣровъ. Излагая свои жалобы на равнодушiе москвичей въ ожидавшейся въ первопрестольной столицѣ Верещагинской выставкѣ, Перовъ писалъ между прочимъ В. В. Стасову 27-го апрѣля 1874 г.: «Мое мнѣнiе таково, что искусство совершенно лишнее украшенiе для матушки Россiи, а можетъ еще не пришло то время, когда мода на искусство выразится сильнѣе, а потому и любовь къ нему будетъ замѣтнѣе». Немного позже, а именно 1 ноября того же года, онъ писалъ тому-же Стасову уже слѣдующее:

«Вы мнѣ задали многотрудную задачу—высказать мое мнѣнiе, а также и другихъ московскихъ художниковъ, по поводу картинъ В. В. Верещагина; тѣмъ болѣе это трудно, что я знаю по опыту, какъ опасно писать людямъ, пишущимъ критическiя статьи,— я говорю вообще, васъ же я считаю великодушнѣе другихъ, а потому и пишу съ большою увѣренностью въ томъ, что мои смиренныя строки не будутъ представлены на обсужденiе и порицанiе всего читающаго люда... По моему мнѣнiю, картины г-на Верещагина представляютъ книгу большаго объема, которую нужно сначала разобрать, понять ея смыслъ, и тогда уже, не увлекаясь ни похвалой, ни порицанiемъ, воздать должное творцу и сотворенному, и, вслѣдствiе такого моего взгляда на вещи, я въ настоящее время о картинахъ г-на Верещагина сказать ничего не могу, потому что еще самъ не понялъ ихъ смысла, ни ихъ значенiя въ той степени, въ какой бы желалъ понять и уяснить ихъ для себя». Письмо это онъ заключалъ такъ: «Статью Тютрюмова не читалъ, а потому и не могу, какъ ни согласиться, такъ и ни не согласиться съ его мнѣнiемъ [1]); мнѣ кажется, что большинство московскихъ художниковъ не читало этой статьи—и слава Богу! Судя по вашимъ отзывамъ, статья не заслуживаетъ никакого вниманiя, какъ и большинство статей по части искусства».

Быть можетъ, необыкновенный успѣхъ Верещагина былъ, однако, косвенной причиной того, что Перовъ перешелъ отъ небольшихъ сюжетовъ изъ обыденной жизни къ болѣе колоссальнымъ и самъ сталъ писать громадныя картины.

[1]) Рѣчь идетъ о первой статьѣ Тютрюмова въ «Русск. Мiрѣ», направленной противъ Верещагина за отказъ отъ профессорства.

Почти около того же времени у Перова начинается разладъ съ Товариществомъ передвижныхъ выставокъ. Будучи чрезвычайно самолюбивъ, — онъ всегда говорилъ своимъ братьямъ: «безъ самолюбія человѣкъ тряпка, но только нужно знать мѣру»,—онъ уже прежде сердился на петербургскихъ членовъ Товарищества, напримѣръ, за то, что въ каталогѣ 2-й выставки они назвали эскизомъ его картину «Выгрузка извести на Днѣпрѣ», на эффектъ которой онъ сильно разсчитывалъ (1872). Съ теченіемъ времени непріязненныя отношенія обострялись все болѣе и болѣе, и наконецъ, раздраженный тѣмъ, что съ него требовали точныхъ отчетовъ, на которые онъ былъ не способенъ по живости своей натуры, онъ сталъ писать въ правленіе Товарищества рѣзкія и ироническія письма, въ родѣ слѣдующихъ:

«На письмо ваше,—писалъ онъ 5 февраля 1876 г.,—я могу отвѣтить слѣдующее: отчетъ, вами посланный, получилъ, но онъ такъ сложенъ и запутанъ, что добиться сути его не легко. Что онъ вамъ кажется вѣренъ, то это очень естественно. Что же касается до того, что вы молчаніе мое приняли за согласіе, то это мнѣ показалось страннымъ, хотя я не утверждаю того, что мой отчетъ вѣренъ. Нужно прежде было узнать: позволяли ли мнѣ время и здоровье заниматься пересмотромъ отчета, и тѣмъ болѣе, что я не считаю себя обязаннымъ немедленно и безъ всякихъ возраженій исполнять чье бы то ни было предписаніе. Состоя съ открытія Общества членомъ правленія и кассиромъ Московскаго отдѣленія, жертвуя и временемъ и трудомъ во имя только чего-то, я думалъ, что этимъ дѣлаю одолженіе Обществу, а никакъ не Общество мнѣ. Въ настоящее время я нанялъ бухгалтера, который приводитъ въ полный порядокъ отчетъ мой за всѣ года, который по окончаніи будетъ присланъ вамъ. Такъ какъ я боленъ, то покорнѣйше прошу васъ обращаться съ дѣлами Общества къ другому члену правленія, т.-е. къ Маковскому... Относительно себя ничего опредѣленнаго не могу сказать; если успѣю, то пришлю (на выставку) картину, размѣромъ 2 арш. въ вышину и 1½ арш. ширины».

«Препровождаю при семъ,—писалъ онъ 15 марта того же года,—отчетъ Московскаго отдѣленія за время существованія нашего Общества, который приведенъ въ полный порядокъ. За четыре года оказалось недочету 155 р. 80 к., которые я и просилъ Московскихъ членовъ пополнить изъ моего фонда.

Въ настоящее время я передалъ всѣ дѣла по Обществу Вл. Ег. Маковскому, котораго Московскіе члены избрали кассиромъ. Надѣюсь, что моя пятилѣтняя посильная служба Обществу даетъ мнѣ право просить Товарищество не избирать меня болѣе въ члены правленія на будущее время, такъ какъ эту обязанность нахожу справедливымъ раздѣлить на всѣхъ поровну. Я, къ сожалѣнію, не кончилъ своихъ картинъ, а потому и не могъ прислать ихъ на выставку настоящаго года».

Дѣло кончилось тѣмъ, что Перовъ написалъ въ концѣ концевъ Крамскому нѣсколько ироническое письмо, гдѣ изложилъ мотивы своего выхода изъ Товарищества въ такомъ видѣ:

«Получилъ я ваше наилюбезнѣйшее письмо [1]), — писалъ онъ 13-го апрѣля 1877 года, — въ которомъ вы хотя и предоставляете мнѣ право не отвѣчать вамъ (вѣроятно зная мою лѣность писать письма), но тѣмъ не менѣе я не только съ удовольствіемъ отвѣчаю на ваше письмо, но даже хочу высказать еще разъ причины, побуждающія меня оставить Общество Товарищества. Вы говорите въ письмѣ вашемъ, что вполнѣ понимаете моменты серьезные, когда вранье есть подлость. Я иду дальше, и хочу считать гадостью всякое вранье и во всякіе моменты жизни. Если вы не повѣрили мнѣ, когда я вамъ высказывалъ мой взглядъ на дѣла нашего Общества, что́ было прошедшей зимой, то мнѣ остается сожалѣть о томъ, что я ошибся въ вашей искренности, ибо вы не только не возражали мнѣ за нѣкоторымъ исключеніемъ, но, какъ будто, соглашались со мной во многомъ. Все, что́ было уже разъ сказано мною, повторяю теперь въ письмѣ и болѣе—для того, что писанному принято вѣрить больше, чѣмъ сказанному».

«Выхожу я изъ Общества потому, что не раздѣляю идеи, которой руководится въ настоящее время большинство членовъ. Я не согласенъ съ дѣйствіями Общества и нахожу многія изъ нихъ не только неосновательными, но даже и несправедливыми, и потому считаю себя не вправѣ быть членомъ того Общества, которое не могу не порицать».

«Шесть лѣтъ тому назадъ первому пришла идея основать Общество — Гр. Гр. Мясоѣдову, на основаніи того, что Ака-

---

[1]) Письмо это осталось никому неизвѣстнымъ, даже издателямъ книги: «И. Н. Крамской, его жизнь, переписка и художественно-критическія статьи» (1888).

демія не совсѣмъ справедливо получала большіе доходы съ произведеній художниковъ и при этомъ считала лишнимъ даже озаботиться послать картину обратно къ ея автору. Указывая, между прочимъ, на это обстоятельство, Г. Г. Мясоѣдовъ совершенно справедливо сказалъ: «Отчего сами художники не собираютъ доходовъ со своихъ трудовъ?» Вотъ основа Общества. Многимъ понравилась мысль его, и составилось Товарищество. Никакихъ же гуманныхъ иллюзій и патріотическихъ чувствъ въ основѣ совсѣмъ и не было: онѣ бы вытекали сами собой изъ простаго дѣйствія Товарищества. Такъ точно, какъ если бы кто пожелалъ украсить свой домъ картинами, то по необходимости долженъ бы былъ обратиться къ художникамъ, и тѣмъ принести имъ пользу. Рѣшили также посылать иногда картины и въ провинцію, если это будетъ не иначе, какъ выгодно. Положеніе художника въ Россіи не завидное, а потому и главной цѣлью основателей Общества было, если не обезпечить, то, по крайней мѣрѣ, сколько-нибудь улучшить его положеніе. Такъ думали въ началѣ. Теперь Общество преслѣдуетъ уже другую цѣль: оно положило себѣ задачею заботиться не столько о пользѣ своихъ членовъ, сколько старается о развитіи или привитіи потребности къ искусству въ русскомъ обществѣ. Я не спорю, что это цѣль высокая и прекрасная, и была бы совершенно умѣстна, если бы всѣ члены Общества были одинаково обезпечены въ матеріальномъ отношеніи, но, къ сожалѣнію, этого нѣтъ. Да и не всѣ способны на безкорыстныя жертвы: по крайней мѣрѣ, я первый отказываюсь работать во имя этой идеи, а потому и не хочу незаслуженно пользоваться уваженіемъ и вниманіемъ интеллигентнаго общества, о которомъ вы пишете».

«Я люблю искусство и не менѣе—художниковъ, а именно тѣхъ, которыхъ я знаю лично, или другихъ — по ихъ произведеніямъ, и съ большой охотой готовъ и буду заботиться о ихъ пользѣ въ настоящемъ (ежели когда-либо составится такое Общество), но объ искусствѣ и художникахъ будущаго вѣка, мнѣ кажется, забота не наша. Зерно, брошенное въ землю, если только попало на хорошую почву, не требуетъ ухода; если же, по несчастію, оно упало на каменистую, то, какъ вы его ни поливайте, плода не будетъ, а ежели и будетъ оный, то такой несчастный, что, пожалуй, лучше бы ему и не быть».

«Что наше Товарищество не совсѣмъ удачно прививаетъ искусство, доказательствомъ тому можетъ служить то, что провинція все менѣе и менѣе даетъ пользы Обществу или, сказать другими словами въ духѣ нѣкоторыхъ членовъ, что любовь и потребность къ искусству или эстетическая жажда не увеличивается, а скорѣе уменьшается, сравнительно съ прежними годами. Вы, можетъ быть, скажете, что нельзя же все вдругъ, — хорошее еще въ будущемъ. Пусть такъ, хотя я не вполнѣ этому вѣрю. Но въ чемъ не сомнѣваюсь, то это въ томъ, что польза въ настоящее время — одному сопровождающему выставку. Онъ получаетъ гораздо и гораздо болѣе, чѣмъ каждый членъ (за исключеніемъ немногихъ), если даже сложить вмѣстѣ его годовой заработокъ съ получаемымъ дивидендомъ».

«Что же касается втораго пункта, что я нахожу нѣкоторыя дѣйствія Общества несправедливыми, — то прошу извинить меня, если я по поводу этого не скажу, что́ я думаю, тѣмъ болѣе, (что,) высказывая откровенно свои мнѣнія, пришлось бы коснуться нѣкоторыхъ лицъ, а также и дѣйствій Собранія. Не желая объясненій, я этимъ ограждаю себя, на прощаніе, отъ могущихъ возникнуть непріязненныхъ отношеній съ товарищами. Но скажу лишь одно, что мнѣ многое не нравится въ дѣйствіяхъ Общества, и прошу васъ на сей разъ повѣрить, что письмо мое на столько же искренно, какъ и ваше».

«P. S. Меня не мало удивляетъ, зачѣмъ Товарищество прислало картину Г. Литовченко, которая, сказать по правдѣ, никому не нравится въ Москвѣ, да, я думаю, что также не много приходящихъ въ восторгъ отъ нея и въ Петербургѣ, а дивидендъ она, вѣроятно, потребуетъ не малый. Это странно тѣмъ болѣе, что Г. Литовченко даже не членъ Общества. Изъ этого я вижу ложный принципъ дѣйствій Общества и, какъ будто, желаніе какъ можно болѣе набрать членовъ, чтобы уменьшить и безъ того уже ничтожный доходъ. И потомъ, количество членовъ не есть еще процвѣтаніе Общества, а скорѣе его упадокъ. Въ этомъ я убѣжденъ вполнѣ, и думаю: гдѣ много собравшихся, тамъ, конечно, можно ожидать много и хорошаго, а еще болѣе дурного, что́ и было, какъ я слышалъ, съ Артелью Художниковъ, когда-то существовавшей въ Петербургѣ».

Въ послѣднемъ случаѣ обнаруживалась, между прочимъ, перемѣна во внутреннемъ настроеніи Перова: прежде онъ отличался крайне веселымъ и живымъ характеромъ, любилъ всякаго рода удовольствія, легко сходился съ людьми, при своей способности привязывать къ себѣ всякаго, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло. Правда, какъ человѣкъ прямой и горячій, онъ и прежде возмущался многимъ и никому ничего не спускалъ; но тутъ онъ становится до крайней степени раздражительнымъ, ищетъ уединенія, расходится даже со своими старыми пріятелями и близкими себѣ людьми, и заводитъ себѣ лишь небольшой новый кругъ знакомства.

Выйдя изъ Товарищества передвижныхъ выставокъ, Перовъ продолжалъ профессорствовать въ Училищѣ Живописи и Ваянія. Онъ имѣлъ большую способность къ преподавательской дѣятельности и былъ однимъ изъ лучшихъ профессоровъ. Всѣ ученики его сохранили о своемъ учителѣ наилучшія воспоминанія. Онъ проповѣдывалъ всегда, что они должны какъ можно болѣе зачерчивать сценъ и типовъ съ натуры, и тѣмъ несомнѣнно приносилъ имъ громадную пользу, пріучая ихъ къ наблюдательности. Онъ даже, вмѣстѣ съ учениками, дѣлалъ наброски сюжетовъ, задававшихся имъ на полученіе медалей и премій. Его взгляды на преподаваніе и искусство сходились съ тѣми, которые онъ вложилъ отчасти въ уста Макрицкаго, въ своемъ разсказѣ: «Наши учителя».

«Чтобы быть вполнѣ художникомъ, говоритъ онъ тамъ, нужно быть творцомъ; а чтобы быть творцомъ, нужно изучать жизнь, нужно воспитать умъ и сердце; воспитать — не изученіемъ казенныхъ натурщиковъ, а неусыпной наблюдательностью и упражненіемъ въ воспроизведеніи типовъ и имъ присущихъ наклонностей... Этимъ изученіемъ нужно такъ настроить чувствительность воспринимать впечатлѣнія, чтобы ни одинъ предметъ не пронесся мимо васъ, не отразившись въ васъ, какъ въ чистомъ и правильномъ зеркалѣ... Художникъ долженъ быть поэтъ, мечтатель, а главное — неусыпный труженикъ... Желающій быть художникомъ долженъ сдѣлаться полнымъ фанатикомъ — человѣкомъ, живущимъ и питающимся однимъ искусствомъ и только искусствомъ» [1]).

---

[1]) См. разсказъ Перова «Наши учителя» («Художеств. Журналъ» 1881, № 9, стр. 106, 107 и 109).

«Конечно, говорилъ онъ въ другомъ мѣстѣ того же разсказа по поводу Зарянко, никто не станетъ считать передачу одной внѣшней стороны, хотя бы даже исполненной и до обмана глазъ, за истинное искусство. Къ великому, однако, сожалѣнію, публика, любители, а нерѣдко даже и сами художники, падки на эти приманки. Зачастую и эти послѣдніе восторгаются и восхищаются какой-нибудь до того натурально написанной шляпой, что отъ восторга въ нее хочется только плюнуть; восхищаются кувшиномъ на громадной картинѣ, забывая о цѣлой сотнѣ хорошо исполненныхъ фигуръ; восхищаются старинной серебряной кружкой, персидскимъ ковромъ и всякой всячиной, не имѣющей ровно никакого смысла, кромѣ виртуознаго исполненія и другихъ техническихъ достоинствъ» [1]).

X.

Говоря вообще, Перовъ терпѣть не могъ газетной литературы; за то онъ чрезвычайно любилъ нѣкоторыхъ русскихъ и иностранныхъ писателей, особенно такихъ, которые изображали своихъ героевъ съ разными психологическими тонкостями. Любимымъ авторомъ его былъ Гоголь; онъ собирался даже писать картины: «Погребеніе Гоголя его героями», т.-е. людьми, осмѣянными Гоголемъ въ его произведеніяхъ (въ 1863—64 г.) и «П. П. Пѣтухъ со своимъ поваромъ» (въ 1871 г.) [2]). Затѣмъ онъ почиталъ также Некрасова, особенно за пѣсни изъ крестьянскаго быта и стихотворенія, гдѣ говорится о плачущихъ матеряхъ, сыновья которыхъ пали на войнѣ, но Перовскіе «Проводы покойника» (1865) явились совершенно независимо отъ Некрасовской поэмы «Морозъ красный носъ». Онъ уважалъ Достоевскаго за «Преступленіе и наказаніе»; высоко ставилъ Льва Толстого за «Войну и міръ» и «Севастопольскіе разсказы», но «Анны Карениной» не могъ дочитать до конца. Изъ иностранныхъ литераторовъ его любимцемъ былъ Викторъ Гюго; потомъ «Пѣснь о рубашкѣ» Гуда производила на него сильное впечатлѣніе, и онъ любилъ ее всегда. Можно думать даже, что мотивомъ для «Утопленницы» (1866) послу-

---

[1]) См. разсказъ Перова «Наши учителя» («Художеств. Журналъ», 1881, № 8, стр 55).

[2]) Совершенно оконченный рисунокъ для первой находится у П. М. Третьякова, въ Москвѣ, а набросокъ для второй—у И. Н. Терещенко, въ Кіевѣ.

жилъ именно конецъ воспѣтой тамъ швеи. Въ послѣдніе годы жизни Перовъ все заставлялъ жену читать вслухъ французскіе романы, гдѣ описывались самыя страшныя и невѣроятныя преступленія, но, когда дочитаютъ-бывало до какого-либо интереснаго мѣста, просилъ оставить это чтеніе на нѣкоторое время, и ему нравилось мучиться неизвѣстностью, что̀ будетъ дальше. Онъ очень любилъ также историческіе романы и разсказы, какъ: «Пугачевцы» Саліаса, «На высотѣ и на долѣ» Карновича, и проч. Кромѣ того, его любимымъ чтеніемъ было Евангеліе, которое онъ перечитывалъ нѣсколько разъ отъ начала до конца; наконецъ онъ читалъ Ренана, Рамѐ и проч. Однимъ словомъ, онъ интересовался очень и очень многимъ, но въ послѣднее время преимущественно историческими и религіозными вопросами.

Что̀ натолкнуло Перова на «Пугачевскій бунтъ» — неизвѣстно, такъ какъ онъ задумалъ его раньше, чѣмъ появился романъ Саліаса (въ 1873 г.), и даже, при исполненіи этой картины, руководствовался болѣе повѣстью Пушкина «Капитанская дочка», нежели «Пугачевцами» Саліаса, но «Никита Пустосвятъ» затѣянъ подъ вліяніемъ разсказовъ Карновича (въ 1879 — 80 гг.). Принимаясь за эти картины, онъ перечиталъ массу книгъ, касающихся Пугачева и раскольниковъ. Вѣроятно, «Пугачевскій бунтъ» навелъ потомъ Перова на мысль написать «Поволжскихъ хищниковъ» (1879), а «Борисъ Годуновъ» Пушкина доставилъ матеріалъ для его эскиза «Григорій Отрепьевъ и Пименъ».

Читая Евангеліе, Перовъ вообще страшно увлекался и задавался такими идеями, которыя, при всемъ своемъ талантѣ, не могъ однако осуществить. У него явилась, напр., мысль, что страданія Христа, котораго онъ очень чтилъ, изображались до сихъ поръ невѣрно, такъ какъ по евангелистамъ лица Его не должно быть видно при этомъ. Задавшись такою мыслью, онъ сталъ писать картину: «Страданіе Христа» или «Въ Геѳсиманскомъ саду» (1878), и хотѣлъ это страданіе выразить въ самой фигурѣ и въ ея положеніи, а не въ лицѣ; но картина не вполнѣ удалась. Та же участь постигла и другую его религіозную картину: «Снятіе со креста» (1878) [1]. Еще менѣе удачною оказалась третья картина духовнаго содержанія:

---

[1]) Обѣ эти картины наход. у П. М. Третьякова, въ Москвѣ.

«Первые русскіе христіане», совершающіе богослуженіе въ Кіевѣ (1880). Особенно же странной представлялась идея Перова взять аллегорическую тэму въ родѣ «Весны» (1879), гдѣ изображена летящая на крыльяхъ бабочки фея, окруженная амуромъ, голубемъ и цвѣтами; но это было воспоминаніе объ одной прелестной дѣвушкѣ, какъ-то разъ позировавшей художнику. Можетъ быть тутъ, дѣйствительно, была дань молодости, прошедшей у художника въ преслѣдованіи однихъ серьезныхъ мотивовъ, какъ предполагали «Моск. Вѣдомости» (см. № 347, 1882 г.).

Хотя и въ послѣднихъ произведеніяхъ Перова есть много прекраснаго, какъ въ типахъ отдѣльныхъ лицъ (напр.: священника и раскольника въ «Пугачевцахъ», Никиты Пустосвята и старовѣра съ образомъ — въ «Никитѣ Пустосвятѣ» и проч.), такъ и въ расположеніи цѣлыхъ группъ, но въ общемъ они представлялись уже слабѣе въ сравненіи съ его прежними произведеніями. Самъ Перовъ, лично никогда недовольный своими работами, говорилъ всегда и прежде: «хорошо, хорошо, но думаю, что можно и могу лучше написать», а тутъ онъ рѣшительно уже перестаетъ быть увѣренъ въ собственныхъ силахъ и часто переписываетъ одно и то же по нѣскольку разъ, даже разрѣзаетъ нѣкоторыя изъ своихъ картинъ на куски или пишетъ на нихъ другія вещи. Такъ онъ вырѣзалъ отдѣльныя фигуры «Старичка» и «Старушки» изъ своей прекрасной картины «Посѣщеніе стариками родителями сыновней могилы», которую написалъ-было на мотивъ «Отцовъ и дѣтей» Тургенева (въ 1874 г.) [1]); продѣлалъ ту же операцію надъ первой идеей «Пугачевскаго бунта» (1873 г.), которая между тѣмъ была во многомъ удачнѣе позднѣйшихъ двухъ (1875 и 1879 гг.) [2]); переписалъ изъ «Дѣвушки, бросающейся въ воду» (1879) — «Ярославну» (1880), подъ вліяніемъ снимка съ однородной картины Шварца, въ «Пчелѣ»; написалъ что-то другое на полотнѣ, гдѣ было уже изображено «Распятіе» (1878); кончилъ и частью прошелъ вновь «Трапезу» (въ 1875 г.) [3]) и «Блаженнаго» (въ 1879 г.) — лучшую свою вещь за послѣднее время.

---

[1]) Фигуры эти находятся: 1-я у Е. Е. Друганова, 2-я у Е. Е. Перовой, въ Москвѣ, а у П. М. Третьякова есть эскизъ той же картины, но въ другомъ видѣ.

[2]) Куски прежней картины наход. у г. Мурашки, въ Кіевѣ, вторая же наход. у П. М. Третьякова, въ Москвѣ.

[3]) При этомъ онъ оставилъ въ прежнемъ видѣ всего нѣсколько фигуръ (какъ напр.: лакея, откупоривающаго бутылку; монаха, торопящаго его съ этимъ дѣломъ; другаго мо-

Въ «Пугачевцахъ» онъ находилъ тотъ недостатокъ, что они какъ будто не передаютъ того, чтó онъ желалъ: его мучило сознаніе, что картина его, представляющая судъ Пугачева надъ помѣщиками, имѣетъ характеръ лишь отдѣльнаго эпизода изъ Пугачевскаго бунта, а не настоящаго народнаго движенія [1]). Точно также въ «Никитѣ Пустосвятѣ» (1880—81), гдѣ онъ изобразилъ суматоху, происшедшую послѣ заушенія старовѣромъ Никитою Аѳанасія еписк. Холмогорскаго во время религіозныхъ споровъ, въ присутствіи правительницы Софіи въ Грановитой Палатѣ, онъ былъ недоволенъ очень многимъ, однако не болѣе слабыми частями — лѣвой стороной картины (гдѣ Софія со своими приближенными), а напротивъ,—болѣе сильными (гдѣ Никита со своими послѣдователями), и замышлялъ многое переписать тутъ на-ново, да смерть помѣшала ему исполнить это намѣреніе [2]). М. П. Боткину едва удалось уговорить Перова дать эту картину (вмѣстѣ съ «Первыми русскими христіанами»), на Московскую всероссійскую выставку 1882 года.

Тѣмъ не менѣе, это были, не смотря на всѣ недостатки, дѣйствительно исторически-бытовыя картины, глубоко западающія въ душу, а не простыя собранія отдѣльныхъ типовъ, случайно соединенныхъ вмѣстѣ, безъ всякой внутренней связи, какъ это бываетъ иногда съ подобными произведеніями, глядя на которыя такъ и чувствуется, что въ нихъ все выдумано и сочинено, отчего отъ нихъ и вѣетъ такимъ холодомъ, не смотря иной разъ на чрезвычайно блестящее исполненіе, и отчего они совсѣмъ не трогаютъ зрителя, ищущаго въ искусствѣ не одной только виртуозности и потому остающагося къ нимъ вполнѣ равнодушнымъ.

Одновременно съ историческими произведеніями, Перовъ берется однако и за жанровыя картины, какъ: «Рыболовы», (священникъ, діаконъ и семинаристъ), «Охота на медвѣдя

наха, складывающаго остатки ѣды въ платокъ, и проч.) и нѣсколько прибавилъ вновь (кáкъ напр.: статскаго генерала съ женой-купчихой, двухъ нищихъ и проч.), отчего картина не только не выиграла, но даже отчасти проиграла.

[1]) Перовъ думалъ написать собственно три картины изъ временъ Пугачевскаго бунта: 1) Бытъ помѣщиковъ и крестьянъ передъ самымъ появленіемъ Пугачева. 2) Народное движеніе подъ предводительствомъ Пугачева, и 3) Судъ Пугачева надъ помѣщиками (см. «Русскія Вѣдомости» 1882 г., № 152: Наблюденія и замѣтки, Скромнаго наблюдателя, т. е. Лукина), но исполнилъ всего одну, послѣднюю, въ разныхъ видахъ, а для второй набросалъ только рисунки.

[2]) Самый историческій фактъ былъ описанъ художникомъ для «Худож. Журнала», къ которому прилагалась большая фототипія съ этой картины въ видѣ преміи на 1882 г.

зимою» (для редакціи журнала «Природа и Охота») [1]), «Странница, лежащая въ полѣ» (1879), «Возвращеніе крестьянъ съ похоронъ, зимою» (1880) [2]).

Сюда же могутъ быть отнесены также и нѣкоторые эскизы, какъ, напр.: «Опахиванье» (1878), «Рыбная ловля острогою», «Иванъ царевичъ и сѣрый волкъ», «Снѣгурочка» (1879), и рисунки: «Хлысты на бдѣніи» [3]), «Передъ грозой» или «Наушница» (1879) и проч., ясно показывающіе, что Перовъ и не думалъ совершенно бросать бытовыя сцены.

Относящіеся къ той же эпохѣ портреты его работы, какъ напр.: М. Е. Горбуновой (1879), П. А. Горбунова, Н. И. Гребенскаго, А. И. Тимашева (1881) и проч., писаны имъ въ новой манерѣ и быстро.

Послѣдними работами Перова могутъ считаться: отличный портретъ Н. В. Медынцева (1881), показывающій, что живописный талантъ его совсѣмъ не угасъ, не смотря на упадокъ силъ, и портреты Государя Императора Александра III, по поводу которыхъ онъ писалъ П. Ѳ. Исѣеву, 29 мая 1881 г., слѣдующее:

«Мнѣ очень совѣстно, что приходится все васъ безпокоить, но обстоятельства слагаются такъ, что избѣжать этого никакъ не могу, а потому и обращаюсь къ вамъ еще разъ съ покорнѣйшей просьбой. Извѣстите меня, пожалуйста, въ какомъ положеніи находится дѣло о полученіи сеанса для написанія портрета Государя Императора. Если я не могу имѣть и надежды получить его, то всепокорнѣйше буду просить васъ выслать мною написанные портреты. Если же какая-либо еще есть надежда получить сеансъ, то я всепокорнѣйше буду просить васъ исходатайствовать мнѣ этотъ сеансъ до іюля или августа, такъ какъ я обязанъ, по условію, написать портретъ къ 1-му октября».

Для полученія сеанса Перовъ тогда же, весной, пріѣзжалъ въ Петербургъ, и въ этотъ пріѣздъ его сюда И. Н. Крамской написалъ съ него портретъ, оставшійся, къ сожалѣнію, не конченнымъ.

Августѣйшій Президентъ Академіи Художествъ, Вел. Кн. Владиміръ Александровичъ, доставилъ Перову возможность по-

---

[1]) Наход. у Ю. Ю. Воейковой, въ Петербургѣ.

[2]) Находится у П. М. Третьякова, въ Москвѣ.

[3]) Какъ видно изъ отчета Акад. Худож. за 1879—80 г. (стр. 39), Перовъ приступилъ-было даже къ исполненію большой картины по этому рисунку.

бывать въ Александріи (въ Петергофѣ) и присутствовать въ тамошней Дворцовой церкви, гдѣ онъ удостоился бесѣдовать съ Государемъ Императоромъ послѣ литургіи. Затѣмъ, Перовъ немедленно исправилъ подготовленный имъ по фотографіи портретъ Государя Императора (для Владимірской Земской Управы), съ котораго и написалъ потомъ нѣсколько копій (для Моск. Училища Живописи и Ваянія, и др.).

Подъ конецъ жизни, Перовъ пробуетъ свои силы и въ литературѣ: онъ пишетъ интересные, иногда очень поэтичные, разсказы изъ жизни художниковъ и воспоминанія о себѣ самомъ, и печатаетъ ихъ въ «Пчелѣ» (1875 г.), какъ напр.: «Тетушка Марья» (№ 11), и въ «Художественномъ Журналѣ» (1881 — 82 гг.), какъ напр.: «На натурѣ, Фанни подъ № 30» (1881, №№ 1 и 2), «Генералъ Самсоновъ» (№ 3), «Нѣчто въ родѣ легенды о портретѣ кн. А. Д. Меньшикова» (тамъ же), «Ложная тревога» (№ 4), «Подъ крестомъ» (№ 7), «Наши учителя» (№№ 8, 9, 11 и 12), «Новогодняя легенда о счастьѣ» (1882, № 1), «Медовый праздникъ въ Москвѣ» (№ 9). Только его безпокоитъ все мысль, что литературная критика проходитъ молчаніемъ эти разсказы, на которые онъ такъ разсчитывалъ, основываясь на словахъ редактора названнаго изданія.

Въ 1882 году Перовъ не въ силахъ уже былъ работать. Зимой у него сдѣлалось воспаленіе клѣтчатки таза, послѣ чего обострилось и самое воспаленіе легкихъ, перешедшее въ катарральное. Нѣсколько врачей, какъ: Горячевъ, Остроумовъ, Захарьинъ и наконецъ родной братъ Перова, А. Г. Криденеръ (прожившій съ нимъ вмѣстѣ съ 1870 по 1875 г.), употребляли всѣ усилія, чтобы продлить его жизнь. Захарьинъ совѣтовалъ отправить его весной въ Самару на кумысъ, но это предположеніе рѣшительно невозможно было осуществить, вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія болѣзни. На страстной недѣлѣ великаго поста, дня за два до Пасхи, Перовъ перебрался, по предложенію П. М. Третьякова, къ нему на дачу, въ село Тарасовку, по Московско-Ярославской желѣзной дорогѣ, но прожилъ тамъ всего мѣсяца полтора: около 12 мая его перевезли къ роднымъ въ Кузьминки, имѣніе князей Голицыныхъ, по Московско-Курской желѣзной дорогѣ, а 29 мая, въ 3 часа дня, онъ тихо скончался, не только не оставивъ никакого состоянія, но даже имѣя кой-какіе долги, при всемъ скромномъ образѣ жизни, какой онъ велъ. Это показываетъ только, на сколько

онъ былъ на самомъ дѣлѣ не корыстолюбивъ, назначая черезчуръ уже умѣренныя цѣны даже на свои первоклассныя произведенія. Передъ смертью страданія его были такъ велики, что онъ просилъ окружающихъ, нельзя ли чѣмъ нибудь сократить ему жизнь. Тѣло его было привезено въ Москву и поставлено въ приходской церкви Училища Живописи и Ваянія, во имя св. Фрола и Лавра, а оттуда до кладбища въ Даниловомъ монастырѣ гробъ его несли на рукахъ—его бывшіе ученики. Надъ самой могилой Д. В. Григоровичъ произнесъ небольшую надгробную рѣчь, гдѣ старался представить краткую характеристику Перова, какъ художника и человѣка.

«Присутствующіе!..,—сказалъ онъ,—вмѣстѣ съ гробомъ, который мы только-что опустили въ землю, соединяются не только для всѣхъ насъ, но и для всего русскаго общества двѣ крупныя потери: съ одной стороны, русское искусство лишилось одного изъ самыхъ крупныхъ своихъ представителей, съ другой—русское общество лишилось высокой нравственной личности, а онѣ въ настоящее время такъ рѣдки... Не мѣсто здѣсь оцѣнять достоинства Перова, какъ художника,—скажемъ только, и, думаю, не ошибемся въ нашемъ замѣчаніи, что Перовъ есть настоящій представитель того рода живописи, который теперь преслѣдуютъ всѣ русскіе художники. Первую картину изъ обыденной жизни въ тридцатыхъ годахъ написалъ Венеціановъ — «Причащеніе больной»; но Венеціановъ — живописецъ сантиментальный. . За нимъ явился Ѳедотовъ; но Ѳедотовъ — сатирикъ. Одинъ Перовъ, и онъ первый изъ художниковъ, познакомилъ насъ съ правдивымъ направленіемъ этого рода живописи, но, кромѣ того, Перовъ—живописецъ-поэтъ. Поэзія его — это задушевность; онъ поэтъ чувствъ, поэтъ задушевныхъ движеній... Припомнимъ его картину «Похороны». Передъ нами сани съ женщиной и дѣтьми; видна только спина женщины. Какъ сдѣлалъ художникъ, мы не знаемъ,—это тайна его высокаго таланта, но, глядя на эту одну спину, сердце сжимается, хочется плакать... Заплачемъ и мы: не стало того, который писалъ эту чудную картину, — его ужъ нѣтъ, нѣтъ и не будетъ.

«Припомнимъ еще одну картину: «Проповѣдь сельскаго священника». Тамъ, въ срединѣ картины, овдовѣвшій мужикъ и двое его сиротъ. Много видѣлъ я въ живописи передачи душевныхъ проявленій; но такихъ лицъ, какъ этихъ двухъ дѣтей, я еще не встрѣчалъ. Здѣсь какъ бы исчезаютъ и краски,

и кисть, и искусство... Все это какъ бы истекаетъ изъ одного глубокаго задушевнаго чувства. Такъ писать могъ человѣкъ, который самъ глубоко чувствовалъ. Но, думаю, я не преувеличу, когда скажу, что нравственная высота Перова была еще выше его таланта. Господа, вспомните, кто здѣсь теперь лежитъ въ землѣ передъ нами. Мы похоронили Перова... проникнитесь хорошенько этимъ словомъ—«Перова». И чтожъ, этотъ человѣкъ, украсившій русское искусство такими знаменательными произведеніями, сошелъ въ могилу, не оставивъ послѣ себя ничего, кромѣ своихъ картинъ. Какой примѣръ для васъ, молодыхъ людей, здѣсь присутствующихъ!.. Вы, молодежъ и ученики, его окружавшіе, если хотите жить честно, сохраните навсегда въ вашей памяти эту высокую, благородную личность, и пока она будетъ служить вамъ примѣромъ, она предохранитъ васъ отъ соблазновъ, которые въ наше время такъ сильно проникли въ наше искусство и такъ вредно дѣйствуютъ на его нравственную сторону.

«Вы плачете, г-жа Перова; но на минуту утрите ваши слезы и взгляните на насъ: мы всѣ также плачемъ, глубоко сознавая ту утрату, которую понесли въ лицѣ Василія Григорьевича... А вы всѣ, ученики Василія Григорьевича, дайте себѣ слово поддержать ту руку г-жи Перовой, которую, любя, цѣловалъ Перовъ...

«Да будетъ миръ надъ тобою, славный русскій художникъ и благородный русскій человѣкъ!..»

Послѣ смерти Перова, его почитатели и родственники постарались собрать всѣ его произведенія и устроить изъ нихъ спеціальныя выставки: въ Москвѣ (въ Обществѣ Любителей Художествъ), въ ноябрѣ и декабрѣ 1882 г., и въ Петербургѣ (въ Академіи Художествъ), въ январѣ и февралѣ 1883 г.; на первой изъ этихъ выставокъ было 115 произведеній, на второй—240 (105 картинъ и 135 рисунковъ). Какъ для той, такъ и для другой, авторомъ этой статьи былъ изданъ, на русскомъ и французскомъ языкахъ, иллюстрированный каталогъ, съ 20-ю фотолитографическими снимками съ лучшихъ произведеній Перова, по рисункамъ: Крамского, Морозова, Савицкаго и г-жи Собко, а также В. Маковскаго, Прянишникова и сына Перова (въ приготовленномъ къ печати 2-мъ изданіи).

Изъ напечатанныхъ, по поводу посмертной выставки Перовскихъ произведеній въ Петербургѣ, газетныхъ статей осо-

бенною задушевностью отличалось «Письмо къ другу» Незнакомца («Нов. Время» 1883, № 2463), а изъ появившихся послѣ смерти Перова характеристикъ его можно указать на статьи В. В. Стасова въ «Вѣстникѣ Европы» (декабрь 1882 г.), подъ заглавіемъ – «25 лѣтъ русскаго искусства», и въ «Русской Старинѣ» (май 1883 г.), подъ названіемъ—«Перовъ и Мусоргскій»; неизвѣстнаго автора въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№№ 342 и 347, 1882 года) и К. Быковскаго въ «Новомъ Времени» (№ 2620, 1883 года). Каждый изъ названныхъ писателей старался объяснить публикѣ личность Перова и замѣчавшійся поворотъ въ концѣ его дѣятельности то разными внѣшними обстоятельствами въ жизни художника, то неизбѣжной необходимостью рано или поздно заплатить дань своей молодости, если прежде преслѣдовались одни отрицательные элементы, то перемѣной направленія въ самомъ обществѣ съ духовнаго пробужденія въ концѣ 50-хъ годовъ къ нравственному утомленію въ началѣ 70-хъ. Но все-таки въ натурѣ Перова оставалось не мало необъясненнаго и лишь полное собраніе его литературныхъ произведеній (писемъ, замѣтокъ, разсказовъ), въ дополненіе къ снимкамъ съ его художественныхъ работъ, можетъ пролить свѣтъ на эту въ высшей степени своеобразную личность.

Н. Собко.

I. СПИСОКЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ПЕРОВА [1]).

А. Картины, эскизы и портреты:

1849.

1. Старикъ, копія съ картины К. Брюллова, бывшей въ рисовальной школѣ Ступина въ Арзамасѣ. — Неизвѣстно гдѣ находится.

1850.

2. Св. Іеронимъ, копія.
3. Цыганка, копія.
4. Гречанка, копія.

} Неизвѣстно гдѣ находятся.

1851.

5. Распятіе, первое самостоятельное произведеніе.—Въ церкви с. Никольскаго, Нижегородской губ., Арзамасскаго уѣзда.
6. Собственный портретъ.
7. Портретъ отца.

} Неизвѣстно гдѣ наход.

8. Нищій, просящій милостыню.
9. Деревенская тройка.
10. Народное гулянье въ Семикъ.

} У кн. П. П. Кутыева, въ Арзамасѣ.

[1]) Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ этому списку указано только, когда поименованныя въ немъ произведенія появлялись *въ первый разъ* на выставкахъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ и какія изъ нихъ находились на посмертныхъ выставкахъ Перова.—Произведенія, отмѣченныя звѣздочками, воспроизведены въ фотолитографіяхъ съ рисунковъ г-жи Собко, Савицкаго, Крамского и Морозова въ моихъ „Иллюстрированныхъ каталогахъ выставокъ“: посмертной Перова—одною звѣздочкою и всероссійской въ Москвѣ — двумя звѣздочками. Остальные снимки указаны *до 1889 г.*, какъ и въ перечнѣ снимковъ съ картинъ, бывавшихъ на передвижныхъ выставкахъ, который приложенъ къ моему «Иллюстрир. каталогу XIX-й передв. выставки» 1891 г. Они провѣрены по собранію сенатора Е. Е. Рейтерна.

1856.

11. Головка мальчика, пис. съ брата Николая (2 сер. мед. отъ Имп. Акад. Худож.). — Была куплена Моск. Училищемъ Живописи и Ваянія и розыграна въ лоттереѣ.

1857.

*12. Судъ становаго (1 сер. мед. отъ И. А. Х.).—У г-жи Лукутиной, урожд. Хлудовой, въ Москвѣ.

Снимки: фотолитогр. съ рис. г-жи *Собко*—въ «Вѣстн. Изящн. Искус.» 1883, вып. I, и цинкогр. — въ «Нови» 1885, № 9, стр. 58.

1858.

13. Сцена на могилѣ, на слова русской пѣсни: «Мать плачетъ, какъ рѣка льется; сестра плачетъ, какъ ручей течетъ; жена плачетъ, какъ роса падетъ, — взойдетъ солнышко, росу высушитъ». — Была подарена Г. И. Хлудовымъ его племяннику.

1860.

*14. Первый чинъ (2 зол. мед. отъ И. А. Х.).—У г-жи Прохоровой, урожд. Хлудовой, въ Москвѣ.

Снимки: а) Печ. въ лит. *Поль Пети* (съ рис. Перова) — въ «Русск. Худож. Альбомѣ» 1861 г.—б) грав. на дер.—въ «Иллюстр. Газ.» 1866, № 16, стр. 245. —в) фототип. *Шерера* и *Набгольца* съ фотогр. Дьяговченко—въ «Худ. Журн.» 1881, № 10.

1861.

15. Портретъ одного генерала, пис. у военнаго министра Сухозанета въ Петербургѣ.—Неизвѣстно гдѣ находится.

*16. Проповѣдь въ селѣ (1 зол. мед. отъ И. А. Х.). — У К. Т. Солдатенкова, въ Москвѣ.

Снимки: а) фотолитогр. съ рис. г-жи *Собко*—въ «Вѣстн. Изящн. Искус.» 1883, вып. I, и цинкогр. — въ «Нови»

1885, № 9, стр. 55.—б) фототип. *Реммлера* и *Іонаса* въ Дрезденѣ—въ «Худ. Журн.» 1883, № 1.—в) тоже *Брукмана* (въ большемъ видѣ)—тамъ же, премія 1887 г.

17. Сельскій крестный ходъ на Пасхѣ. —У П. М. Третьякова, въ Москвѣ.

1862.

18. Отдохновеніе (Чаепитіе) въ Мытищахъ.—У К. Т. Солдатенкова.
Снимокъ: фототип. съ фотогр. *Дьяговченко*—въ «Худ. Журн.» 1882, № 5.

*19. Дилетантъ или Художникъ-любитель.—У П. М. Третьякова.
Снимокъ: грав. на дер., исполн. въ Варшав. Политип. съ рис. *М. (Микѣшина)*,—въ «Пчелѣ» 1878, № 21, стр. 316.

1863.

20—21. Внутренность балагана на Париж. гуляньѣ во время представленія, 2 эскиза.—У Е. Е. Перовой, въ Москвѣ.

22. Итальянецъ, продающій статуи.—Неизвѣстно гдѣ находится.

23. Савояръ.
24. Шарманщикъ.
} Въ Моск. Публ. и Румянц. музеѣ, прежде у Ѳ. И. Прянишникова.

Снимки съ №№ 23 и 24: грав. на дер., исполн. въ Варшав. Политип. съ рис. *М. (Микѣшина)*,—въ «Пчелѣ» 1878 г., №№ 1 и 11, стр. 12 и 165.

1864.

25. Шарманщица.—У С. И. Четверикова, въ Москвѣ.

26. Слѣпой музыкантъ.—У Н. С. Третьякова, въ Москвѣ.
27. Дѣвушка въ профиль. —У Е. Е. Перовой.
28. Старикъ съ кружкой.—У Е. Е. Перовой.
} Этюды для картинъ.

29—30. Праздникъ въ окрестн. Парижа (на Монмартрѣ), эскизъ и неконч. картина. — У Е. Е. Перовой, въ Москвѣ.

31. Продавецъ пѣсенниковъ, неконч. карт.
32. Нищія на одномъ изъ Париж. бульваровъ.
33. Париж. тряпичники.
} Неизвѣстно гдѣ наход.

34. Уличная сцена въ Парижѣ: музыканты и зѣваки.—У Л. С. Медвѣдева, въ Москвѣ.

35. Дворникъ.—У г. Рахманинова.

1865.

36. Трапеза (переписана въ 1875 г.).—У Н. П. Ланина, въ Москвѣ.

***37. Проводы покойника (1-я премія отъ СПб. Общ. Поощр. Худож.).—У К. Т. Солдатенкова, въ Москвѣ. Повтореніе у наслѣдниковъ Г. И. Хлудова.
Снимки: а) грав. на дер. *Фурніе*, рис. *Н. Богатовъ*—въ «Пчелѣ» 1878, № 3, стр. 33, и въ «Лучѣ» 1885, № 25, стр. 409.—б) фототип. съ фотогр. *Дьяговченко*—въ «Худ. Журн.» 1882, № 6.—в) фотоцинкогр.—въ «Annuaire illustré» de Dumas, 1882 (p. 189), при статьѣ: «L'art en Russie et l'exposition de Moscou», par N. Sobko.—г) грав. на дер. —въ «Magazine of Art» 1886, june, p. 316, при статьѣ: «Basil Peroff», by N. Sobko.

*38. Очередная у бассейна (1-я премія отъ Моск. Общ. Любит. Худож.). — У г-жи Востряковой, урожд. Хлудовой, въ Москвѣ.
Снимокъ: фототип. съ фотогр. *Дьяговченко*—въ «Худ. Журн.» 1881, № 11.

39. Гитаристъ-бобыль. — У П. М. Третьякова, въ Москвѣ.
Снимокъ: грав. на дер., исполн. въ Варшав. Политип.,—въ «Пчелѣ» 1877, прилож. къ № 49, и въ «Лучѣ» 1888, № 39, стр. 685.

1866.

40. Мальчикъ-мастеровой. — Писанъ для Моск. Общ. Любит. Худож.; неизвѣстно гдѣ находится.

*41. Ученики - мастеровые или Тройка (на званіе академика).
*42. Пріѣздъ гувернантки въ купеческій домъ (на званіе академика).
} У П. М. Третьякова.

Снимокъ: грав. на дер. *Паннемакеръ* въ Парижѣ—въ «Живоп. Обозр.» 1883, № 51, стр. 388.

43. Сцена на почтовой станціи.—Неизвѣстно гдѣ находится.

*44. Чистый понедѣльникъ.—У П. М. Третьякова (отъ К. Е. Ценкеръ).
Снимки: а) фотолит. съ рис. г-жи *Собко*—въ «Вѣстн. Изящн. Искус.» 1883, вып. I, и цинкогр.—въ «Нови», 1885, № 9, стр. 55. — б) грав. на дер. — въ «Лучѣ» 1888, № 11, стр. 221.

№№ 12, 13 и 14, 16, 19 — находились на Акад. выставкахъ 1858, 1860, 1861 и 1862 гг.
№№ 23—24 и 32—34 наход. на выставкахъ Общ. Поощр. Худож. въ 1867 и 1864 гг.

№№ 30—31 упом. въ отчетѣ И. А. Х. за 1863—64 г., стр. 82.

1867.

***45. Учитель рисованія.—У наслѣдниковъ Д. П. Боткина, въ Москвѣ.

Снимки: а) грав. на дер. съ рис. *Л. Праховой*—въ «Пчелѣ» 1876, № 33, стр. 5.—б) фототип. *Шерера* и *Набгольца* съ фотогр. Дьяговченко—въ «Худ. Журн.» 1881, № 10.—в) грав. на дер.—въ «Magazine of Art» 1886, june, p. 317.

46. Утопленница, эскизъ. } У П. М. Третьякова.
*47. Тоже, картина. } У П. М. Третьякова.

48. Христосъ и Матерь Божія у житейскаго моря (сонъ художника).—Въ церкви св. Козьмы и Даміана, что́ въ Шубинѣ, въ Москвѣ.

1868.

49. Путешествіе квартальнаго съ семействомъ на богомолье, эскизъ.—У наслѣдниковъ В. В. Безсонова, въ Москвѣ.

50. Дворникъ-самоучка.—Неизвѣстно гдѣ находится.

51. Сцена у желѣзной дороги (1-я премія отъ Моск. Общ. Любит. Худож.). } У П. М. Третьякова, въ Москвѣ.
52. Послѣдній кабакъ у заставы. } У П. М. Третьякова, въ Москвѣ.
53. Ѳомушка-Сычъ, этюдъ для типа. } У П. М. Третьякова, въ Москвѣ.

54. Портретъ Ѳ. Ѳ. Рѣзанова. — У г-жи Ржаницыной, въ Москвѣ.

55. Портретъ Ѳ. Ѳ. Рѣзанова. } У гг. Рѣзановыхъ, въ Москвѣ.
56. Портретъ Ѳ. И. Рѣзановой. } У гг. Рѣзановыхъ, въ Москвѣ.
57. Портретъ Н. Ѳ. Рѣзановой. } У гг. Рѣзановыхъ, въ Москвѣ.

58. Портретъ Л. С. Медвѣдева. — У Л. С. Медвѣдева, въ Москвѣ.

59. Портретъ Г. И. Хлудова.—Неизвѣстно гдѣ находится.

60. Портретъ Э. Е. Перовой, урожд. Шейнсъ.—У Е. Е. Перовой.

61. Портретъ С. И. Миллера (пис. вмѣстѣ съ И. М. Прянишниковымъ).—Въ Моск. Общ. Любит. Худож.

1869.

62. Осень (дорога въ распутицу).—У наслѣдниковъ П. П. Демидова, въ Петербургѣ.

63. Шарманщикъ, ночная моск. сцена.—У г. Беренштама, въ Москвѣ.

64. Подслушивающая у двери. — У г. Сергѣева, въ Москвѣ.

65. Дѣвочка съ кувшиномъ. — У г. Кузнецова, въ Москвѣ.

66. Малый лѣтъ 17-ти (булочникъ).—У И. М. Прянишникова, въ Москвѣ.

67.—69. Головы съ Веласкеса, Криспи и Ванъ-Дейка въ Эрмитажѣ.—У Е. Е. Перовой.

70. Этюдъ старика.—Проданъ у Беггрова, въ Петербургѣ; неизвѣстно гдѣ находится.

71. Портретъ А. Ѳ. Писемскаго. } У П. М. Третьякова, въ Москвѣ.
72. Портретъ В. В. Безсонова (1-я премія отъ Моск. Общ. Любит. Худож.). } У П. М. Третьякова, въ Москвѣ.

73. Портретъ А. А. Борисовскаго.—У А. А. Борисовскаго, въ Москвѣ.

74. Портретъ кн. Щербатова. — Въ Моск. Городской Думѣ.

1870.

*75. Собственный портретъ.—У П. М. Третьякова.

76. Портретъ А. В. Ланиной. } У. Н. П. Ланина, въ Москвѣ.
77. Портретъ Н. П. Ланина. } У. Н. П. Ланина, въ Москвѣ.

78. Портретъ А. А. Кузнецовой.—У А. А. Кузнецовой, въ Москвѣ.

79. Портретъ кн. Гагарина, въ ростъ.—Въ Моск. Благородн. Собраніи.

80. Портретъ Н. Г. Рубинштейна.—У П. М. Третьякова.

81. Портретъ А. Г. Рубинштейна.—Въ Моск. Консерваторіи.

82. Портретъ художника Степанова (1-я премія отъ Моск. Общ. Лю-

---

№№ 16, 18, 44 и 47 наход. на выставкѣ Моск. Общ. Любит. Худож. въ 1867 г.; №№ 25, 26, 33, 37, 38 и 43—въ 1866 г., а №№ 51—54 въ 1868 г.

№№ 35—36 упом. въ отчетѣ И. А. Х. за 1864—65 г., стр. 83, а №№ 36—41 въ отчетѣ за 1865—66 г., стр. 75.

№№ 44—45 и 47—48 наход. на Акад. выставкѣ 1867 г., а №№ 51—54 на выставкѣ 1868 г.

№№ 50—55 и 58—59 упом. въ отчетѣ И. А. Х. за 1867—68 г., стр. 56.

№№ 70—73 наход. на Акад. выставкѣ 1869 г., а №№ 80—81 и 84—85 на выставкѣ 1870 г.

№№ 70—73 упом. въ отчетѣ И. А. Х. за 1867—69 г., стр. 82, а №№ 77—80 и 84, 86—87 въ отчетѣ за 1869—70 г., стр. 63.

бит. Худож.). — У г. Степанова, въ Москвѣ.

83. Спящія дѣти, эскизъ. — У Е. Е. Перовой.

84. Тоже, картина.—Была розыграна въ Моск. Общ. Любит. Худож.; неизвѣстно гдѣ находится.

85. «Къ Тройцѣ».—У П. М. Третьякова, въ Москвѣ.

*86. Странникъ (старикъ-богомолецъ). — У П. М. Третьякова.

Снимокъ: литогр. съ рис. *Крамского* —въ «Худож. Автографѣ» 1870, л. 43.

*** 87. Птицеловъ (1-я премія отъ СПб. Общ. Поощр. Худож. и званіе профессора). — У П. М. Третьякова, въ Москвѣ.

Снимки: а) литогр. съ рис. *Морозова*—въ «Худож. Автографѣ» 1870, л. 43.—б) рисов. *Н. С. Негадаевъ*, грав. (на дер.) *Л. А. Сѣряковъ*—во «Всем. Илл.» 1870, № 96, стр. 740, и 1887, № 965; въ «Огонькѣ» 1882, № 6, стр. 121. — в) грав. на мѣди, исполн. *Пожалостинымъ* въ Парижѣ, — въ видѣ преміи «Общ. Поощр. Худ.» его членамъ въ 1875 г.— г) рис. на дер. *И. Малышевъ*, рѣз. *Б. Пуцъ* въ Варшавѣ,—въ «Живоп. Обозр.» 1878, № 11, стр. 217.—д) грав. на дер., исполн. въ Варшавск. Политип., — въ «Пчелѣ» 1878, № 19, стр. 284.—е) цинкогр. съ рис. *Морозова* — въ «Вѣстн. Изящн. Искус.» 1883, вып. I.

88. Наканунѣ дѣвичника (проводы невѣсты изъ бани). — У Ѳ. А. Терещенко, въ Кіевѣ.

89. Пріѣздъ институтки къ слѣпому отцу, неконч. картинка.—У Е. И. Рѣзановой, въ Москвѣ.

90. Вечеръ въ великую субботу, эскизъ.—У В. В. Перова, въ Москвѣ.

91. Тоже, картина. — На ней написанъ «Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду».

92. Опахиванье, эскизъ. – У В. В. Перова.

1871.

93. Бесѣда студентовъ съ монахомъ у часовни, эскизъ.—У Е. Е. Перовой, въ Москвѣ.

94. Петръ Петровичъ Пѣтухъ со своимъ поваромъ, изъ «Мертвыхъ Душъ» Гоголя, эскизъ.—У И. Н. Терещенко, въ Кіевѣ.

*** 95. Рыболовъ.—У П. М. Третьякова.

Снимки: а) рис. на дер. *Н. С. Негадаевъ*, грав. *Л. А. Сѣряковъ*,—во «Всем. Иллюстр.» 1873, № 235, стр. 4, и въ «Огонькѣ» 1882, № 20, стр. 397.—б) рис. на дер. *М. Зиновьевъ*, грав. *Б. Пуцъ*, —въ «Пчелѣ» 1875, № 44, стр. 531; въ «Лучѣ» 1884, № 32, стр. 509; въ «Звѣздѣ» 1888, № 47, стр. 997.—в) олеогр. — въ журн. «Природа и Охота» 1881 г., августъ.—г) фототип. *Реммлера* и *Іонаса* въ Дрезденѣ—въ «Худ. Журн.» 1882, № 10.—д) фотолит. съ рис. г-жи *Собко* — въ «Вѣстн. Изящн. Искус.» 1883, вып. I, и цинкогр.—въ «Нови» 1885, № 9, стр. 58.—е) хромолит. *В. П. Пурецкаго* въ Москвѣ, 9 декабря 1889 г., подъ заглав. «Томительное ожиданіе».

*** 96. Охотники на привалѣ.—У П. М. Третьякова.

Снимки: а) рис. на дер. *Н. С. Негадаевъ*, грав. *Л. А. Сѣряковъ*,—во «Всем. Иллюстр.» 1872, № 200, стр. 284. — б) рис. на дер. *А. Соколовъ*, гравиров. *Я. Яненко*, — въ «Живоп. Обозр.» 1875, № 47, стр. 745, и 1878, № 9, стр. 184. —в) грав. *Грачевъ*, рис. *Богатовъ*, — въ «Пчелѣ» 1878, № 15, стр. 228; въ «Лучѣ» 1881, № 24, стр. 8—9, и 1884, № 34, стр. 541.—г) олеогр., особ. изд. *Фельтена*.—д) хромолит. *П. В. Пурецкаго* въ Москвѣ, 5 іюля 1889 г.

97. Портретъ А. Н. Островскаго.— У П. М. Третьякова.

Снимки: грав. на дер. *В. Матэ* — въ «Живоп. Обозр.» 1880, № 13, стр. 241; въ «Иллюстрир. Мірѣ» 1884, № 5, стр. 73; въ «Суфлерѣ» 1882, въ прилож.

98. Портретъ Е. П. Тимашевой.—У наслѣдниковъ А. И. Тимашева, въ Москвѣ.

99. 1-й портретъ А. И. Тимашева.— Тамъ же.

100. Портретъ г. Осокина, въ ростъ.— Въ Казанск. Дворянск. Собран.

101. Портретъ кн. Лобанова-Ростовскаго. — У кн. Лобанова-Ростовскаго.

102. 1-й портретъ И. С. Тургенева.— У г-жи Лукутиной, урожд. Хлудовой, въ Москвѣ.

1872.

103. Подъ Кіевомъ (берегъ Днѣпра).— У г. Сорокоумовскаго, въ Москвѣ.

104. Выгрузка извести на Днѣпрѣ.— У П. П. Семенова, въ Петербургѣ.

105. Портретъ И. С. Камынина.— У П. М. Третьякова.

№№ 82 и 95—98 наход. на 1-й передвижной выставкѣ 1871—72 г.

**106. Портретъ М. П. Погодина. — У П. М. Третьякова.

Снимокъ: грав. на дер. *К. Вейерманъ*—въ «Пчелѣ» 1876, № 1, стр. 1.

**107. Портретъ Ѳ. М. Достоевскаго. } У П. М. Третьякова, въ Москвѣ.
**108. Портретъ В. И. Даля. }
**109. 2-й портретъ И. С. Тургенева. }

Снимки съ № 106 — 109: гравир. крѣпкой водкой *Крамскимъ* — въ изд.: «Вторая передвижн. выставка» 1873 г.

110. Портретъ А. Н. Майкова. — У П. М. Третьякова.
111. Портретъ С. Т. Аксакова. — У Е. Е. Перовой.
112. Портретъ П. С. Кампіони. — У г. Кампіони, въ Москвѣ.

1873.

113. Портретъ г. Кузнецова, съ фотографіи. — У г. Кузнецова, въ Москвѣ.
114. Портретъ А. И. Казначеева.— Въ Моск. Учил. Живоп. и Ваянія.
115. Отпѣтый (2-я премія отъ СПб. Общ. Поощр. Худож.).—У К. Т. Солдатенкова.
116. Пугачевскій бунтъ (Судъ Пугачева), эскизъ. — У В. В. Перова. } Главн. образ. на основаніи повѣсти Пушкина „Капитанская дочка“.
117. Тоже, другой эскизъ. — У П. М. Третьякова. }
118. Тоже, третій эскизъ. — У г. Шустова, въ Москвѣ. }
119—124. Головы киргизовъ, 6 этюдовъ.—У Е. Е. Перовой (3), Л. С. Медвѣдева, г. Барановскаго и наслѣдниковъ А. И. Тимашева, въ Москвѣ.

Снимокъ № 124: грав. крѣпк. водкой *Мясоѣдовымъ*—въ «Иллюстр. катал. 3-й передв. выставки» 1874 г.

1874.

125. Портретъ г. Бородаевскаго. — У г. Бородаевскаго, въ Москвѣ.
126. Портретъ Т. Д. Зотовой.—У В. А. Зотова, въ Москвѣ.
127. Портретъ ген. Дурново. — У ген. Дурново, въ Петербургѣ.
128. Портретъ В. И. Ахшарумова. — Въ Моск. Межев. Институтѣ.
129. Пластуны или Вылазка подъ Севастополемъ. — У И. Н. Терещенко, въ Кіевѣ.

Снимки: а) грав. крѣпкой водкой *Савицкимъ*—въ «Иллюстр. каталогѣ 3-й передв. выставки» 1874 г.— б) рис. на дер. *Л. О. Адамовъ*, грав. *И. Матюшинъ*, — во «Всемірн. Иллюстр.» 1875, № 340, стр. 24, подъ назв. «Секретъ».

130. Старики-родители на могилѣ сына. (Пис. подъ впечатлѣніемъ конца Базарова въ «Отцахъ и дѣтяхъ» Тургенева). — У П. М. Третьякова.
131. Тоже, другая композиція.

Изъ этой картины были вырѣзаны Перовымъ отдѣльно:

а) Старичекъ. — У Е. Е. Друганова, въ Москвѣ.
б) Старушка.—У Е. Е. Перовой.

132. Пріемъ странника-семинариста.— У И. С. Цвѣткова. въ Москвѣ.
133. Крестьянка. } У Е. Е. Перовой.
134. Возвращеніе дѣвушки съ купанья. }
135. Возвращеніе крестьянки съ дѣвочкой съ поля. }
136. Пчельникъ, этюдъ улей. }
137. Яблоня въ цвѣту, этюдъ. }
138. Крестьянка Рязанской губ. у калитки на солнцѣ.—У г. Сытенко, въ Москвѣ.
139. Возвращеніе жницъ съ поля, въ Рязанской губ.—У г-жи Востряковой, урожд. Хлудовой.
*140. Голубятникъ.—У наслѣдниковъ А. И. Тимашева, въ Москвѣ.

Снимокъ: рис. на дер. *Р. Пилати*, грав. *К. Крыжановскій*,—во «Всемірной Иллюстр.» 1875, № 345, стр. 120.

141. Ботаникъ. — Неизвѣстно гдѣ находится.

Снимокъ: рис. на дер. *Н. С. Негадаевъ*, грав. *К. Вейерманъ*, — во «Всем. Иллюстр.» 1875, № 335, стр. 429.

№№ 104—110 наход. на 2-й передвижной выставкѣ 1872—73 г.

№№ 124—125 и 127 наход. на 3-й передвижной выставкѣ 1874 г.

142. Божьи дѣти. — Неизвѣстно гдѣ находятся.

Снимокъ: рис. на дер. *Р. Пилати*, грав. *К. Крыжановскій*,—во «Всемірной Иллюстр.» 1875, № 351, стр. 225, и въ «Огонькѣ» 1882, № 29, стр. 583; въ «Родинѣ» 1889. № 9, стр. 281.

143. Портретъ кн. В. А. Долгорукаго, моск. генералъ-губернатора. — У наслѣдниковъ кн. Долгорукаго.

1875.

144. Тоже съ фотографіи. — Въ Моск. Коммерч. Академіи.

145—147. Портреты гг. Сергѣевыхъ.— У гг. Сергѣевыхъ, въ Москвѣ.

148. Портретъ П. И. Николаева.— Во Владимірской Земской Управѣ.

149. Портретъ г. Колюбакина. — У г. Колюбакина, въ Москвѣ.

150. Быть или не быть? эскизъ. — У В. В. Перова, въ Москвѣ.

*151. Пугачевскій бунтъ, неконч. картина. — У П. М. Третьякова.

*152. Блаженный или Божій человѣкъ (пейзажъ переписанъ въ 1879 г.). —У Ѳ. А. Терещенко, въ Кіевѣ.

Снимокъ: рис. на дер. *Н. И. Соколовъ*, грав. *К. Крыжановскій*,—во «Всем. Иллюстр.» 1877, № 423, стр. 128, и въ «Огонькѣ» 1882, № 6, стр. 120.

1876.

153. У ссудной кассы.—У К. А. Фишера, въ Москвѣ.

Снимки: рис. *Н. С. Негадаевъ*, грав. *А. Зубчаниновъ*, — во «Всем. Иллюстр.» 1876, № 408, стр. 308, и въ «Огонькѣ» 1882, № 24, стр. 485; въ «Звѣздѣ» 1888, № 50, стр. 1072.

154. Портретъ И. Г. Дьяговченко.—У К. А. Фишера, въ Москвѣ.

155. Портретъ Государя Императора Александра II, въ ростъ. — У Е. Е. Перовой, въ Москвѣ.

1877.

156. Портретъ Л. К. Пфёля. — Въ Моск. Воспитат. Домѣ.

157. Пластуны или Вылазка подъ Севастополемъ (повтореніе № 129, съ ночнымъ освѣщеніемъ).—У Ѳ. А. Терещенко, въ Кіевѣ.

158. На тягѣ: охотникъ, ждущій пролета птицъ (пис. съ В. С. Бровскаго). — У Е. Е. Перовой.

1878.

159. Портретъ В. С. Бровскаго. — У г. Бровскаго, въ Москвѣ.

160. Портретъ А. К. Саврасова. — У Е. Е. Перовой, въ Москвѣ.

161. Портретъ г-жи Кириловой. } У гг. Кириловыхъ, въ Москвѣ.

162. Портретъ г-на Кирилова, съ фотогр. } У гг. Кириловыхъ, въ Москвѣ.

163. Дворникъ (повтореніе № 35, съ нѣкоторыми перемѣнами).— У И. Г. фонъ-Дервиза, въ Москвѣ.

164. Ярмарка, эскизъ.—У Е. Е. Перовой, въ Москвѣ.

165. Голова Іоанна Крестителя.—У бар. А. Г. Криденера, брата художн.

166. Голова слѣпаго.—У г. Протопопова, въ Москвѣ.

167. Голова Христа. — У г. Смирнова въ Москвѣ.

168. Христосъ въ Геосиманскомъ саду, эскизъ. — У г. Сорокоумовскаго, въ Москвѣ.

169. Тоже, картина. } У П. М. Третьякова.

170. Снятіе со креста, неконч. картина. } У П. М. Третьякова.

171. Распятіе.—На немъ написанъ «Пугачевскій бунтъ».

172. Поволжскіе хищники. — У Е. Е. Перовой, въ Москвѣ.

Снимокъ: грав. на дер.—въ «Живоп. Обозр.» 1887, № 28, подъ назв. «Волжская вольница».

1879.

173. Рыбная ловля острогою, эскизъ.— У В. В. Перова, въ Москвѣ.

174. Рыбаки (священникъ, діаконъ и семинаристъ). — Въ СПб. Общ. Поощр. Худож. (продаются).

175. Охота на медвѣдя зимою (пис. для редакціи журнала «Природа и охота»). — Прежде у Ю. Ю. Воейковой, въ Петербургѣ.

Снимки: а) олеогр. — въ видѣ преміи къ журналу «Природа и Охота» 1880 г.—б) грав. на дер. *М. Рашевскій*— въ «Нивѣ» 1883, № 10, стр. 228.

№№ 127—142 наход. на 4-й передвижной выставкѣ 1875 г. и тѣже №№, вмѣстѣ съ №№ 143 и 151, упом. въ отчетѣ И. А. Х. за 1873—74 г., стр. 43.

176. Странница въ полѣ.
177 а. Дѣвушка, бросающаяся въ воду, эскизъ.
178 б. Тоже, картина.—На ней написанъ «Плачъ Ярославны».
178. Приближеніе весны, эскизъ.
} У Е. Е. Перовой, въ Москвѣ.

179—181. Снѣгурочка, три разныхъ эскиза.
182. Иванъ Царевичъ и сѣрый волкъ, эскизъ.
} У В. В. Перова въ Москвѣ.

183. Григорій Отрепьевъ и Пименъ.— эскизъ. — У Е. Е. Перовой, въ Москвѣ.
184. Пугачевскій бунтъ, оконч. картина. —Въ СПб. Общ. Поощр. Худож. (продается).

Снимокъ: съ фотогр. Вишнякова, грав. на дер. *Ю. Барановскій*,—въ «Нивѣ» 1883, № 11, стр. 244—245.

185. Портретъ Н. И. Гребенскаго. — У Н. И. Гребенскаго, въ Москвѣ.
186. Портретъ Е. Е. Перовой, урожд. Другановой.—У Е. Е. Перовой, въ Москвѣ.
187. Портретъ М. Е. Горбуновой, ур. Другановой.—У П. А. Горбунова, въ Москвѣ.

1880.

188. Портретъ М. Г. Горбуновой, съ фотогр. — У М. Г. Горбуновой, въ Москвѣ.
189. Потретъ П. А. Горбунова. — У П. А. Горбунова, въ Москвѣ.
190. 2-й портретъ А. И. Тимашева.— У наслѣдниковъ А. И. Тимашева, въ Москвѣ.
191. 2-й портретъ А. А. Борисовскаго. — У А. А. Борисовскаго, въ Москвѣ.
192—193. Головки дѣвушекъ, этюды. —У Е. Е. Перовой, въ Москвѣ.
194. Возвращеніе крестьянъ съ похоронъ, зимою.—У П. М. Третьякова, въ Москвѣ.
195. Плачъ Ярославны (перепис. изъ «Дѣвушки, бросающейся въ воду»).—У бар. Б. Ѳ. Штиглица, въ Петербургѣ.

№№ 152 и 195 наход. на 1-й періодич. выставкѣ Моск. Общ. Любит. Худож. въ 1881 г.

196. Весна, аллегорія.—Въ СПб. Общ. Поощр. Худож. (продается).

Снимокъ: по фотогр. Вишнякова, гравир. на дер. *Ю. Барановскій*, — въ «Нивѣ» 1883, № 12, стр. 273.

197. Первые русскіе христіане, эскизъ. —У г. Шустова, въ Москвѣ.
198. Тоже, картина.—Въ СПб. Общ. Поощр. Худож. (продается).

1881.

199. Никита Пустосвятъ (споръ раскольниковъ съ православными о догматахъ вѣры, при царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, — пис. на основаніи разсказовъ Карновича: «На высотѣ и на долѣ»), эскизъ.— У г. Сорокоумовскаго, въ Москвѣ.
*200. Тоже, картина.—У П. М. Третьякова, въ Москвѣ.

Снимки: а) фототип. при «Худож. Журн.» 1882, въ видѣ преміи.—б) грав. на дер. *И. Хелмицкій*,—во «Всемірной Иллюстр.» 1883, № 740, стр. 244—245.

201. Портретъ Н. В. Медынцева. — У Н. В. Медынцева, въ Москвѣ.
202. Портретъ Государя Императора Александра III, по грудь.—Во Владимірской Земск. Управѣ.
203. Тоже.—Въ Моск. Учил. Живоп. и Ваянія.
204. Тоже.
205. Тоже, въ ростъ.
} Въ СПб. Общ. Поощр. Худ. (продаются).

Б. Рисунки карандашемъ и перомъ и акварели:

1861.

1. Ограбленные въ заутреню на Пасху. — У В. В. Перова, въ Москвѣ.
2. Проповѣдь въ селѣ. — У П. Н. Петрова, въ Петербургѣ.

№№ 12, 14, 16, 18—21, 26, 29, 30, 36—39, 41, 42, 44—46, 51—53, 62, 63, 65, 66, 71—73, 75, 78, 80, 86, 87, 94—97, 104, 106—111, 115, 117, 119—121, 124, 129, 131—137, 139, 140, 151 —153, 157—160, 165, 169, 170, 172, 174—176, 178, 183, 184, 187—190, 192—196, 198, 201, 204, 205, наход. на посмерт. выставкахъ произведеній Перова въ Москвѣ, въ нояб. и дек. 1882 г., и въ Петербургѣ, въ янв. и февр. 1883 г.; №№ 25, 34, 54—56, 58, 82, 88, 103, 114, 118, 122, 123, 138, 144, 154, 155, 168, 197, 199—только въ Москвѣ, а №№ 27—30, 49, 57, 66, 81, 83, 89, 90, 92, 93, 116, 130, 139, 150, 163, 164, 173, 177, 179—182, 191, 200—201 только въ Петербургѣ.

3. Сельскій крестный ходъ (иное, чѣмъ картина).—У К. Т. Солдатенкова, въ Москвѣ.

1862.

4. Чаепитіе въ Мытищахъ.—У бар. А. Г. Криденера.
5. Извощикъ.—У А. И. Сомова, въ Петербургѣ.

Снимокъ: «Спящій дворникъ» (?), собств. литогр. художника, съ его двойною подписью, безъ обознач. года,—у сен. Е. Е. Рейтерна, въ собраніи котораго наход. и другіе указанные здѣсь снимки.

1863.

6. Внутренность балагана во время представленія въ Парижѣ, картонъ и два рисунка (разныя композиціи). — У В. В. Перова.
7. Продавецъ пѣсенниковъ, картонъ. — Неизвѣстно гдѣ находится.
8. Похороны въ бѣдномъ кварталѣ Парижа.—9. Нищіе на Итальянскомъ бульварѣ.—10. Мелкій торгашъ.—11. Лгунъ.—Неизвѣстно гдѣ находятся.

12—13. Учитель рисованія, три рисунка.—Два у В. В. Перова, въ Москвѣ, одинъ у Д. И. Менделѣева, въ Петербургѣ.

14. Французскій солдатъ.—У Л. С. Медвѣдева, въ Москвѣ.
15. Француженка.—16. Жонглерка. — 17. Паяцъ. — 18. Праздникъ въ окрестностяхъ Парижа, картонъ. — 19. Уличные музыканты въ Парижѣ.—20. Сцена на рынкѣ въ Парижѣ. — 21. Политики. — 22. Податель письма.—23. Больное дитя. — Всѣ 9 у В. В. Перова, въ Москвѣ.

1864.

24—25. Погребеніе Гоголя его героями, два рисунка. — Одинъ у П. М. Третьякова, другой у В. В. Перова, въ Москвѣ.

26—27. Мужская и двѣ женскихъ фигуры изъ картины «Дворникъ». — У В. В. Перова.

1865.

28. Лакей изъ картины «Трапеза».— 29. Проводы покойника (иное, чѣмъ картина). — 30. Очередная у бассейна. — 31. Гитаристъ бобыль.—Всѣ 4 у В. В. Перова.

1866.

32. Ученики-мастеровые или Тройка.—33. Пріѣздъ гувернантки въ купеческій домъ. — 34. Чистый понедѣльникъ. — Всѣ 3 у В. В. Перова.
35. Съ квартиры на квартиру. — 36. Птицеловъ (иное, чѣмъ картина). — 37. Въ ссудной кассѣ (иное, чѣмъ картина). — Неизвѣстно гдѣ находятся.

Снимки: литогр.—въ изд. «Альбомъ видовъ и сценъ изъ русской жизни. Автографы моск. художниковъ». М. 1867, въ л.

1868.

38. Дворникъ-самоучка. — 39. «Сударыня, пожалуйте». — 40. Толкучій рынокъ въ Москвѣ, двѣ сцены.—41. Дѣлежъ наслѣдства въ монастырѣ. — Всѣ 4 у В. В. Перова.

1869.

42. Фигуры изъ «Тараса Бульбы» Гоголя.—43. Пріѣздъ институтки къ слѣпому отцу.—44. Дѣти передъ портретомъ матери.—45. Семейная размолвка.—46. «Рюмочку, опохмѣлиться!»—47. Въ кабачкѣ, 2 рис.—48. Въ гостяхъ.—49. Пѣвица.—50. Репетиція трагедіи.— 51. Травля на медвѣдя (бывавш. за Крестовой заставой въ Москвѣ). — 52. Свиданье (будочникъ съ кухаркой), 2 рис.—53. Съ квартиры на квартиру, аквар. — 54. Старушка подъ зонтикомъ.—55 Нищіе на церковной паперти. — 56. Осень.—57. Бродъ.—58. Нищій, 2 рис.—59. Спящія дѣти.— Всѣ у В. В. Перова.

1870.

60. Выходъ изъ церкви.—61. Нищіе въ дорогѣ.—62. Путешественники на большой дорогѣ.—63. Вечеръ въ великую субботу.—64. Въ Ножевой линіи въ Москвѣ.— 65. Наканунѣ дѣвичника. — 66. Чтеніе письма дьячкомъ. — 67. У кельи схимника (принесеніе больныхъ).—Всѣ 8 у В. В. Перова.

1872.

68. Танцы у шинка въ Малороссіи.—69. Въ шинкѣ (еврей и хохолъ).—70. Выгрузка извести на Днѣпрѣ.—71. Юродивая, окруженная странницами: три композиціи.—Всѣ у В. В. Перова.

1873.

72. Нищія въ дорогѣ.—73. Путникъ.—74. Мать съ больнымъ ребенкомъ, двѣ сцены.—75. Новобрачные.—76. Молодой человѣкъ въ креслѣ.—77. Отпѣтый.—78. Татары.—79. Пугачевцы, четыре композиціи.—80. Умирающій крестьянинъ благословляетъ дѣтей своихъ.—Всѣ у В. В. Перова.

1874.

81. На могилѣ сына, двѣ сцены.—У В. В. Перова.

1875.

82. Пріѣздъ сына.—83. Отшельники въ пещерѣ.—84. Быть или не быть? три сцены.—85. Охотникъ на лыжахъ.—86. Юродивый, 2 рис.—Всѣ у В. В. Перова.

87. Тетушка Марья, къ собственному разсказу художника.—У Д. И. Менделѣева, въ Петербургѣ.

Снимокъ: грав. на дер.—въ «Пчелѣ» 1875, № 11, стр. 131.

1876.

88. У св. колодца (погруженіе больнаго ребенка въ св. воду).—89. Сумасшедшій.—Оба у В. В. Перова.

1877.

90. Землепашцы.—У В. В. Перова.

1878.

91. Өедотъ и Арина, изъ собств. разсказа «Медовый праздникъ».—92. Поволжскіе хищники, четыре композиціи.—93. Распятіе.—94. Снятіе со креста, 2 рис.—95. Голова Божіей Матери, оттуда же.—96. Марія Магдалина и Матерь Божія у гроба Господня.—97. Христосъ въ Геөсиманскомъ саду.—98. Христосъ и грѣшница, 2 рис.—99. Воскрешеніе отрока.—100. Голова Іоанна Крестителя.—Всѣ у В. В. Перова.

1879.

101. Хлысты на бдѣніи, 2 рис.—102. Экзаменъ.—103. Передъ грозой или Наушница, двѣ композиціи.—104. Художникъ, рисующій съ мертвой.—105. Странница въ полѣ.—106. Охота на овсахъ, три композиціи.—107. Охота на медвѣдя зимою.—108. Рыбная ловля острогою.—109. Съ вокзала.—110. Передъ церковью.—111. Бросающаяся въ воду.—112. По́ воду (крестьянка съ ведрами).—113. Приближеніе весны.—114. Иванъ Царевичъ и сѣрый волкъ, двѣ композиціи.—115. Осада Пскова.—116 и 117. Пименъ и Григорій, двѣ головы и композиція.—118 и 119. Пугачевъ, въ ростъ и двѣ головы.—120. Лежащая фигура изъ «Пугачевцевъ».—121. Пугачевцы, творящіе судъ.—122. Пугачевцы, ведущіе плѣнныхъ.—123. Пугачевцы, скачущіе на коняхъ [1]).—Всѣ у В. В. Перова.

1880.

124—125. Никита Пустосвятъ, 5 рисунковъ.—126. Головы оттуда же, 2 листа.—127. Өеодосій Печерскій.—128. Ярославна.—129. Весна, двѣ композиціи.—130. Возвращеніе съ похоронъ.—131. Современность, идиллія. Семейный портретъ.—132. Сцена въ вагонѣ (другая композиція «Бесѣды студентовъ съ монахомъ»), 2 рис.—133. Просители.—134. Голова слѣпаго.—135. Головы слѣпыхъ, 2 рис.—136. Марія Магдалина съ

---

[1]) Перовъ думалъ написать три картины изъ временъ Пугачевскаго бунта: 1) Бытъ помѣщиковъ и крестьянъ передъ самымъ появленіемъ Пугачева, 2) Народное движеніе подъ предводительствомъ Пугачева, и 3) Судъ Пугачева надъ помѣщиками (см. «Русскія Вѣдомости» 1882 г., № 152: Наблюденія и замѣтки, *Скромнаго наблюдателя*), но исполнилъ всего одну, послѣднюю,—въ разныхъ видахъ, а для второй набросалъ только упомянутые здѣсь рисунки.

Христомъ.—137. Ангелъ смерти. —138. Мученица у столба.—Всѣ у В. В. Перова (только № 125— у А. И. Балкъ, въ Москвѣ).

139—140. Печальный и радостный отецъ.—У Д. И. Менделѣева, въ Петербургѣ.

1881.

141. Русскіе колодники у татаръ, двѣ сцены.—142. Михаилъ Тверской въ Татарской ордѣ.—143. Сказка про бѣлаго бычка.—Всѣ у В. В. Перова, въ Москвѣ.

144—145. Два женскихъ этюда.—У В. В. Перова.

№№ 6, 18, 24 и 125 наход. на посмерт. выставк. произвед. Перова въ Москвѣ въ 1882 г. и въ Петербургѣ въ 1883 г., № 14—только въ Москвѣ, а №№ 1, 4, 12, 15, 16, 19—23, 26—34, 38, 40—48, 50—55, 59—65, 68, 69, 71—74, 77—79, 81—85, 88, 90—92, 95, 100—106, 108—115, 117—124, 127, 129, 131—138, 141—145 только въ Петербургѣ.

II. СПИСОКЪ ПОРТРЕТОВЪ ПЕРОВА.

1. Пис. самимъ художникомъ въ 1851 г.—Нигдѣ не былъ воспроизведенъ.
*2. Пис. самимъ художникомъ въ 1870 г. и наход. въ галереѣ П. М. Третьякова, въ Москвѣ.—Воспроизведенъ: а) въ моемъ «Иллюстрир. катал. произвед. Перова» (во 2-мъ изд., съ рис. г-жи *Версиловой*).—б) въ «Нови» 1885 г., т. III, № 9, стр. 54, при статьѣ «Наши живописцы историческіе и бытовые», г. Булгакова (цинкогр. съ того же рис. изъ моего катал., вмѣстѣ съ уменьшенными копіями съ 4-хъ рис. г-жи Собко, оттуда же,—на стр. 55 и 58).
3. Пис. И. Н. Крамскимъ въ 1881 г.—Воспроизвед. въ моемъ катал. (въ 1-мъ изд., съ рис. *Крамского*).
4. Пис. Н. Е. Рачковымъ (Перовъ изображ. въ его мастерской).—Нигдѣ не былъ воспроизведенъ.
5. Фотографиров. Дьяговченко. въ 1878 г.—Воспроизведенъ фотогіалотипіей, исполн. въ Экспед. Загот. Госуд. Бум.,—въ «Вѣстн. Изящн. Искус.» 1883 г. (вып. I).
6. Фотограф. Шереромъ и Набгольцомъ, весной 1881 г.—Воспроизведенъ: а) фототипіей въ «Худ. Журн.» 1881 г. (№ 10).—б) въ грав. на деревѣ—въ Газетѣ Гатцука 1882 г. (№ 23, стр. 409).—в) автотипіей, въ обратн. стор.,—въ «Нови» 1885 г., т. II, № 8, стр. 621, при статьѣ «Наши художники-портретисты», г. Булгакова.
7. Тоже (въ иномъ видѣ).—Воспроизведенъ въ грав. на дер.: а) *Н. Хелмицкаго* во «Всем. Иллюстр.» 1882 г., т. II (№ 1, стр. 9), и въ «Огонькѣ» 1882 г. (№ 28, стр. 561).—б) *Ю. Барановскаго*—въ «Нивѣ» 1882 г. (№ 29, стр. 673).

III. СПИСОКЪ ПЕЧАТНЫХЪ МАТЕРІАЛОВЪ О ПЕРОВѢ [1]).

А. Оффиціальныя свѣдѣнія.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. СПб. Академіи Художествъ. Изд. подъ ред. *Н. П. Петрова*. СПб. 1866, ч. III, стр. 276, 306, 351, 356, 365, 383 (о программахъ на сер. и зол. медали).—**Отчеты** Имп. Акад. Худож. за года: 1862—63, стр. 88; 1863—64, 82; 1864—65, 83; 1865—66, 75; 1867—68, 56; 1868—69, 82; 1869—70, 63; 1873—74, 43; 1879—80, 39 (извлеченія изъ донесеній Перова въ Академію).—**Указатели** Акад. выставокъ: 1858 г., № 147; 1860 г., VIII, 21—22; 1861, V, 45; 1862, VII, 28: 1867, I, 84—87; 1868, 16—17, 130, 144; 1869, 98—101; 1870, 284—286, 337—338.—**Указатели** передвижн. выставокъ: 1871 г., №№ 1, 21, 36, 37, 39; 1872, 1, 15, 21, 23, 25, 27, 29; 1874, 8, 21, 35; 1875, 45, 48, 49, 55, 61, 79 (перепечатаны въ прилож. къ моему «Иллюстрир. катал. XVII-й передв. выставки» 1889 г.).—**Отчеты** Моск. Общ. Любит. Худож. за года: 1866—71 (о картинахъ Пе-

---

[1]) Въ помѣщаемомъ здѣсь спискѣ приведены лишь тѣ изъ отзывовъ о Перовѣ и его произведеніяхъ, которые имѣютъ хоть какое-либо значеніе для его біографіи или характеристики, въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ; но, кромѣ указанныхъ тутъ статей, найдется еще не мало разныхъ мелкихъ замѣтокъ объ его картинахъ и извѣстій объ его смерти.

рова, бывавшихъ на выставкахъ Общества, и о спец. выставкѣ его произведенiй въ январѣ 1871 г.). — **Каталогъ** картинамъ, этюдамъ и рисункамъ покойнаго профессора В. Г. Перова, М. 1882, 8°, 4 стр., и **Каталогъ** картинамъ, портретамъ, этюдамъ, эскизамъ и рисункамъ покойнаго В. Г. Перова, М. 1882, 8°, 6 стр. (каталоги Моск. выставки произведенiй Перова).

Б. Журнальныя замѣтки о картинахъ Перова

(въ отчетахъ о выставкахъ и отдѣльно).

1858.

Русск. Вѣстн., январь, кн. 2, соврем. лѣтоп., стр. 129—130, въ статьѣ *А. А. Авдѣева.* — **Моск. Вѣдом.**, литер. отд., 4 февр., № 15, стр. 63, въ статьѣ *Художника*, т. е. *Рамазанова.* — **Школа Рисов.**, № 4, стр. 14. — **Сынъ Отеч.**, 25 мая, № 21, стр. 609, въ статьѣ *Т—на*, т. е. *Толбина.* — **Отеч. Зап.**, № 5, соврем. хрон., стр. 27—28, въ письмѣ, подпис.: *Одинъ изъ публики.* — **Современн.**, № 5, Замѣтки *Новаго поэта*, стр. 87. — **Свѣтопись**, № 5, стр. 133. — **Музык. и Театр. Вѣстн.**, № 18, стр. 212, въ статьѣ *А. Н. Сѣрова.*

1860.

Наше Время, 15 мая, № 18, стр. 288, въ статьѣ *А. Андреева.* — **Моск. Вѣдом.**, 20 мая, № 110, стр. 868, въ статьѣ *И. М—ва*, и 22 сент., № 205, стр. 1625, въ статьѣ *Арк. Эвальда.* — **С.-Петерб. Вѣдом.**, 18 сент., № 202, стр. 1058. — **Сѣверн. Пчела**, 24 сент., № 212, стр. 867—868, въ статьѣ *В. Т.*, т. е. *Толбина.* — **Русск. Мiръ**, 28 сент., № 75, стр. 172, въ статьѣ *М.* — **Семейн. Кругъ**, 29 сент., № 39, стр. 312, въ статьѣ *А. Пластова.* — **Свѣточъ**, кн. VIII, отд. II, стр. 23—32, статья *А. Милюкова.* — **Искусство**, сентябрь, № 1, стр. 27—28. — **Современн.**, № 10, отд. III, стр. 372—373, въ статьѣ *П. Ковалевскаго.* — **Русск. Слово**, № 11, смѣсь, стр. 68—69, въ статьѣ *Я. Полонскаго.* — **Русск. Худож. Лист.**, 20 дек., № 36, стр. 153, въ статьѣ *В. Т.*, т. е. *Толбина.*

1861.

Русск. Слово, № 10, отд. II, смѣсь, стр. 12, въ статьѣ *Д. М—а.* — **Время**, № 10, отд. II, критич. обозр., стр. 165—166.

1862.

Соврем. Слово, 10 окт., № 105, стр. 422. — **Время**, № 10, отд. II, современн. обозр., стр. 83—84, въ статьѣ *П. Ковалевскаго.* — **Соврем. Лѣтоп. «Русс. Вѣстн»**., ноябрь, № 44, стр. 27, и декабрь, № 49, стр. 28, въ статьяхъ *Художника*, т. е. *Микѣшина.*

1865.

Голосъ, 1 дек., № 332, въ отчетѣ о конкурсѣ Общ. Поощр. Худож.

1866.

Соврем. Лѣтоп., 6 марта, № 6, стр. 8—9, и 13 ноября, № 38, стр. 13, въ статьяхъ *Н. Рамазанова.*

1867.

С.-Петерб. Вѣдом., 21 нояб., № 322, въ статьѣ *В. С.*, т. е. *Стасова.*

1868.

С.-Петерб. Вѣдом., 28 сент., № 265, въ статьѣ *И. Иванова.*

1869.

С.-Петерб. Вѣдом., 9 окт., № 278, въ статьѣ *Кистина*, т. е. *Сомова.* — **Отеч. Зап.**, № 10, отд. II, стр. 300—301, въ статьѣ *П. К.*, т. е. *Ковалевскаго.*

1870.

Всем. Иллюстр., № 96, стр. 743 и 746, статья *С.* къ грав. «Птицеловъ». — **С. Петерб. Вѣдом.**, 31 окт., № 300, въ статьѣ *В. С.*, т. е. *Стасова.* — **Вѣстн. Европы**, № 11, стр. 364—365, въ статьѣ *П. М. Ковалевскаго.*

1871.

Бирж. Вѣдом., 5 дек., № 331, въ статьѣ *Стараго знакомаго*, т.-е. *Александрова.* — **С.-Петерб. Вѣдом.**, 8 дек., № 338, въ ст. *В. С.*, т.-е. *Стасова.* — **Всем. Иллюстр.**, 11 дек., № 154, стр. 378. — **Нива**, 20 дек., № 51, стр. 819, въ фельет. — **Отеч. Зап.**, дек., стр. 276, въ статьѣ *М. М.*, т.-е. *Салтыкова-Щедрина.* — **Дѣло**, дек., стр. 106, въ статьѣ *Художника-любителя.*

1872.

Русс. Вѣдом., 30 апр., № 93, въ статьѣ *Скромнаго наблюдателя*, т.-е. *Лу-*

кина.—**Моск. Вѣдом.**, 2 іюня, № 137.—**Русс. Вѣстн.**, № 6, стр. 787, въ статьѣ *Матушинскаго.*—**Бесѣда**, № 12, стр. 23 и 31, въ статьѣ *Г. Урусова.* — **Кіевлян.**, 3 окт., № 118, въ статьѣ *Н. Мокіевскаго-Зубка*, и 7 окт., № 120, въ статьѣ *Елены П—ской.*

1873.

Бирж. Вѣдом., 6 янв., № 4, въ статьѣ *П—ва.*—**Голосъ**, 12 янв., № 12.—**Всем. Иллюстр.**, 13 янв., № 211, стр. 50 —**С.-Петерб. Вѣдом.**, 23 янв., № 23, въ статьѣ *N*, т.-е. *Сомова.*—**Нива**, 5 февр., № 5, стр. 79.—**Отеч. Зап.**, февр., стр. 93—94, въ статьѣ *П. К.*—**Петерб. Лист.**, 15 мар., № 53.—**Рижск. Вѣстн.**, 31 мар., № 73.—**Виленск. Вѣстн.**, 3 мая, № 94.—**Бессараб. Областн. Вѣдом.**, 13 окт., № 81.—**Кіевлян.**, 1 дек., № 143, въ статьѣ *Ив. А—ва.*

1874.

Бирж. Вѣдом., 12 март., № 68, въ статьѣ *П—ва.*—**Голосъ**, 16 марта, № 75, въ фельетонѣ.—**Нов. Время**, 16 марта, № 72, въ статьѣ *А. О—на.*—**Соврем. Извѣст.**, 9 мая, № 104, въ статьѣ *Толоконникова.*—**Моск. Вѣдом.**, 4 іюня, № 139, въ статьѣ *П—ннаго.*

1875.

Петерб. Лист., 4 мар., № 34. — **Нов. Время**, 11 марта, № 57, въ статьѣ *П—ва.*—**Пчела**, 16 марта, № 10, стр. 124.—**Русс. Міръ**, 17 мар., № 73. — **Голосъ**, 25 мар., № 84.—**Соврем. Извѣст.**, 26 апр., № 112, въ статьѣ *Н. К—ва.*—**С.-Петерб. Вѣдом.**, 28 мар., № 85.—**Всем. Иллюстр.**, № 335, стр. 431; № 340, стр. 30; № 346, стр. 146; № 351, стр. 225, статьи *Б.* и *Ж.* къ грав.: «Ботаникъ», «Пластуны», «Голубятникъ», «Божьи дѣти».

1877.

Всем. Иллюстр., № 443, стр. 127 и 129, статья *Е. Ж.* къ грав. «Блаженный».

1878.

С.-Петерб. Вѣдом., 19 февр., № 50, въ ст. *А. З. Л.*, т.-е. *Ледакова* (о трехъ картинахъ: «Охотники», «Рыболовъ» и «Птицеловъ»).—**Пчела**, 19 мар., № 12, стр. 190—191, въ статьѣ *Профана*, т.-е. *Прахова* (характеристика Перова).

1879.

Голосъ, 30 окт., № 300, въ фельетонѣ (о мастерской Перова и о предполагавшейся выставкѣ его картинъ).

1880.

Голосъ, 15 апр., № 106, въ фельетонѣ (о двухъ картинахъ: «Первые русскіе монахи» и «Споръ раскольниковъ съ никоніанами о догматахъ вѣры», и о предполагавшейся выставкѣ новыхъ произведеній Перова).

В. Некрологи и біографіи.

1882.

Нов. Время, 30 мая, № 2244, стр. 1 (характеристика Перова, съ обвиненіемъ его въ тенденціозности); извлеч. въ газетѣ «Эхо», 1 іюня, № 116, стр. 4.—**Голосъ**, 3 іюня, № 147. Фельетонъ: В. Г. Перовъ, *С.*, т.-е. *Собко* и *Стасова* (краткая біографія); извлеч. въ «Газетѣ А. Гатцука», № 23, стр. 409. — **Русск. Вѣдом.**, 6 іюня, № 152. Фельетонъ: Наблюденія и замѣтки, *Скромнаго наблюдателя*, т.-е. *Лукина* (воспомин. о Перовѣ). — **Голосъ**, 8 іюня, № 152. Фельетонъ: Моск. замѣтки (Перовъ какъ писатель; похороны его; предположеніе устроить выставку его работъ).—**Худож. Журналъ**, іюнь, т. III, стр. 369 — 371 (некрологъ) и 374 (смерть Перова и его похороны). — **Всем. Иллюстрація**, 26 іюня, т. II, № 1, стр. 10 — 11, и № 2, стр. 23 — 26: В. Г. Перовъ (краткая біографія, главн. образ. на основаніи статьи въ «Голосѣ»).—**Огонекъ**, т. VII, 3 февр., № 6, стр. 128, и т. VIII, 7 іюля, № 28, стр. 564: Живопись и живописцы. Профессоръ В. Г. Перовъ, *Дилетанта.* (тоже).—**Нива**, 17 іюля, № 29, стр. 673 (некрологъ).

С.-Петерб. Вѣдом., 30 окт. и 1 и 13 нояб., №№ 294, 296 и 308. Фельетонъ: Памяти В. Г. Перова; изъ моихъ воспоминаній,—съ подп.: *Художн. А. З. Лед...ъ* (анектодическіе разсказы изъ жизни Перова, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ фактическихъ данныхъ, заимствов. изъ «Голоса»).—**Худож. Журналъ**, ноябрь, т. IV, стр. 279 — 292: В. Г. Перовъ, *Н. Александрова* (разсказъ о юношеской жизни Перова на

основанiи свѣдѣнiй, сообщ. его родными, съ прибавленiемъ выписокъ изъ «С.-Петерб. Вѣдом.»). — **Русск. Курьеръ**, 19 нояб., № 319. Фельетонъ: Очеркъ дѣятельности проф. живоп. В. Г. Перова по смертной выставкѣ его произведенiй, *Александра Черенова* (довольно поверхностный). — **Русс. Вѣдом.**, 5 дек., № 333. Фельетонъ: В. Г. Перовъ (критико-бiограф. этюдъ), *В. Ipд.*— **Вѣстн. Изящн. Искуствъ.**, 1883, вып. I, стр. 129—182, и вып. II, стр. 306—325: Вас. Григ. Перовъ, его жизнь и произведенiя, *Н. П. Собко* (подробная монографiя о Перовѣ, на основанiи воспоминанiй его родныхъ и друзей, архивныхъ документовъ и печатныхъ источниковъ, и списки: произведенiй художника, снимковъ съ нихъ, его портретовъ и статей о немъ); извлеч. изъ этой статьи на нѣмецк. языкѣ—въ «St.-Petesburger Kalender für das Jahr 1884», Theil II, S. 32—78: Professor W. G. Perov, von *C. J.*, т.-е. *Hasselblatt*; отзывы объ этой статьѣ—въ «Нов. Врем.» 1883 г., № 2461, ст. *Ѳ. Б.*, т.-е. *Булгакова*, въ «National-Zeitung» 1884, № 21. Фельетонъ: Kunstgeschichtliches aus Russland, von *C. Dobbert*, въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1886, № 7, стр. 168, ст. *В. Шелашникова*, и др. — **Magazine of Art** 1886, june, p. 315 — 319: Basil Peroff, by N. Sobko.

Каталоги, Иллюстрированный и **Подробный**, посмертной выставки произведенiй В. Г. Перова. Составилъ и издалъ *Н. П. Собко*. СПб. 1882 и 1883 г.,—два изданiя перваго [1]) и три втораго (краткая бiографiя и списокъ работъ Перова); отзывъ о 1-мъ изъ этихъ каталоговъ: въ «Минутѣ», 19 дек. 1882 г., № 318, *И. Б—ва* (оч. враждебный).

Г. Статьи о Перовской выставкѣ въ Москвѣ и Петербургѣ.

1882.

Худож. Журналъ, ноябрь, стр. 293—295: О картинѣ «Никита Пустосвятъ», *Н. Лѣскова*; о той же картинѣ говорится не разъ въ статьяхъ о Моск. всероссiйской выставкѣ 1882 г., появлявшихся въ разныхъ перiод. изданiяхъ, какъ, напр.: въ «Русск. Вѣдом.», 30 мая, № 145; «Journ. de St.-Pbg.», 1 iюня, № 173, и мн. др.

Вѣстн. Европы, № 12, стр. 638—645, въ статьѣ *В. Стасова*: «25 лѣтъ русск. искусства» (критическiй очеркъ дѣятельности Перова).

Русск. Вѣдом., 14 нояб., № 312. Фельетонъ: Наблюденiя и замѣтки, *Скромнаго наблюдателя*, т. е. *Лукина* (главн. образ. о «Пугачевцахъ» и «Трапезѣ» и о равнодушiи моск. публики къ Перовской выставкѣ). — **Голосъ**, 16 нояб., № 312. Фельетонъ: Моск. замѣтки (довольво обстоятельный отчетъ о выставкѣ, съ нападками на небрежное устройство ея).—**Моск. Вѣдом.**, 2 дек., № 334: Выставка картинъ В. Г. Перова, ⁂ (хронологiя главнѣйшихъ произведенiй Перова), и тамъ же, 10 и 15 дек., №№ 342 и 347,—двѣ другiя статьи подъ тѣмъ же заглавiемъ и того же автора (критическiй очеркъ дѣятельности Перова, очень любопытный); извлеч. изъ 1-й статьи—въ «Journal de St.-Pbg», 8 дек., № 328.

1883.

Худож. Новости, 1 янв., № 1, стр. 11: Перовская выставка въ Москвѣ, *S.* (статистическiй отчетъ о выставкѣ и слѣдовавшемъ за ней аукцiонѣ).—**Нов. Время**, 6 янв., № 2463, стр. 1: Письма къ другу, *Незнакомца* (сочувственный отзывъ о Петерб. выставкѣ и иллюстриров. каталогѣ и отчетъ о двухъ истор. картинахъ Перова: «Никита Пустосвятъ» и «Пугачевцы»). — **Моск. Газета**, 7 янв., № 5. Фельетонъ: Картины Перова (по поводу моего «Иллюстрир. каталога»). — **Искусство**, 9 янв., № 2: В. Г. Перовъ (характеристика его, не вполнѣ удачная). — **Всем. Иллюстрацiя**, 15 января, № 3, стр. 59: Краткiй отчетъ о выставкѣ. — **Худож. Новости**, 15 янв., № 2, стр. 43: Выставка Перова, ст. *S.* и *А. С.* (параллель между Моск. и Петерб. выставками его произведенiй и характеристика его самого). — **Новости** (газета), 15 и 16 янв., № 13 и 14: Посмертная выставка произведенiй В. Г. Перова, *В. Б.* (довольно обстоятельный отчетъ о выставкѣ, съ несправедливыми, впрочемъ,

[1]) Первое изданiе «Иллюстрир. каталога» было напеч. въ двухъ видахъ—для Моск. и Петерб. выставокъ произведенiй Перова.

нападками на устройство ея).—**Journal de St-Pbg.**, 21 янв., № 19, Фельетонъ: Exposition posthume des œuvres de Pérow, par *Jean Fleury* (біографія художника, на основаніи моей статьи въ «Вѣстникѣ Изящныхъ Искусствъ», и подробный отчетъ о выставкѣ, съ нѣкоторыми, правда, неточностями). — **Голосъ**, 23 янв., № 23. Фельетонъ: Петерб. замѣтки (главн. образ. о разныхъ композиціяхъ «Пугачевцевъ»), и 24 янв., № 24. Фельетонъ: О выставкѣ произведеній В. Г. Перова, *Эма*, т. е. *Матушинскаго* (подробный отчетъ). — **Худож. Журналъ**, январь, стр. 61—65. Выставка и аукціонъ картинъ Перова, *Н. Александрова* (оправданіе небрежнаго устройства Моск. выставки произвед. Перова, нападки на устройство Петерб. выставки и выписки изъ статьи *Незнакомца* въ «Нов. Времени»). — **Живоп. Обозр.**, 5 февр., № 6, стр. 93—94: По поводу выставки произведеній В. Г. Перова, *Маленькаго художника* (на основаніи статьи *А. С.* въ «Худож. Новостяхъ»).—**Новости** (газета), 6 февр., № 34. Фельетонъ: Вчера и Сегодня (главн. образ. о «Пугачевцахъ» и «Никитѣ Пустосвятѣ»). — **Худож. Новости**, 15 марта, № 6, стр. 209: Статистика Моск. и Петерб. выставокъ произведеній Перова, *S*.—**Всем. Иллюстр.**, 19 марта, № 12, стр. 242—243: «Никита Пустосвятъ», картина Перова, *П. П—ва*, т. е. *Петрова*. - **Русск. Старина**, май, стр. 433—458: Перовъ и Мусоргскій, *В. Стасова* (черты сходства у народн. живописца съ народнымъ музыкантомъ).—**Нов. Время**, 16 іюня, № 2620. Фельетонъ: О художественной дѣятельности В. Г. Перова, *К. Быковскаго* (любопытная характеристика).

СПИСОКЪ ФОТОТИПІЙ,

НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ ИЗДАНІИ.

Портреты В. Г. Перова:

1. Писанный имъ самимъ въ 1870 г.
2 а. Снятый фотографомъ Дьяговченко въ 1878 г.
2 б. Снятый фотографами Шереромъ и Набгольцомъ, весною 1881 г.

Снимки съ его картинъ:

3. **1857.** Судъ становаго.
4. **1860.** Первый чинъ (сынъ дьячка).
5. **1861.** Сельскій крестный ходъ.
6. » Проповѣдь въ селѣ.
7. **1862.** Чаепитіе въ Мытищахъ.
8. » Художникъ-любитель.
9. **1863.** Савояръ.
10. » Шарманщикъ.
11. **1864.** Дворникъ.
12. **1865.** Гитаристъ.
13. » Проводы покойника.
14. » Очередная у бассейна.
15. **1866.** Пріѣздъ гувернантки въ купеческій домъ.
16. » Трапеза (перепис. въ 1875 г.).
17. » Чистый понедѣльникъ.
18. » Ученики - мастеровые (или Тройка).
19. **1867.** Утопленница, эскизъ.
20. » Тоже, картина.
21. » Учитель рисованія.
22. **1868.** Послѣдній кабакъ у заставы.
23. » Ѳомушка-Сычъ.
24. » Дворникъ-самоучка.
25. » Сцена у желѣзной дороги.
26. **1869.** Портретъ В. В. Безсонова.
27. **1870.** Пріѣздъ институтки къ слѣпому отцу.
28. » Птицеловъ.
29. » Странникъ.
30. **(1866)** Сцена на почтовой станціи.
31. **1870.** «Къ Троицѣ!»
32. **1871** Охотники.
33. » Рыболовъ.
34. » Портретъ А. Н. Островскаго.
35. **1872.** Выгрузка извести на Днѣпрѣ.
36. » Портретъ В. И. Даля.
37. » » Ѳ. М. Достоевскаго.
38. » » М. П. Погодина.
39. » » И. С. Камынина.
40. **1873.** Отпѣтый.
41. **1874.** Старикъ. } Изъ картины «Старики родители на могилѣ сына».
42. » Старуха. }
43. » Старики родители на могилѣ сына, эскизъ.
44. » Пріемъ странника - семинариста.
45. » Пластуны подъ Севастополемъ.
46. » Голубятникъ.
47. **1875.** Блаженный (пейзажъ переписанъ въ 1879 г.).
48. **1878.** Поволжскіе разбойники.
49. » Снятіе со креста.
50. » Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду.
51. **1873.** Пугачевскій бунтъ, эскизъ.
52. **1879.** Тоже, оконченная картина.
53. **1875.** Тоже, неконченная картина.
54. **1879.** Рыбаки.
55. **1880.** Весна.
56. » Плачъ Ярославны.
57. » Возвращеніе крестьянъ съ похоронъ.
58. » Первые русскіе христіане.
59. **1881.** Никита Пустосвятъ.
60. **1879.** Охота на медвѣдя.

VASSILI PEROF

SA VIE ET SON OEUVRE

60 PHOTOTYPIES SANS RETOUCHES D'APRÈS LES TABLEAUX DU MAÎTRE

Texte par N. Sobko

Publié par D. Rovinski

au profit de la famille du peintre.

St.-PÉTERSBOURG.

Imprimerie de M. Stassulevitch.

1892.

LISTE DES PHOTOTYPIES CONTENUES DANS CE VOLUME.

Vassili Pérof, un des plus célèbres peintres russes, naquit à Tobolsk, en Sibérie, le 23 décembre 1833; il fit son éducation artistique à l'école de dessin de Stoupine à Arzamas (1847—49) et à l'école de peinture et de sculpture de Moscou (1852 — 58). En 1856 et 1858 il obtint deux médailles d'argent de l'Académie des beaux-arts de St.-Pétersbourg: l'une, pour une tête de jeune garçon peinte d'après son frère cadet Nicolas, et une autre, pour son premier tableau — «Commissaire de police rurale faisant une enquête». En 1858 et 1859 il peignit un tableau: «Sur une tombe», qu'il destinait au concours pour une médaille d'or, mais, mécontent de l'exécution de cette toile, il envoya en 1860 à l'Académie le tableau: «Un fils de sacristain essayant son premier uniforme», qui lui valut la seconde médaille d'or. L'année suivante (1861) il eut la première médaille d'or pour son tableau: «Un sermon au village», avec le droit de passer six ans à l'étranger comme pensionnaire de l'Etat.

Au commencement de 1863, Pérof se rendit à Paris, essaya de peindre quelques sujets tirés de la vie française, comme: «Un Savoyard», «Un joueur d'orgue» (1863), «Une joueuse d'orgue», «Les chiffonniers de Paris», «Mendiants sur le boulevard des Italiens», «Scène dans une rue de Paris», «Une fête aux environs de Paris», etc. (1864); mais il comprit bientôt toute la difficulté pour un artiste russe de traiter des sujets empruntés à la vie d'un peuple peu connu de lui. Il demanda alors la permission à l'Académie de revenir en Russie avant le terme fixé. De retour dans sa patrie, il s'établit à Moscou et fit de petits voyages dans le but d'étudier les mœurs populaires.

Depuis lors Pérof produisit toute une série de tableaux de genre, dramatiques ou comiques, et toute une série d'excellents portraits. En 1870 il reçut de l'Académie le titre de professeur pour les tableaux: «L'oiseleur» et «Le pélerin». La même année il prit part à l'organisation de la Société des expositions ambulantes, qui a pour but de faire connaître les œuvres d'art non seulement au public de la capitale, mais aussi aux habitants des provinces. En 1871 il fut nommé professeur à l'école de peinture et de sculpture de Moscou.

Pérof peignit encore quelques excellents portraits et plusieurs tableaux de genre, comme: «Le pêcheur à la ligne», «Halte de chasseurs», «Jeune fille revenant du bain», «Accueil fait à un pélerin-séminariste», «Les vieux parents visitant la tombe de leur fils» (1874), «Un fanatique» (1875). Mais tous ces tableaux, excepté les deux premiers et le tout dernier, n'eurent plus le succès de ses œuvres d'autrefois.

Après 1875, Pérof disparaît presque pour l'art russe, bien qu'il continue a travailler dans son atelier. Ce n'est que rarement qu'il peint alors des tableaux de genre, s'étant presqu'entièrement consacré aux sujets historiques, comme: «La révolte de Pougatchef» (1873—75—79), «Nikita Poustosviate», et des sujets religieux, comme: «La prière au jardin des Oliviers», «La descente de croix» (1878), «Les premiers chrétiens russes» (1880),—et des sujets allégoriques, mais pas avec son ancien succès.

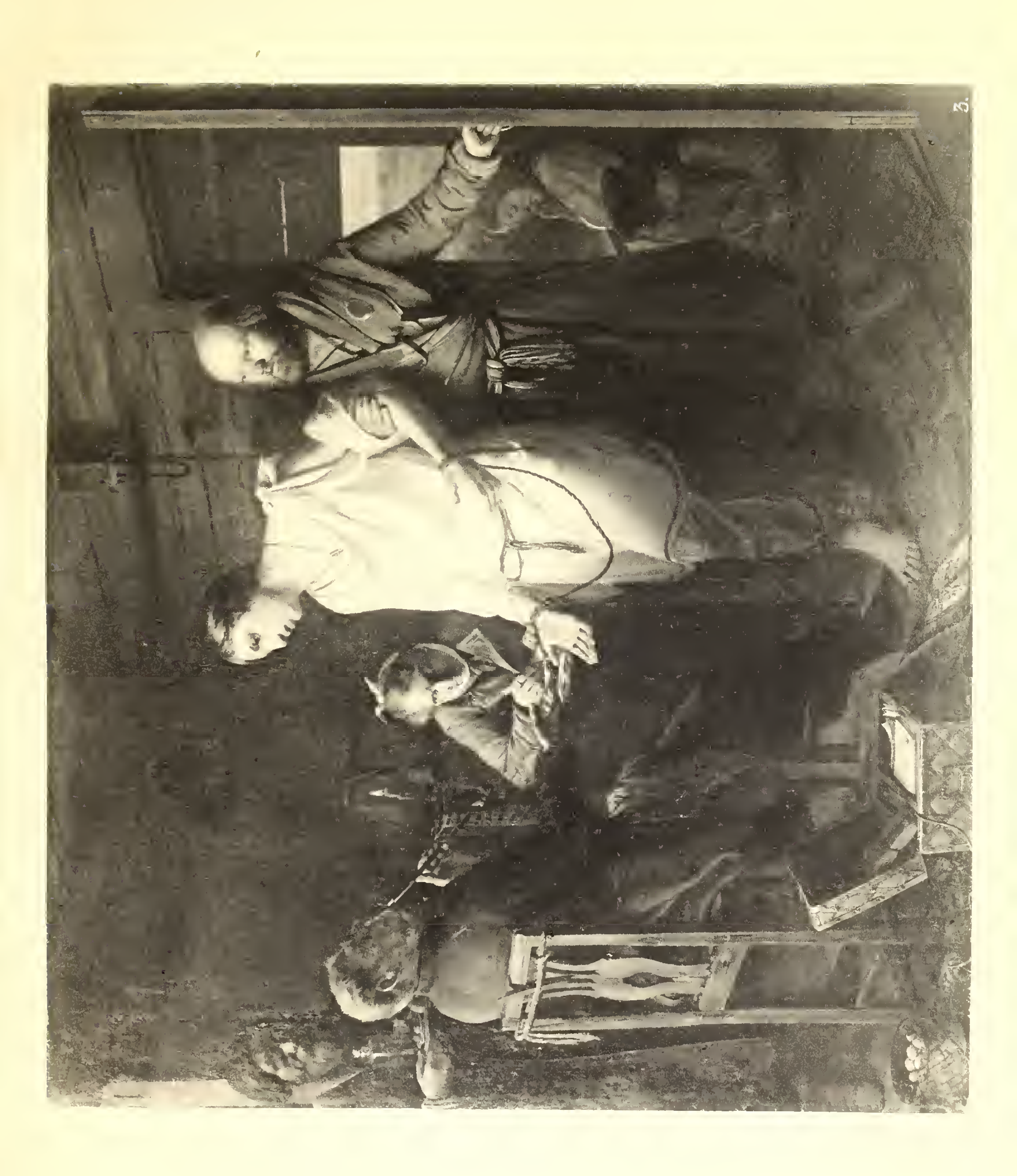
Il s'essaya aussi dans la littérature et fit imprimer quelques récits dans des publications périodiques. La maladie de poitrine se développait chez lui depuis 1874, et il en mourut le 29 mai 1882 aux environs de Moscou, en laissant plusieurs de ses grands tableaux inachevés.

1.

6.

8.

В. Перовъ
9

В. Перовъ
1863.
Парижъ

П.
1865.

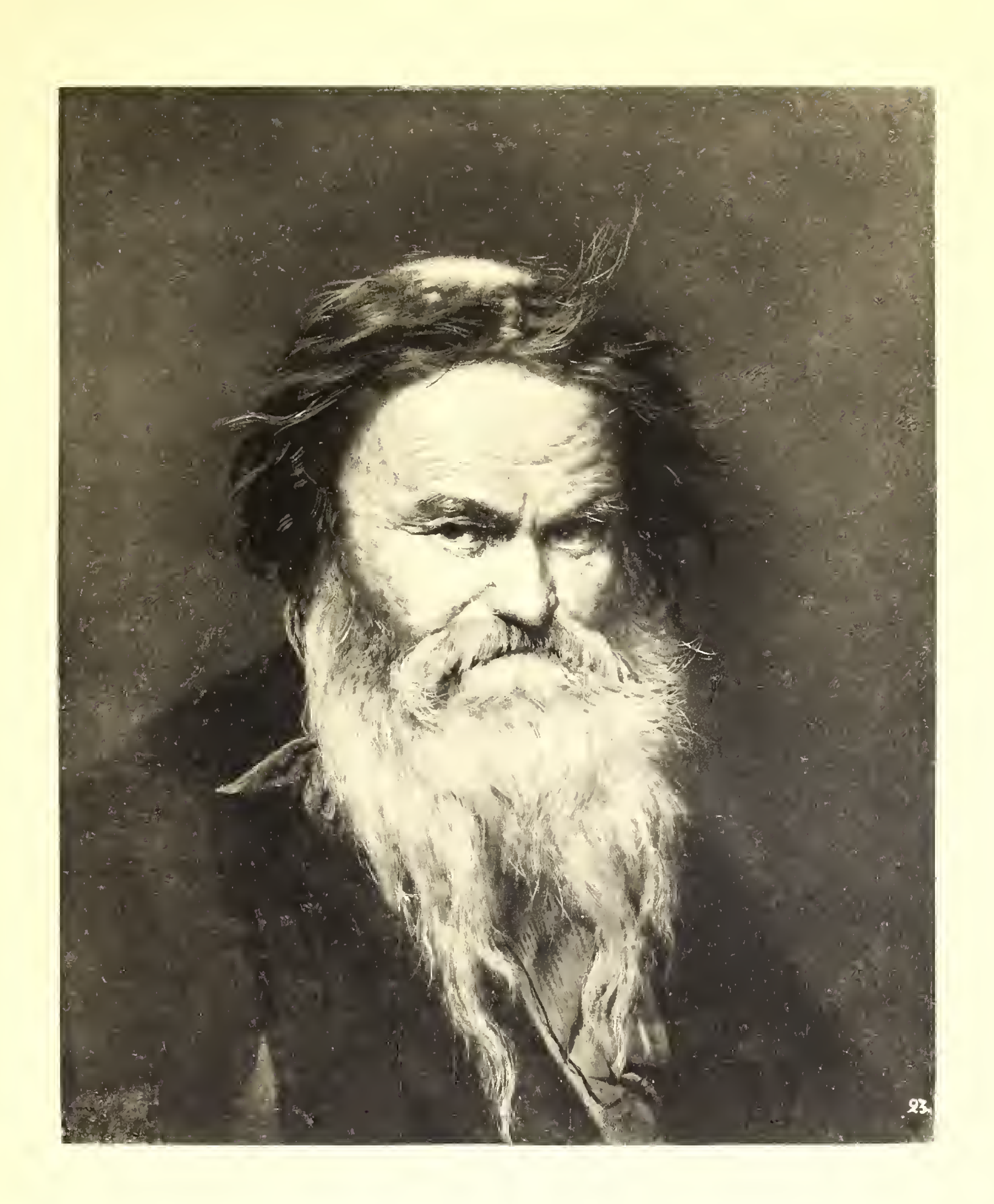

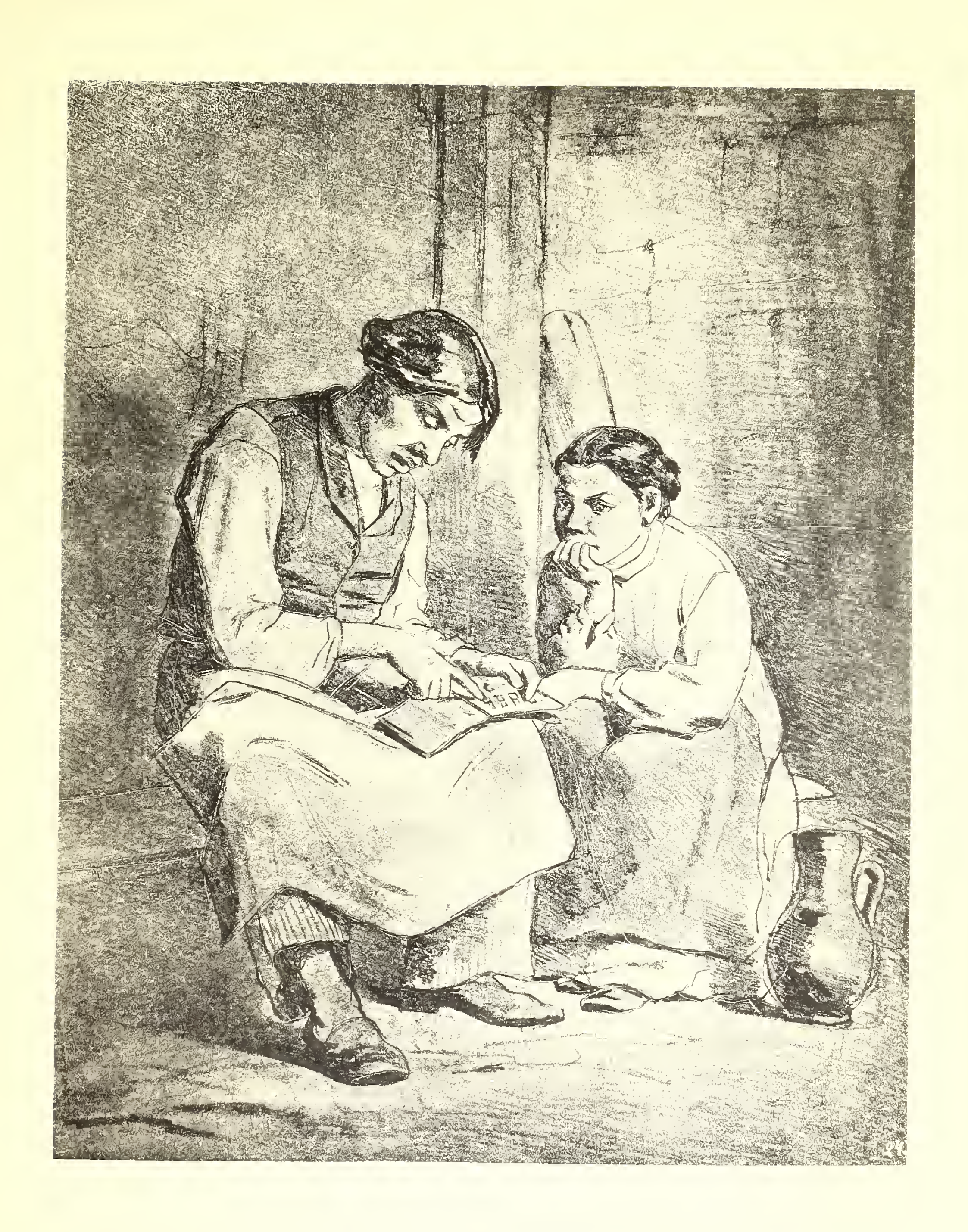

19.

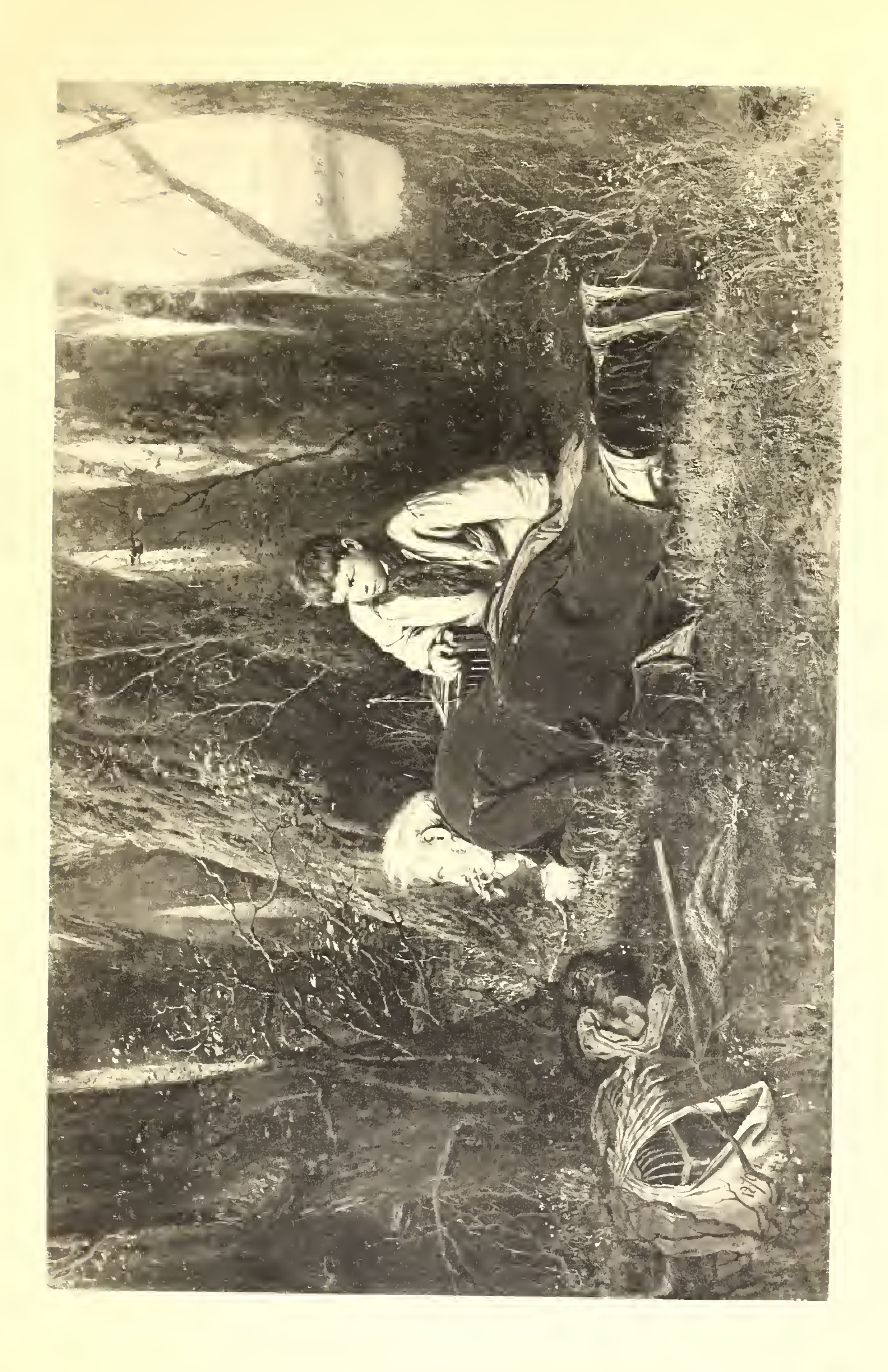

23.

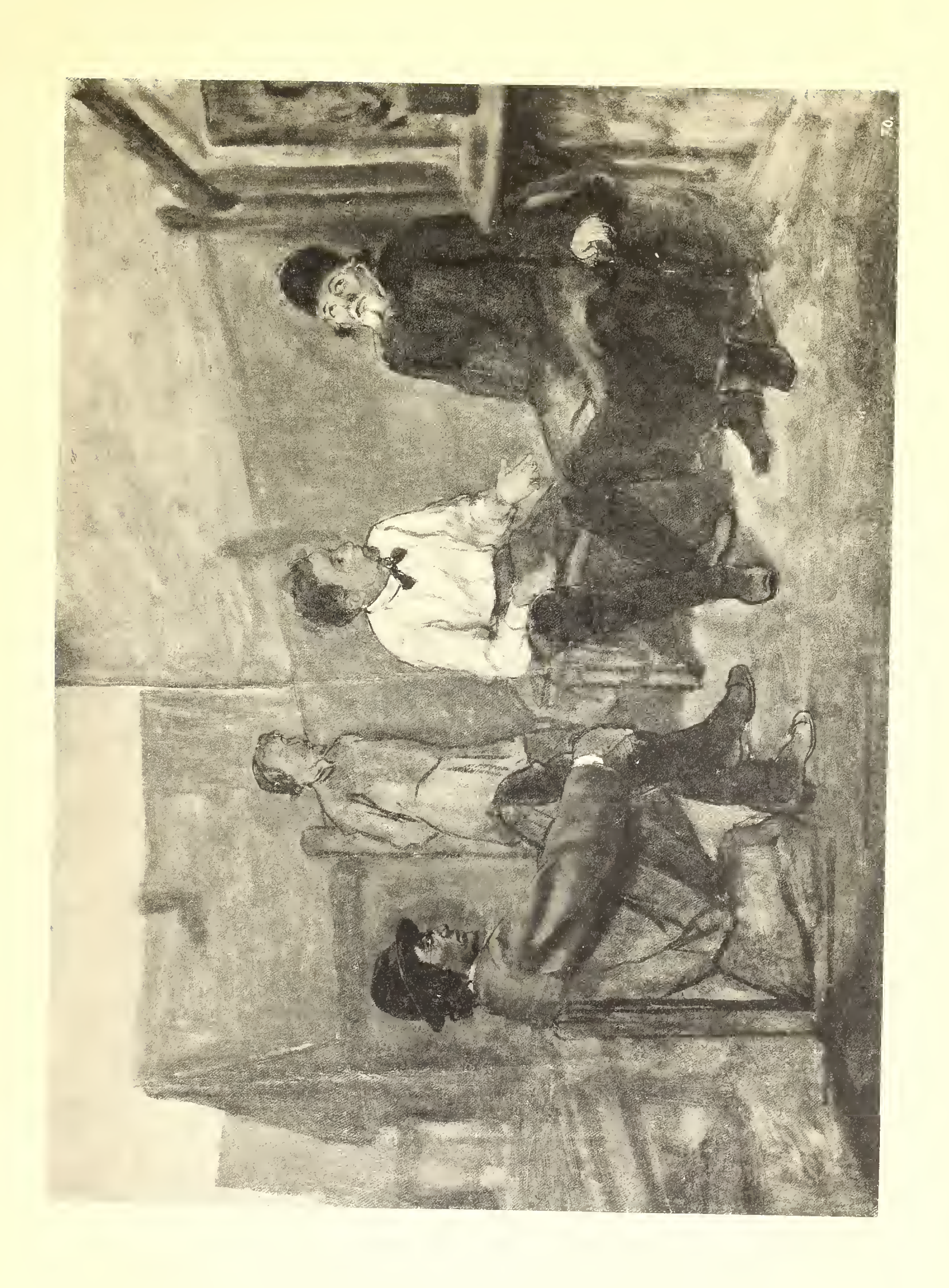

26.

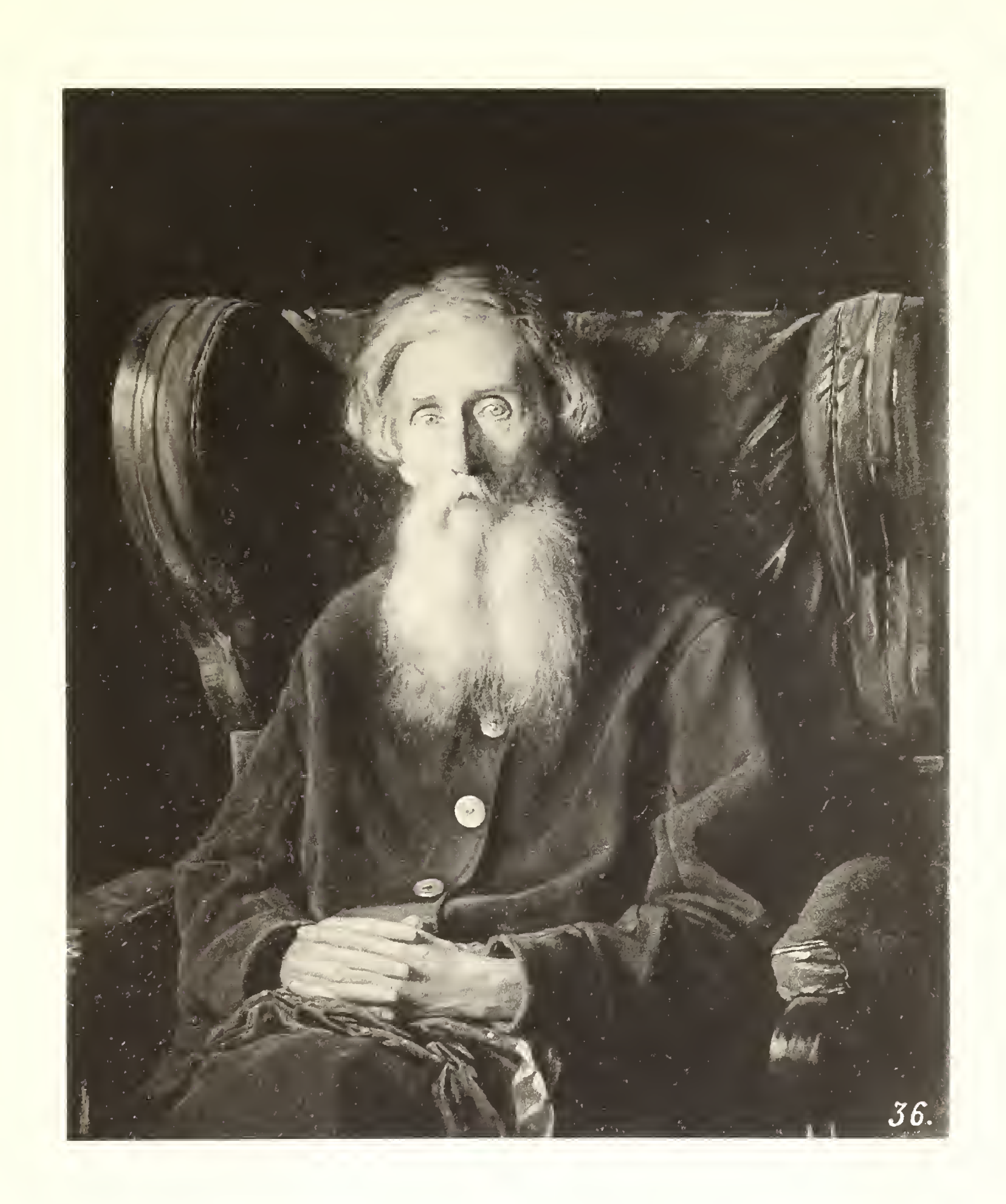

31.

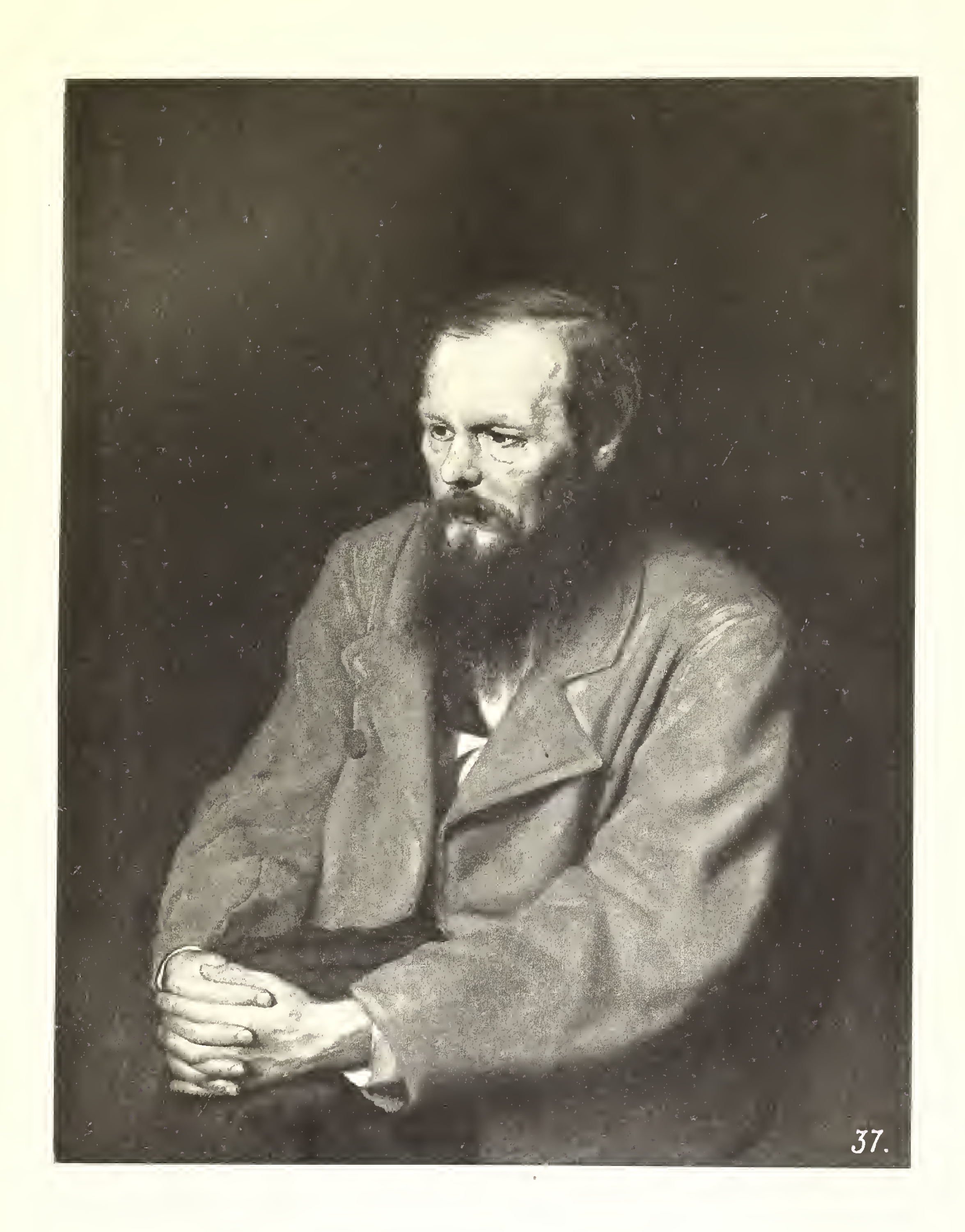

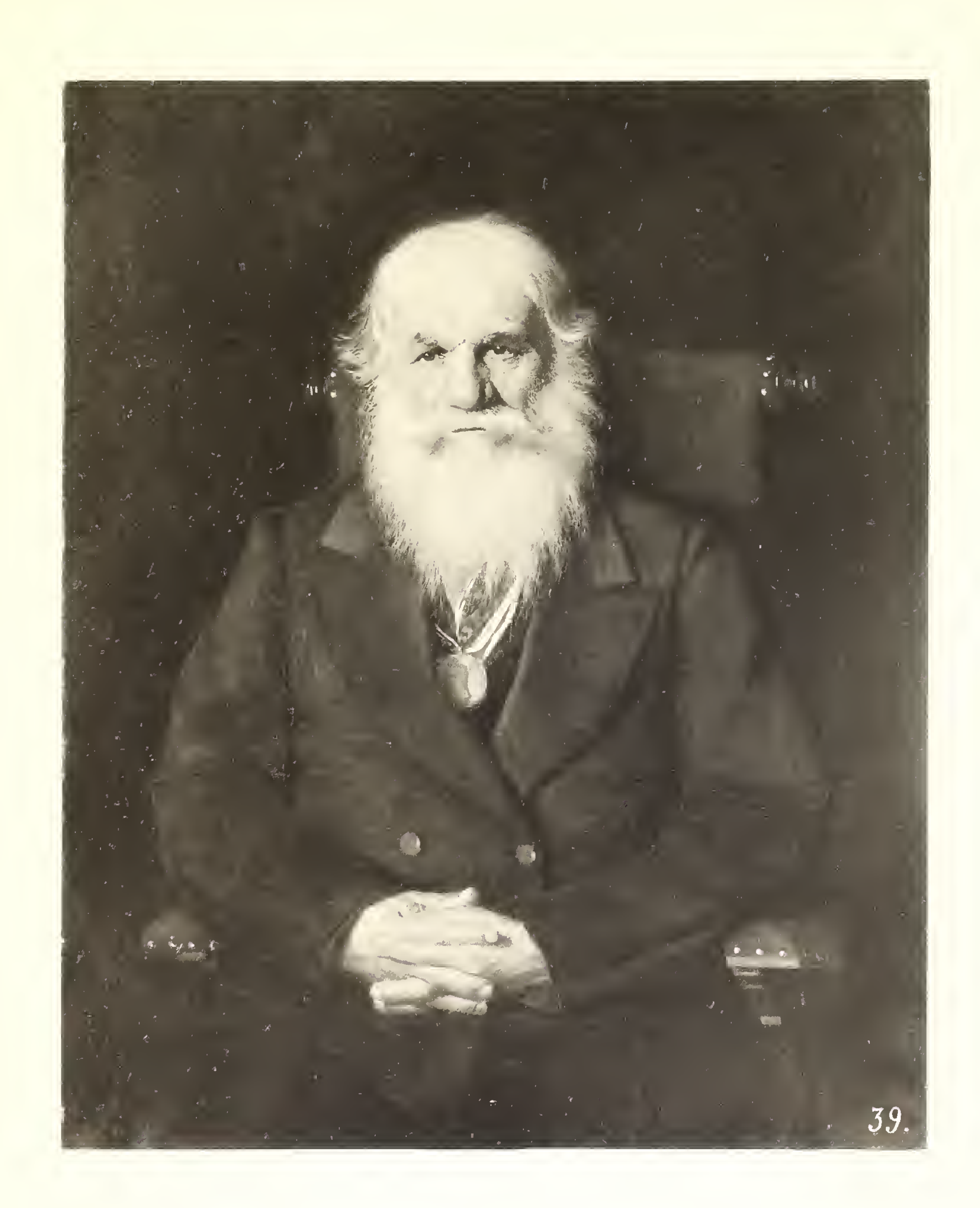

34.

35.

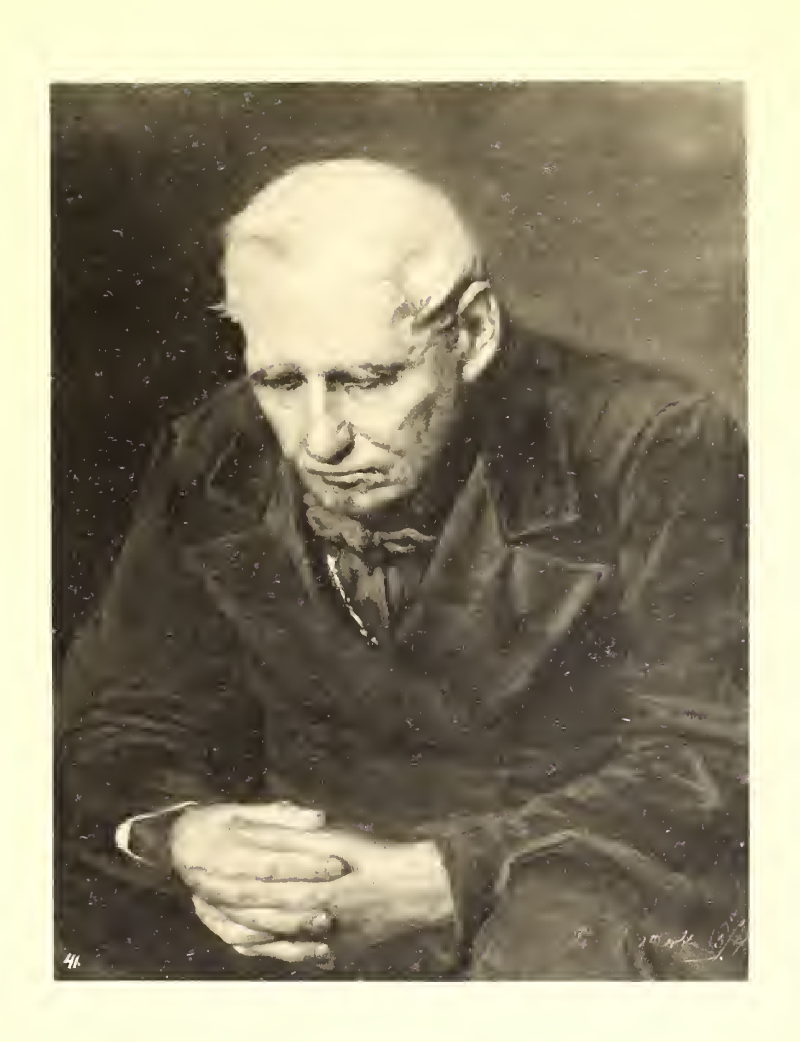

36.

37.

38.

39.

40.

42.

46.

49.

50.

52.

55.

58.

59.

Цѣна **10** рублей.

